В. Н. АФАНАСЬЕВ и Д. А. ВИЛЬНИН.

АПОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА В УЧЕНИИ О ЛЕСЕ

ПРОТИВ МОРОЗОВСКОЙ ШКОЛЫ В ЛЕСОВОДСТВЕ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ Д. А. КОНТОРИНА

1273089

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ОГИЗ РСФСР СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1932

АПОЛОГИЯ КАПИТАЛИЗМА В УЧЕНИИ О ЛЕСЕ

ПРОТИВ МОРОЗОВСКОЙ ШКОЛЫ В ЛЕСОВОДСТВЕ

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Предисловие III

От авторов V

I Лесоводство—„дитя нужды" 3

II Лесоводственный идеал и капиталистическая действительность 12

III Лесоведение, как „глубоко поучительная глава социальной биологии" 31

VI „Социальный лес" и философия черной реакции 44

V Социалистическое хозяйство и лесоводство 63

ПРЕДИСЛОВИЕ

Северный край — ведущий край лесной индустрии. Всякая инициатива, направленная к тому, чтобы двинуть вперед разработку проблем лесного хозяйства и лесной промышленности находит поддержку в крае. Это также относится и к теоретической работе.

«Теория становится беспредметной, если она не связывается с революционной практикой, точно также, как и практика становится слепой, если она не освещает себе дорогу революционной теорией. Но теория может превратиться в величайшую силу рабочего движения, если она складывается в неразрывной связи с революционной практикой» (Сталин). Отсутствие марксистско-ленинской разработки теоретических вопросов лесного хозяйства и лесной промышленности, неряшливый подход к теории, который наблюдался не только со стороны практиков, беспартийных, но и коммунистов руководителей лесной промышленности в недалеком прошлом, давали возможность проникновению в практику работы лесной промышленности насквозь буржуазных теорий Морозовых, Орловых и им подобных. Вредители в лесном деле (группа украинских вредителей, проф. Шустов, Марченко и др. и участников «Промпартии» — В. Т. Майера, Квятковского и т. п.) творили свое подрывное дело под легальным покровом буржуазных теорий, внедрившихся в науку о лесе.

Авторы настоящей работы едва ли не пионеры в деле большевистской партийной постановки теоретических вопросов лесоводства и их труд несомненно заслуживает внимания. Во всяком случае, эта книга возбудит широкий интерес среди научных и практических работников лесной индустрии и заставит их подумать над дальнейшей разработкой актуальнейших вопросов лесоводческой и лесохозяйственной теории. Это тем более необходимо, что грандиозные хозяйственные проблемы второй пятилетки и разрешение ее основной политической задачи — создания бесклассового социалистического общества — требуют широчайшего разворачивания научно-исследовательской работы и в этой области. Разрешение этой задачи возможно только в решительной борьбе с остатками капитализма, только путем решительного преодоления буржуазных предрассудков и упорной работой по социалистическому перевоспитанию трудящихся масс. Поэтому важнейшей задачей практической и теоретической работы является решительная борьба с контрабандой буржуазного и оппортунистического хлама в вопросах лесного хозяйства.

Интерес работы т.т. Афанасьева и Вильнина еще и в том, что авторы, хотя и бегло, пытаются обобщить практику работы лесной промышленности. Авторы правильно делают упор на том, что практическим выводом из морозовской теории о «постоянстве пользования» является рубка мелкими делянками, а такая рубка решительно

бьет по темпам и не дает возможности войти в лес с мощной механизацией. Буржуазный принцип «постоянства» находится в коренном противоречии с темпами социалистической индустриализации и с возрастающей потребностью страны в древесине. Буржуазные лесохозяйственные «догматы» таким образом пытались превратить лесную промышленность в узкое место народного хозяйства.

В лесных районах промышленной зоны нужно перейти к методу сплошных рубок и механизировать все процессы производства. Без этого перехода, лесная промышленность не сможет выполнить тех требований, которые во все возростающем объеме предъявлены к ней страной.

Механизация лесной промышленности также по новому ставит вопросы лесовозобновления, которые еще ждут своей научной и детальной разработки.

Громадное большинство учебных пособий для лесных ВТУЗ ов и техникумов занимается проповедью и восхвалением частно-владельческих буржуазных принципов хозяйствования в лесу, или феодального, чиновничьего управления лесами. Мы должны взять все, что является подлинно ценным из буржуазной лесоводственной и лесохозяйственной литературы но мы должны решительно отбросить как хлам все ненужное и вредное. Мы обязаны дать учебник по лесному хозяйству, основанный на марксистско-ленинской теории.

В продолжении ряда лет шла словесная и печатная борьба в лесной литературе. На эту борьбу было потрачено много бумаги, но так как это была борьба внутри одного лагеря,—лагеря буржуазных лесоводов, то эти споры только извратили вопросы лесного хозяйства. Лесные работники лишь отвлеклись этими спорами от актуальнейших вопросов лесного хозяйства и лесной промышленности. Беспощадного разоблачения буржуазных теорий в лесных науках мы до последнего времени не имели.

Работа т. т. Вильнина и Афанасьева страдает известными недостатками: недостаточно полно разобраны буржуазные теории. Авторы не охватили извращений в лесной политике, которые имели место в период управления лесами НКЗ и другими лесными организациями. На изложении отражается и то, что книга написана разными авторами и спешный характер ее составления. Расположение материала также не всегда удачно. Отдельные места написаны тяжелым языком. Эти недостатки несомненно будут исправлены дальнейшей работой нашей общественности, партийных и беспартийных специалистов.

Несмотря на свои недостатки, работа т. т. Вильнина и Афанасьева несомненно поможет нам критически подойти к вопросам лесной науки и заставит заговорить и заняться этим делом наши научные и исследовательские лесные учреждения, которым поручено претворить в жизнь решение 3-й Северной краевой партконференции о марксистско-ленинской разработке проблем лесного хозяйства и лесной промышленности.

Д. Конторин.

ОТ АВТОРОВ

«По лесной промышленности, имеющей исключительное значение для всего строительства, обеспечить должные темпы роста и проведение механизации» — такова директива XVII конференции ВКП(б) в отношении этой важнейшей отрасли социалистического хозяйства, определяющая ее задачи и место в плане второй пятилетки, которая завершит реконструкцию всего народного хозяйства СССР и создаст новейшую техническую базу для всех отраслей нашего народного хозяйства.

Лес и лесная промышленность, имеющие вообще первостепенное значение в составе материальной базы социалистической индустриализации всей страны наряду с металлом, каменным углем и нефтью, являются для отдельных районов СССР, к каковым в первую очередь относится Северный край, основой хозяйства.

Новые огромные практические задачи, выдвигаемые второй пятилеткой в области лесного хозяйства, выдвигают и новые огромные задачи теоретической работы в этой области, разрешить которые призваны ряд научных учреждений, изучающих лес и разрабатывающих теоретические проблемы лесного хозяйства «Необходимо, чтобы теоретическая работа не только поспевала за практической, но и опережала ее», — такова директива вождя нашей партии т. Сталина, обязывающая всех теоретиков всех областей теории дать практикам «силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела». (Сталин). Подходя под этим углом к области теоретической разработки вопросов о лесе и лесном хозяйстве, мы должны констатировать, что состояние науки о лесе и лесном хозяйстве не только не соответствует новым задачам, выдвигаемым строительством социализма, но что в науке о лесе и лесном хозяйстве до сих пор имеют широкое распространение буржуазные теории, откровенно-враждебные делу социалистического строительства.

Непосредственным объектом анализа в предлагаемой работе являются основные идеи морозовской лесоводственной школы, имеющей наиболее широкое хождение среди массы лесоводов.

Обильная литературная продукция теоретиков морозовской лесоводственной школы заполняет библиотеки наших лесотехнических вузов и техникумов. Тысячи будущих пролетарских специалистов лесного хозяйства черпают из их работ специально-технические знания, и многие из этих тысяч вместе с тем отравляют свои мозги тем тонким ядом и засоряют головы той гнилью, которыми пропитаны писания этой школы.

Характерная черта морозовской школы, выделяющая ее в ряде других буржуазных лесоводственных течений, это — потуги занять роль гегемона в «лесоводственном мировоззрении». Теоретики моро-

зовской школы, отнюдь не грубые эмпирики, они — тонкие философы, они возводят свои обобщения вплоть до «величайшего закона, перед которым склоняется космос»; они ищут источников лесоводственных идей у Лукреция и Плиния, у Канта и Маха, в легендах глубокой старины и в новейших открытиях науки. Для них «экскурсия в эту область не лишена практического значения, так как помогает понимать условия зарождения идей, обстановку, при которой способность распространения идей увеличивается, и те условия, которые помогают осуществлению идей в жизни»*) Но...

«... устарела старина
и старым бредит «новизна».

Все писания этой школы проникнуты насквозь определенной философией. Понятно, что философия ученых—приказчиков лесовладельцев, пропитанная классовыми интересами собственников лесов, не может не быть враждебной по отношению к пролетариату и его задачам.

Вредительство, имевшее место в лесном хозяйстве, есть практическое применение этой философии дипломированных лесных сторожей, до конца преданных своим бывшим хозяевам.

Вскрыть классовые корни и теоретические источники «лесоводственного мировоззрения» морозовской школы, разоблачить буржуазно-апологетический характер этого мировоззрения и показать непримиримую враждебность методологических принципов этой школы по отношению к социалистическому строительству — вот задачи, которые ставят перед собой авторы.

Вопрос о включении в работу научно-исследовательских учреждений Северного края, борьбы с буржуазными теориями в лесохозяйственных дисциплинах поднимался уже не раз. Северная III краевая партконференция вынесла специальное решение, обязывающее большевиков, работающих в научно-исследовательских учреждениях края в частности, в Комвуз'е, АЛТИ, СевНИЛИ, развернуть борьбу с буржуазными теориями в науке о лесном хозяйстве. III Северная краевая партконференция вменила в обязанность научно-исследовательских учреждений края «усиление марксистско-ленинской разработки теоретических проблем реконструкции лесной промышленности». Выполнение этой задачи невозможно вне беспощадной борьбы с буржуазными теориями, засоряющими головы нашим практикам. «Только в беспощадной борьбе с этими теориями может окрепнуть и вырасти теоретическая мысль» лесоводов-марксистов. Но такой борьбы еще нет. Развернуть эту борьбу нужно немедленно.

Северная краевая парторганизация под руководством ленинского Ц.К. одержала ряд блестящих побед на лесоэкспортном фронте. «Мы завоевали в лесу солидные позиции: научились побеждать в борьбе за количество, построили аппарат и создали кадры, которые получили большую закалку в борьбе за промфинплан, мы приобрели гигантский опыт организации масс и нашли высшую форму ее — бригаду, дающую высокие количественные и качественные показатели в борьбе за промфинплан» (Вл. Иванов).

---

*) Проф. М. Е. Ткаченко, Возникновение и распространение лесохозяйственных идей, стр. 4 изд. ЦДС 1929 г.

Эти величайшие успехи на лесном фронте достигнуты благодаря правильному проведению генеральной линии партии, благодаря непримиримой борьбе с классовым врагом и его агентурой в партии — правым, как главной опасностью, и «левым» оппортунизмом и примиренчеством к уклонам. Под большевистским руководством Севкрайкома ВКП(б) рабочие и колхозники Севера успешно справляются с основными задачами, возложенными на них партией и рабочим классом на лесоэкспортном фронте.

Северный край стоит перед грандиозной задачей реконструкции лесного хозяйства. «Пути реконструкции лесного хозяйства ясны — это механизация и создание на лесной базе большой химии Севера» (Вл. Иванов). «Вторая пятилетка Севера должна быть пятилеткой большой химии» — так совершенно правильно решила III краевая партконференция и указала, что «в первую очередь на основа химии должна перестроиться лесная промышленность». Эта задача предъявляет огромные требования к теории в области лесного хозяйства. Справиться с этими требованиями сможет лишь доподлинно-революционная марксистско-ленинская лесная теория. Но такой теории еще нет, ее нужно создать и к ее созданию нужно приступить немедленно. Практика в области лесного хозяйства требует не только нового подхода к проблемам леса, но она и дает достаточный фактический материал для разработки на основе марксистско-ленинской методологии новой теории лесного хозяйства. «Чтобы не отстать от практики, надо заняться теперь же разработкой всех этих проблем с точки зрения новой обстановки» (Сталин).

Наши положительные задачи в деле разработки теоретических проблем лесного хозяйства не могут быть разрешены без одновременной огромной критической работы, без разгрома буржуазных теорий в науке о лесном хозяйстве. Идеологи буржуазной лесной науки, исходящие из того, что «наша политика в лесу принципиально не нова» и пытающиеся навязать нам систему взглядов и установок, в корне противоречащих социалистическому характеру нашего лесного хозяйства и всей нашей лесопромышленной практике, находят себе поддержку во взглядах правых оппортунистов и троцкистских контрабандистов, в их «теориях» и «теорийках», в методологии механицизма, и меньшевиствующего идеализма.

Теоретики буржуазного лесного хозяйства наряду с правыми оппортунистами и контрреволюционным троцкизмом не признают социалистического отличия нашего современного лесного хозяйства от капиталистического и переносят в наше лесное хозяйство капиталистические законы. Механистическая теория равновесия служит методологической основой для буржуазных лесоводов в их борьбе против социалистической индустриализации нашего лесного хозяйства. Учение о конкретном понятии меньшевиствующего идеализма служит для обоснования понятия о лесе, при помощи которого пытаются доказать приоритет естественно-биологических закономерностей в лесном хозяйстве (см. проф. Сукачев, Руководство к исследованию типов лесов, стр. 18-19, изд. Сельхозгиз, 1930 г.).

Борьба против буржуазных, контрреволюционных теорий в лесном хозяйстве с «теорийками» и «теориями» агентов классового врага —

правых оппортунистов и троцкистских контрабандистов, с методологией механицизма, как главной опасностью на философском фронте, и меньшевиствующего идеализма — таковы предпосылки успеха в положительной разработке теоретических проблем лесного хозяйства, «марксистско-ленинской разработки теоретических проблем реконструкции лесной промышленности».

В этой области на теоретических работников лесного фронта Северного края, играющего исключительно важную роль в лесной промышленности Советского Союза, падает большая и ответственная задача.

Открытая свободная пропаганда идей буржуазной контрреволюционной морозовской школы и отсутствие борьбы с ней — яркий образец гнилого либерализма, проявляемого нашими товарищами, на которых партия возложила теоретическую работу на лесном фронте.

Молчанию против морозовской школы, являющейся «кладезем мудрости» для враждебных нам установок, должен быть положен конец. Разгромить до основания эту «школу» — задача, которую выдвигают перед теоретическими работниками лесного фронта авторы предлагаемой работы.

Авторы не являются специалистами в науках о лесном хозяйстве и решились взяться за рассмотрение «специальных» вопросов считая, что элементарный партийный долг требует, наконец, того, чтобы молчание по адресу морозовской школы было прервано.

Да простят им «специалисты», если авторы позволили себе коснуться вопросов истории лесоводства, лесной экономии, дендрологии, лесной энтомологии и многих других вопросов, находящихся в ведении «специалистов».

Касаясь ряда специальных вопросов, авторы имели ввиду показать лишь органическую неразрывную связь постановки этих вопросов у представителей морозовской школы с их философской линией и определяющую роль последней в разрешении ими практических вопросов. «Как бы не упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы. Вопрос лишь в том, желают ли они, чтобы ими управлял какой-нибудь скверный модный философ, или же они желают руководствоваться разновидностью теоретического мышления, основывающейся на знакомстве с историей мышления и его завоеваний» (Энгельс), т. е. руководствоваться диалектическим материализмом, единственно-правильной философией.

Поставить этот вопрос перед лесоводственной мыслью и заострить внимание к перестройке науки о лесе и лесном хозяйстве на основе диалектического материализма — такова задача, которую ставят перед собой авторы.

Авторы имели возможность выкроить для этой работы лишь последние остатки своего бюджета времени и не имели возможности использовать более или менее полно всей нужной литературы. Мы уверены, что неизбежные в этих условиях промахи в нашей работе будут исправлены в работах других товарищей, имеющих на то большие возможности. В предлагаемой работе развиты мысли, изложенные в выступлении от имени Краевого отделения ОВМД тов. Вильниным на теоретическом вечере в АЛТИ в июне 1931 года.

I ЛЕСОВОДСТВО — «ДИТЯ НУЖДЫ»

...„Характер тех производственных отношений, в пределах которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью... при тех же самых отношениях, при которых производится богатство, производится также и нищета... Задача экономистов, вроде Адама Смита и Рикардо... состоит лишь в том, чтобы уяснить, каким образом приобретается богатство при буржуазных производственных отношениях...“

К. Маркс—Нищета философии.

В классовом, антагонистическом обществе, раздираемом классовой борьбой, всякая наука—неизбежно классовая, партийная наука. Классовые интересы, материальные нужды господствующего класса, определяют задачи науки и направление, в котором ученые разрешают научные задачи; наука в классовом обществе неизбежно отражает общественную борьбу, мировоззрение, желания и стремления создающего ее класса. Все отрасли науки, даже самые специальные, проникнуты классовым содержанием.

Для развития своего промышленного производства буржуазия нуждалась в науке, и этой нужде обязаны своим возникновением и развитием целый ряд наук, в том числе и наука о лесном хозяйстве.

— Учение о лесе значительно обязано своим развитием лесоводству,— пишет Морозов,— а лесоводство — дитя нужды в лесе.

«Еще Котта учил, что лесоводство — дитя нужды в лесе, или по крайней мере опасения, что таковая нужда может быстро наступить... Пока леса было много, пользование им происходило без всяких лесоводческих забот о том, что может произойти в результате такого пользования. По мере увеличения численности населения, с одной стороны, увеличивались запросы человеческого общества к лесу и к даваемым им продуктам, с другой стороны, площадь лесов уменьшалась отчасти от неразумного пользования, отчасти от превращения в сельско-хозяйственные угодия. И вот, когда стала становиться все назойливее тревожная мысль о возможности истощения лесных запасов... она ставила задачу такой организации лесного пользования, чтобы оно было постоянным, вечным... Нужда в лесе родит идею постоянства пользования лесом, и вот она то и есть краеугольная идея всего лесного хозяйства *) (подчеркнуто нами. Авторы).

С первого же знакомства мы узнаем Морозова, как типичного служителя культа абстрактного человека, «вечных» идей и «универ-

*) Г. Ф. Морозов. Учение о лесе стр. 96.

сальных» законов. Учение о лесе обязано своим развитием лесоводству, а лесоводство—дитя «нужды». Абстрактная нужда абстрактного человека. Бессмысленное истребление лесов «неразумным» человеком родит «назойливые» мысли о «постоянном, вечном» лесопользовании. Бессодержательная, абстрактная «тревога», тревога без адреса, оставляющая в стороне самое главное: способ общественного производства, уровень техники, состояние производительных сил.

Эти тощие положения составляют краеугольный камень всех писаний по вопросам лесного хозяйства. Этой пустой абстрактной фразеологией затушевывается конкретная классовая природа «лесохозяйственных принципов» и «лесоводственных устоев».

Попробуем разобраться в этом тумане. Сначала обратимся к вопросу о характере той нужды, порождением которой является лесоводство.

На заре земледелия имеется так много лесов, что они мешают землевладельцу. Землевладелец охотно бы отдал лес тому, кто его уберет. Прогресс земледелия сопровождается исчезновением лесов. Переход к трехпольной системе сопровождался выжиганием обширных лесных площадей. В Англии выжигание лесов отмечается с XII в. То же и во Франции. В Северной Америке в середине девятнадцатого столетия еще были многие места, где землевладельцы были бы счастливы, если бы могли избавиться от лесов. С развитием товарно-денежного хозяйства положение меняется в корне. Рост промышленности и городов породил спрос на топливо и материалы для построек. Рубка леса и первоначальная обработка его крестьянами для господского поместья и для собственного потребления, характерная для эпохи феодализма, отходит в прошлое.

Теперь господствующий класс спешит захватить леса, бывшие до тех пор в общем пользовании, в свою монопольную собственность. Захват носил насильственный характер. Вокруг разграбления лесов помещиками и князьями разгорается упорная и кровавая борьба. Попытки возвратить леса, захваченные и захватываемые помещиками и князьями светскими и духовными, составляют существенный момент крестьянских войн. «Все захваченные сеньорами л е с н ы е и водные территории должны стать общим достоянием, чтобы как богатый, так и бедный мог во всех реках и прудах свободно ловить рыбу, охотиться за зверями во всех л е с а х и гонять зайцев на всех полях—таково одно из требований Уота Тайлора (XIУ в).

С тех пор, как помещики и помещичье государство становятся крупнейшими лесовладельцами, ограбленное крестьянство, в течение ряда столетий свою нужду в лесоматериалах, в лесных пастбищах, в каждой хворостине, вынуждено удовлетворять в беспрерывной войне с лесовладельцами.

«Нужда» в лесе зарождается с возникновением товарно-денежного хозяйства, с превращением леса в товар, с захватом лесов в монопольную собственность помещиков и их государства.

Древесное топливо было единственным горючим материалом на заре железоделательной промышленности. Первые доменные печи Англии расположены были в южных лесистых местностях. Железорудные месторождения, слишком удаленные от лесов, не разрабатывались. Чтобы поддерживать огонь железоделательных заводов

вокруг каждого завода совершались настоящие гекатомбы, деревьев. После распашки лесных пространств и расширения пастбищ развитие железоделательной промышленности являлось важнейшей причиной истребления лесов. Исчезновение лесов вызвало серьезную тревогу за будущее английского мореплавания. Дод Додлей в 1665 году писал: «Если леса будут и впредь уменьшаться и в конце концов исчезнут, то для нас потеряно будет то, что составляет главную силу Англии: ее суда, ее матросы, ее торговля, ее рыболовство, военный флот его величества, наше наступательное и оборонительное оружие». *) Несмотря на то, что в целях охраны лесов число железоделательных заводов было законом ограничено, истребление лесов продолжалось, вызывая кое у кого искреннее желание, чтобы в Англии совсем не производили железа. В 1740 году трудность получить достаточное количество леса и неудача первых попыток использовать каменный уголь для плавки чугуна держали железоделательную промышленность на низком уровне. По словам современника в это время «производство железа чахло, незначительное и презираемое».

Промышленная буржуазия также «нуждается» в лесе и с ростом промышленности эти «нужды» ощущаются все сильнее.

Первые попытки лесоустройства связаны именно с горнозаводскими местностями. Применительно к задаче обеспечения заводов топливом отводился лесной участок и производилась рубка. В целях обеспечения развивающейся французской промышленности топливом (Франция погибнет от недостатка лесов!— восклицает Кольбер) в 1669 г. Кольбером было проведено в законодательном порядке лесоустройство. Лесные участки были разделены на лесосеки одинаковой величины, вместо выборочной рубки ввели сплошную рубку. Лесосеки следовало вырубать по порядку друг за другом, оставляя на десятине по 20 деревьев из числа господствующего насаждения, и сверх того, возможно большее число дубов.

Приспособливаясь к условиям рынка и лесное хозяйство меняло свои формы. Так, в Пруссии до конца восемнадцатого века удерживалось площадное устройство лесов. Объясняется это состоянием лесной торговли в Пруссии. Заводов было очень мало. Прусский казенный лес шел отчасти морем за границу, а главным образом в большие города Померании и Бранденбурга. Удобные сплавные пути давали возможность равномерного снабжения рынка лесом из казенных лесов, несмотря на неравенство годичных отпусков из отдельных дач. Если в одной даче не было спелого леса, то древесина, отпускалась из соседней, казенной же дачи. Наоборот, единственный крупный город прусской Силезии Бреславль мог получать лес лишь из определенной местности. Многочисленные в Силезии горные заводы также нуждались в равномерном годовом отпуске топлива из каждого леса особо. Вследствие этого в Силезских дачах быстрее осуществлен был переход к равномерным годичным отпускам из каждой дачи. Здесь впервые было осуществлено периодное лесоустройство: леса были разделены на отрезы, каждый отрез делился на лесосеки по числу оборотов рубки, установленного для каждого отреза особо.

---

*) П. Манту.—Промышленная революция XVIII столетия. Стр. 205.

Лес стали нарезать не равными площадями, а в соответствии с бонитетом (добротностью почв). То же происходит и с возрастом, в котором леса поступают в рубку Так, французские лесовладельцы рассуждали, что глупо—де беречь лес до 25 — 35 лет, когда он в 16 — 18 дает хороший доход. Но когда доменные печи Франш — Конте, потреблявшие мелкие дрова и древесный уголь, перешли на другое топливо и перестали покупать молодые лесосеки, лесовладельцам поневоле пришлось переходить к более «рациональному», с точки зрения рынка ведению лесного хозяйства.

Рост машинной индустрии потребовал замены древесного топлива каменным углем. В свою очередь каменоугольная промышленность потребовала тонкого леса средних размеров для рудничных крепей С введением железных судов сократилось потребление крупного корабельного леса. Железные дороги потребовали шпал. С развитием во второй половине XIX века целлюлозно-бумажного производства на базе древесного сырья появился колоссальный спрос на еловые балансы. «Еловая мания» немецких лесовладельцев и лесоводов сорок-пятьдесят лет тому назад была вызвана именно этим обстоятельством

На ограниченные возможности лесоводства в рамках капиталистической системы было указано Марксом:

> «Длинное время производства (включающее в себя в незначительной части рабочее время) — читаем мы у Маркса — и связанная с ним продолжительность периода оборота делает лесоразведение не выгодным для частных, а следовательно, для капиталистических предприятий... Развитие культуры и вообще промышленности настолько энергично проявило себя уничтожением лесов, что по сравнению с этим все, что было сделано им для поддержания и насаждения леса, представляет совершенно незаметную величину» (Капитал, том II, книга II, стр. 224 — 25
>
> Указывая на то, что «действительно рациональное земледелие на каждом шагу наталкивается на непреодолимые помехи, полагаемые частной собственностью», Маркс писал, что рациональной агрономии «противоречит и зависимость культуры особых земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленный на непосредственную более быструю денежную выгоду. Яркий пример этого дает лесное хозяйство, которое лишь в тех случаях ведется до известной степени в соответствии с общественным интересом когда леса не составляют частной собственности, а подчинены государственному управлению» (курсив наш. Авторы). (Капитал, т. III, кн. II стр. 158, примечание).

Эти слова Маркса вполне отвечают и современному положению вещей в лесном хозяйстве капиталистических стран.

Морозов, рассматривающий капитализм как естественное и нормальное состояние общества, понятно, не может видеть того, что чрезвычайно ограниченные возможности лесовозобновления путем лесонасаждения имеют свои причины в капиталистических отношениях. Он считает, что узкие пределы лесокультурных мероприятий

определяются самой природой леса. «Лесные хозяева, говорит Морозов, не могут... в полной мере вести искусственную селекцию, как агрономы. И растения останутся всегда дикими, не одомашненными, и только в параллель выращиваемым с известной суммой ухода продуктам сельского хозяйства можно поставить ту или иную форму культурного леса» (Учение о лесе, стр. 314, подчеркнуто нами. Авторы). Восстановление леса путем нового посева или посадки Морозов признает, ссылаясь на естественные условия, всегда частным случаем в лесном хозяйстве, в отличие от сельско-хозяйственного растениеводства.

Какую огромную роль играют в этом вопросе в действительности социальные условия, показывает то обстоятельство, что только в условиях социалистического хозяйства оказалось возможным поставить в порядок дня такую грандиозную задачу, как облесение в пятилетний срок огромной площади в несколько миллионов гектаров. Практика насаждений при капитализме, именно, в силу условий самого капиталистического хозяйства, на которые указывается в приведенных выше словах Маркса, не могла приобрести такого массового характера, такого широкого размаха, какой сейчас намечается у нас.

Лесное хозяйство при капитализме, несмотря на частичные случаи лесокультурных мероприятий, в действительности представляет из себя всегда хищническое лесоистребление.

Образцом хищнического лесоистребления являлось казенное лесовладение царской России. При этом, на примере России легко можно опровергнуть буржуазно-помещичьи теории Морозова, Орлова и иже с ними, которые лесное хозяйство рассматривали изолированно от развития общественного хозяйства, подчиняя его законам «равновесия», «устойчивости» лесонасаждения. В. И. Ленин в статье «Значение переселенческого дела» приводит жуткие факты государственного разгрома сибирских земель и лесов, полного разгрома того, что именуется рациональным лесным хозяйством, «Вот картинка лесного хозяйства: переселенцам, которым «привалило неожиданное счастье», разрешили продать лес, 300 десятин вековечного строевого лесу они продали за 17 рублей десятину. Десятина вековечного строевого леса, даже по сибирским ценам стоит, на худой конец, рублей 200. Еще картинка: переселенцы продают подрядчику Жоголеву 25.000 шпал по 4 коп. за штуку. Он платит за рубку по 5 коп., за вывоз по 25 коп., за доставку пароходам по 10 коп. и получает с казны по 80 коп. за шпалу... Вот вам,— заключает В. И. Ленин,— октябристский капитализм эпохи первоначального накопления, упорно уживающийся с Пуришкевичами и пуришкевичевщиной российской жизни» (Ленин, т. XII, ч. II, стр. 96).

С. А. Богословский, разумеется замалчивает это. «Принципиальные ошибки хозяйственного лесоустройства в Сибири» он видит в том лишь, что устраиваемые леса Сибирской тайги не были обеспечены охраной от пожаров. В результате причина гибели сибирских лесов сводится им... к плохой лесоустроительной инструкции! Богословский прикрашивает крепостничество. Дело не в «инструкции», дело во всем крепостническом строе, в крепостнической казенщине, которая душила старую Россию,— вот что затушевывает Богословский.

Вот другой пример, приведенный Лениным в той же статье: «Очень ценная сосновая дача съедена начисто сосновым шелкопрядом. Когда началось повреждение, лесничий должен был писать бумагу об ассигновании кредита. Пока шла переписка и сношения с Питером, лес пропал». «Все так называемое лесоустройство,—пишет старый лесничий,—сведено к нулю» (там же). От этого «угара, чада, удушья старой крепостнической казенщины» от «октябристского капитализма эпохи первоначального накопления», от «пуришкевичевщины российской жизни»,—вот отчего опустошались, расхищались и громились леса Сибири.

Для ученых лакеев лесовладельцев крепостнической России образцом являлась Германия. Германия, страна «передовая», там лесное хозяйство ведется в «образцовом» порядке, на эту страну нужно было равняться.

Посмотрим, как обстоит дело в этой «идеальной» стране. В Германии зависимость не только частного, но и государственного лесного хозяйства от «колебаний рыночных цен», от всего «духа капиталистического производства» особенно велика. Казенное лесное хозяйство не отделимо от всей хозяйственной системы капиталистической Германии. «Там, где само государство является капиталистическим производителем, как при эксплоатации рудников, лесов и т. д., его продукт есть «товар» и обладает поэтому специфическим характером всякого другого «товара» (Маркс).

Германская деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность до войны 1914 — 18 г. в связи с ростом хозяйства в целом развивались очень быстро. За время с 1882 — 1907 г.г. число рабочих, занятых в лесообрабатывающей промышленности Германии, выросло с 469.695 до 771.059 чел., в 1860 г. 912 предприятий бумажной промышленности имели годовую выработку 75.000 тонн бумаги и картона. Через 20 лет, в 1900 г. в Германии насчитывалось 966 предприятий с годовым производством свыше 1.000.000 тонн бумаги, 300.000 тонн целлюлозы, 350.000 тонн древмассы. На производство бумаги в начале текущего столетия Германия ежегодно расходовала около 2.400.000 кубических метров баланса, из которых 2.000.000 заготовлялось внутри страны. Выраставшая потребность в лесе, при недостатке его внутри страны, обеспечила лесному хозяйству высокую доходность и постоянный сбыт. Эксплоатация наличных лесных массивов велась наиболее интенсивными методами. Усиленно внедрялось искусственное лесонасаждение.

Вся постановка дела была направлена к тому, чтобы вырубка не превышала нормального прироста. В итоге за период 1893 — 1900 г.г. общая площадь лесов Германии (в составе которой частное лесовладение составляло 46,5%, государственное 31,7 %), даже возрасла на 40 тыс. га. За этот же период площадь государственных лесов Германии возросла на 250 тыс. га, вдвое перекрыв происходящее сокращение частновладельческих лесов. Площадь лесов увеличивалась путем искусственных хвойных насаждений. За восемнадцать лет — 1883 — 1900 г.г.— площадь хвойных насаждений возрасла почти на 350 тыс. га. *) Площадь хвойных насаждений росла в результате «еловой мании», которая упоминалась выше.

*) Касперович. Лесное дело, лесная торговля и лесопромышленность России 1916 г.

«Почему же так увлекались елью? Главная причина увлечения — громадный доход, который дает еловый лес в Германии. Будучи чрезвычайно благодарна ко всякого рода прочисткам и прореживаниям, ель, помимо главного, дает богатые промежуточные пользования: можно даже сказать, чем больше мы берем из елового насаждения, тем лучше веселее оно растет. Благодаря высоким техническим качествам еловой древесины, находящей применение в самых разнообразных отраслях промышленности, громадные запасы древесины, получающиеся в еловых лесах, имеют неограниченный сбыт».**)

Ель считалась самой выгодной породой. Увлечение было так велико, что ель сажали везде без разбору, не считаясь с условиями произрастания этой породы. Душа лесохозяев радовалась при виде дружного роста молодых еловых насаждений. Но конечные результаты были плачевны: множество насаждений погибло от вредителей, другие сильно изредились снеговалом и ветром, на больших площадях искусственно-созданных чистых еловых насаждений прирост почти полностью прекратился. И на съезде Саксонского лесного союза (в 1922 г.) руководители государственного лесного управления вынуждены были заявить, что требуется огромная затрата труда и денег, чтобы поднять резко ухудшившуюся за последния десятилетия производительность лесов.

История с елью является поучительной иллюстрацией к словам Маркса. И там, где капиталистическое государство управляет лесами и даже «образцово»,— дух наживы стремление к возможно более быстрой денежной выгоде неизбежно толкает лесоводство на ложный путь. А за последствия таких ошибок, вытекающих из самой природы капиталистического способа производства, трудом и потом расплачивается рабочий класс, широкие трудящиеся массы.

Итак, лесоводство, конечно —«дитя нужды», но кого и в чем и какой «нужды»? По Морозову нужда в лесе рождается и растет вследствие увеличения численности населения и увеличения его потребностей, с одной стороны, и уменьшения площади лесов,— с другой. Площадь лесов не только не увеличивается, а с ростом населения она должна неизбежно сокращаться. Между тем потребности, «запросы человеческого общества к лесу» (Морозов), вследствие того же самого роста населения, должны неизбежно увеличиваться. Диспропорция между растущими потребностями в лесе и возможности их удовлетворения не только не устранима, но она должна прогрессировать. «Нарушенное равновесие» между — спросом «со стороны общества» и «предложением» со стороны природы толкает Морозова на искание выхода из этого противоречия в природе самого леса, в приспособлении к естественным законам его возобновления, в «регулировании общественной жизни древесных растений». Лесоводство призвано указать пути к такому удовлетворению нужды в лесе, чтобы оно могло итти постоянно и вечно.

Механистичность и абстрактность, как основные черты буржуазного морозовского учения о лесе, ярко выступают в его постановке основного вопроса о задачах лесоводства. Вне времени, вне условий исторических способов общественного производства, вне общества,

**) Цитируем по Богословскому „Новые течения в лесоустройстве", стр. 96.

а лишь на основе естественных законов природы — вот суть подхода Морозова к проблеме использования леса. «Нужда» в лесе, выступающая у Морозова как тощая абстракция, в действительности является нуждой определенных классов, исторически определенного способа производства. Крестьянин и помещик, фабрикант и лесовладелец — все они по разному «нуждаются» в лесе. Интересы различных социальных групп в лесе не только различны, но и противоречивы и антагонистичны. «Нужда» в лесе это — классовые интересы, а не абстрактная потребность абстрактного человека. «Нужда» в лесе это не абстрактные «запросы человеческого общества к лесу и к даваемым им продуктам», а конкретные запросы, изменяющиеся в связи с развитием общественного производства, в связи с развитием производительных сил.

Если аристократ, феодал «нуждался» в лесе, как естественной основе своих общественных привилегий и месте своих привилегированных охотничьих и других развлечений, то его обуржуазившийся потомок, распростившись с романтикой и аристократическими традициями, «нуждается» в лесе, как прозаическом товаре, торгуя которым, он более или менее удачно поддерживает свое благосостояние на бурных волнах капиталистической стихии.

Если «нужды» крестьянина в жердняке, хворосте, дровах, в материалах для построек. в выгоне для скота и т. д. толкают его на повседневную войну с собственником леса, помещиком и кулаком, и в этой войне он сплошь-да рядом вынужден прибегать к «недозволенным законом» средствам, то капиталист свою «нужду» в лесе удовлетворяет, зверски эксплоатируя лесных рабочих. «Лес есть стихия»— говорит Морозов... древесные растения соединены друг с другом не в каком либо хаотическом беспорядке, а в гармонии... Но, капитализм — тоже стихия, и капиталисты в бешеной погоне за наживой не хотят и не могут считаться с «гармонией» древесных пород. Вторжение капитала в лес создает «нужду» в лесоводстве. «Лес стихийный»... «находится под железной властью окружающих... географических условий среды» (Морозов). Лес, втянутый в стихию капиталистического хозяйства, попадает под «железную власть» законов капитализма. Помещик — лесовладелец «нуждается» в лесе как «постоянном и вечном» источнике своего благосостояния». Капиталист «нуждается» в лесе, как в одном из источников в своей «постоянной и вечной» погоне за прибылью. Лесоводство должно удовлетворить «нужду» и того и другого. Ученый лесовод, как муж науки, хочет примирить их противоречивые интересы на основе «гармонии леса». Свою мечту об их гармонии, иллюзию своего социального идеала он воплощает в своем лесоводственном идеале.

Задача, которую ставит перед собой буржуазная лесоводственная наука, состоит по самой сути, в том же, в чем видели свои задачи основоположники буржуазной политической экономии, — «уяснить каким образом приобретается богатство при буржуазных производственных отношениях» (Маркс).

«Нужда» в лесе в капиталистическом хозяйстве может удовлетворяться лишь путем купли и продажи. Развитие капиталистической промышленности вело к громадному увеличению спроса на лес и к развитию лесопромышленности, т. е. приготовлению леса на

продажу при посредстве наемной силы. Капиталистическая промышленность нуждается в целой армии лесных рабочих, всегда готовых взяться за работу и обратно: известная и немалая часть сельского населения должна постоянно нуждаться в ней, т. е. быть вынуждена продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях.

«Нужда» в лесе, как видим, создает не только лесоводство, но и «нужду» в лесных рабочих, а у последних постоянную нужду в лесных работах. «Нужда» в лесе приводит не только к созданию богатства, а также и нищеты, ибо в капиталистических условиях «при тех же самых отношениях, при которых производится богатство, производится также и нищета» (Маркс).

Весь этот огромный комплекс связанных с лесом социальных отношений, насыщенных противоречиями и антагонизмами, Морозов и его школа растворяют в тощей абстрактной формуле — «лесоводство — дитя нужды в лесе», окутывая туманом абстракции живую капиталистическую действительность, скрывая в этом тумане «нужды» господствующего класса: создание богатства помещиков и капиталистов за счет нищеты крестьянства и пролетариата.

Короли автомобилей «нуждаются в каучуке. И вот «дикую» гевею «одомашнивают». На каучуковых плантациях воцаряется самая дикая, самая свирепая эксплоатация цветных рабочих. Кровь и железо, финансовая кабала и коррупция, отчаянная борьба за захват земель» каких бы то ни было, где бы то и было, как бы то ни было»—все «мирные» и насильственные средства пускаются в ход, для удовлетворения новой нужды капитала.

«В лесах Бразилии много деревьев... Одно дерево называется, например, «гевея». Это рослое ветвистое дерево с корой светло-серой и пятнистой... Оно могло бы остаться в лесах Бразилии среди других деревьев. Но... в Нью-Иорке, в Париже, Лондоне, в Берлине...много автомобилей... Скромное дерево с пятнистой корой оставило дикие леса... Оно стало огромными плантациями.

На Яве и на Цейлоне, в Малайке и в Индо-Китае в тихие вечера, среди лихорадки и горя, среди центов и пиастров, среди желтых слез и желтых долларов, тихо шумят стройные рощи... Белым людям они приносят дивиденды, желтым людям — смерть... Каждое утро голые кули кривыми ножами надрезают нежно-серую кору... Кули и деревья... равно истекают кровью. Но кровь кули ничего не стоит, и о ней никто не говорит, а белая, как молоко, кровь ветвистого дерева воистину драгоценна. Она котируется на всех биржах. Она сводит людей с ума. Ради нее они готовы тотчас же пролить тонны человеческой крови...» («10 лошадиных сил». Эренбург).

Поистине лесоводство — «дитя нужды»...

Нужда лесовладельца в деньгах, нужда все увеличивающаяся родит идею постоянства пользования лесом, как средством удовлетворения этой нужды, и вот она-то и есть «краеугольная идея» всего «лесного хозяйства» обуржуазившихся помещиков, которые стремятся, как к идеалу, к такой организации «пользования лесом», чтобы доход лесовладельца не только бы не уничтожался, но еще, по возможности и возрастал бы. Этот «идеал» и определяет основные законы лесоводства.

Посмотрим, что говорят об этом «ученые» приказчики лесовладельцев.

II ЛЕСОВОДСТВЕННЫЙ „ИДЕАЛ“ И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Бразилия обладает величайшими в мире запасами каучука. Капиталистическая система производства привела к хищническому использованию этого огромного природного богатства. Буржуазия обратила Бразилию в страну кофе, перепроизводство которого заставляет теперь „кофейных королей“ в погоне за прибылью выбрасывать в море миллионы мешков кофе. Добыча каучука на плантациях почти совершенно прекратилась. Плантации автомобильного „короля“ Форда, площадью в один миллион гектаров, закрыты.

„Комсом. Правда“.

«Лесное хозяйство характеризуется постоянством пользования» (Морозов). В определение лесного хозяйства необходимо включить идею постоянства пользования: «постоянство пользования лесом есть догмат лесного хозяйства» (Орлов). В чем же состоит «постоянство пользования»? «Последнее в лесу достигается соблюдением двух начал: во-первых,— рубки должны быть так организованы, чтобы во время, их производства, или следом за ними, возникал новый лес, иначе говоря, чтобы рубка и возобновление были синонимами; во-вторых, чтобы в лесу, подчиненном хозяйству, были налицо разнообразные участки в возрастном отношении, т.-е. чтобы были одновременно и молодняки, и средне-возрастные насаждения, и приспевающие и спелые». *)

Указанные два признака, по авторитетному свидетельству Морозова, и исчерпывают собою основные признаки постоянства пользования в лесу.

Морозов не доказывает, а постулирует «вечные принципы». Оба признака сочинены им в целях угождения лесовладельцу. Пустое, бессодержательное отожествление рубки и возобновления — «рубка и возобновление — синонимы» — исключает самостоятельное значение за лесовозобновлением. Морозов отрицает активное воздействие, через посредство техники, на процесс лесовозобновления. Вложение капитала в лесоразведение ведь невыгодно для частного хозяйства! Единственное, на что лесовладелец согласен,— сводится к регулированию рубки, если это регулирование не снижает доходности лесов. Регулировать рубку дешевле стоит, дело природы восстановить «равновесие».

Беспомощность этого универсального принципа оттеняется особенно ярко в условиях социалистического хозяйства, перед которым

*) П. Ф. Морозов Рубки возобновления и ухода, стр. 5. ГИЗ 1930 г.

стоят грандиозные задачи планирования самой географии лесных пород, разведения более ценных пород на освобождаемых от «дикого» леса площадях. Напыщенная фраза — «рубка и возобновление — синонимы» — является механистической абстракцией, которая обходит главное — изменения, вносимые человеком в природу.

В применении к организованному социалистическому лесному хозяйству, требования «равновесия» между участками в возрастном отношении приводят к чисто реакционным выводам, замыкают планирование в тесные границы лесной дачи, сужают горизонты научного ведения лесного хозяйства, снижают науку до ограниченного кругозора вульгарных апологетов капитализма.

«Равновесие» между участками в возрастном отношении — ограниченный идеал буржуазного лесовода. Разнообразные, изменчивые требования рынка ежедневно нарушают «равновесие» в лесу, «спелость» леса наступает тогда, когда подымается цена леса. «Равновесие» между высоким «идеалом» и низкой действительностью достигается путем нарушения «идеала». «Идеал» недосягаем.

Принцип постоянства пользования принимается буржуазным лесоводством как нечто само собой разумеющееся, как аксиома, не требующая доказательств. Попытка серьезно обосновать эту основную лесоводственную идею предпринята одним из столпов немецкого лесоводства проф. Вагнером. Вот вкратце доводы, которыми Вагнер обосновывает принцип постоянства пользования.**)

1. «Природа не делает скачков», в соответствие с чем и техника должна избегать внезапных сильных вторжений в жизнь леса. Это особенно относится к воспитанию и возобновлению леса, являющимся первоисточником и самого пользования лесом. Только постоянство развития лесонасаждений и хозяйственного на них воздействия обеспечивает полное использование сил природы. Лесоводственная же техника может полностью осуществить этот прицип только при том условии, если и при регулировании пользования будут соблюдены требования постоянства...»

Или: «Идеал» лесовладельца — непрерывно возрастающий доход и сама природа должна служить этому «идеалу».

2. «Крупное лесное хозяйство должно выбрасывать на рынок равномерное количество продукции, чтобы не нарушить равновесия между спросом и предложением, ибо это равновесие, вследствие большой продолжительности периода производства, не может быть восстановлено увеличением или сокращением продукции, как в промышленности, или в сельском хозяйстве...»

Или: «идеал» лесовладельца осуществим лишь при непрерывном сбыте и притом по возрастающим ценам.

3. «Лесное хозяйство должно обеспечить постоянную равномерную нагрузку административно-технического персонала и создавать постоянный равномерный спрос на труд рабочих, при каковом условии только и возможно привлечь необходимые рабочие силы и сохранить их в слабо населенных лесных районах...»

Или: «идеал» лесовладельца осуществляется непрерывной работой на него наемных рабов.

**) Цитируем по книжке С. А. Богословского „Новые течения в лесоустройстве", ГИЗ 1932 г.

4. «Продукты лесного хозяйства, являясь предметом первой необходимости, в то же время не выдерживают отдаленного транспорта, вследствие чего распределение их по большим территориям сильно затрудняется. Отсюда ясно, что для населения как богатых лесом, так и мало лесных местностей жизненно необходимо — сохранение постоянства пользования в лесах... «Собственность обязывает и пользование ею должно быть вместе с тем служением общественному благу» (из Германской конституции)...»
Или: буржуазный «идеал» есть вместе с тем и долг — собственность должна давать доход.

5. В не меньшей степени заинтересованы крупные лесовладельцы в сохранении постоянства пользования в лесах и в отношении средств потребления, извлекаемых из доходов от лесного хозяйства. Потребительское хозяйство лесовладельца требует определенного бюджета, для пополнения которого необходима постоянная рента, являющаяся, также источником для покрытия расходов, связанных с самым правом лесовладения...»
Или: ничто не дается даром, «идеал» требует расходов.

Буржуазный дух вагнеровской защиты «принципа» постоянства пользования настолько очевиден, что не стоило бы тратить времени на его опровержение. Несмотря на это «присяжный критик» старого лесоводства С. А. Богословский обнаружил полную неспособность опровергнуть Вагнера. Объясняется это буржуазным духом самого Богословского. «Старый натур-философский тезис» — «природа не делает скачков», для Богословского не совсем приемлем только «в такой общей формулировке»; развитие лесоводческой техники ставится им в зависимость от «возрастания ценности древесины»; Богословский за «равновесие» между спросом и предложением, за свободу хозяйственной деятельности лесовладельца и т. д. и т. п. В виду этого считаем не лишним ближе познакомить читателя с истинным характером пяти вышеприведенных тезисов Вагнера.

— Природа не делает скачков» — внушает нам проф. Вагнер. Что это значит? Тезис этот, как известно, может означать только одно, что в природе нет качественных изменений. «Скачек» означает перерыв постепенности развития и в определенных узловых пунктах переход количества в качество. Отрицать «скачки» значит понимать развитие «как уменьшение и увеличение», не видеть источника развития, или искать его во вне природы — (бог, субъект и т. п.). Для «лесоводственных устоев» морозовской школы таким источником развития (богом!) является тощая формула «борьба за существование». В основе этого развития без «скачков» лежит теория «равновесия» — механическая вульгаризация теории развития. Эта «теория развития исключает возможность научного познания природы.» Точно также этой «теорией» ограничиваются и пределы производительного воздействия общества на природу.

Призывая абстрактного человека, человека «вобче» не отходить от путей природы буржуазные лесоводы накидывают маску благочестия на лесоистребительные тенденции капитализма. В действительности «пути природы» предписывают воздержание совсем не капиталисту.

Человек по Морозову не смеет итти против «законов леса», не смеет нарушить «устойчивость лесонасаждений», врагом леса является тот, кто эти законы преступит. Вагнер и Морозов особенно пекутся о воспитании и возобновлении леса, о судьбе подлеска. Так, Морозов особенно часто останавливается на пагубности пастьбы скота, сбора подстилки, уничтожающих подлесок, ухудшающих рост леса и так далее... Против кого направлены эти страхи, от какого человека так бережно охраняется лес? И не скрывается ли за нерушимыми законами природы—попечение о «вечном» законе собственности? Дело обстоит именно так, об этом красноречиво говорит вся история борьбы против крестьянского пользования в лесах. Что дело именно в этом, убеждают нас следующие слова небезызвестного черносотенца публициста, крепостника А. Г. Мещерского. В брошюре «Не воюйте с природой» Мещерский писал:

> «Русский мужик, в особенности мужик не черноземной полосы, где лесов много, лес ожесточенно ненавидит... Проходя с топором по лесу, мужик не может утерпеть, чтобы здорово живешь не хватить острием по лучшему дереву. В древней Руси лес считался общественным достоянием и взгляд на лес, как на общий, одним богом взрощенный, держится у мужика и поныне. Наше законодательство, не видящее в самовольной порубке воровства, поддерживает у мужиков их вековой предрассудок и сильно способствует лесоуничтожению, так как главным истребителем лесовозобновления был и есть мужик» (курсив наш. Авторы).

Вот оказывается кто — главный истребитель леса, враг правильного лесовозобновления, исконный нарушитель «постоянства пользования». Как и его немецкий собрат на семьдесят лет раньше русский помещик требует для мужика тюрьмы. Разве не был прав Маркс, когда в 1842 г. о дебатах по поводу закона против кражи дров в Рейнском ландтаге едко заметил: «Лес остается лесом в Сибири, как и во Франции, лесовладелец остается лесовладельцем на Камчатке как и в Рейнской провинции. Если следовательно, лес и лесовладелец, как таковые, будут издавать законы, то эти законы будут отличаться только местом, где они изданы и языком, на котором они написаны»?

Если «природа не знает скачков», если «рубка и возобновление синонимы», если лесоводство по сути сводится к «искусству», если основным принципом этого «искусства» является сохранение «равновесия» в лесу, «устойчивости лесонасаждения», то ясно, что лесное хозяйство становится не спутником индустрии, а ее хозяином. Промышленность садится на паек, а размер пайка зависит от «искусства» лесовладельца. «Принцип постоянства пользования» — высшая мудрость лесовладельца!

Столп казенного лесоводства царской России и «знаток» северных лесов П. П. Серебреников (управлявший Вельским удельным округом) также утверждал, что «природа не знает скачков». Точно также он считал, что «лес живой организм... а не простая неорганизованная толпа»,— что хотя в этой «живой общине... Большаки очень часто угнетают меньшую братию», но у этой «общины... есть свои» общие «интересы». Одним словом он по своему тоже «фитосоциолог». Так

вот на XII съезде лесохозяев и лесопромышленников в 1912 г. в г. Архангельске Серебреников поведал съезду подслушанные им «тайны» северного леса. Что же это за тайны?

«Если мы обратимся к растительному царству,— говорил он,— то нельзя не сознаться, что быть может нет печальнее на свете повести, чем о том, как появился и рос северный лес. Трудны были первые годы его жизни под угнетающим воздействием могучих великанов прародителей, долог его жизненный путь, во время которого его подстерегали бесчисленные опасности... ветер... пожары... грибы и лишаи... вредные насекомые и т. п. и т. д.».

После таких мытарств, северный лес становится, наконец, «лакомым куском для царя природы — человека».

Все это красноречие нужно было Серебреникову для того, чтобы доказать, что больше 2.213.000 пиловочных дерев в год из северных лесов отпускать нельзя! Два миллиона бревен — вот мера «постоянства пользования». Вся нелепость этих цифр бьет в глаза, особенно нам, северным большевикам. Тем не менее все это бралось всерьез.

Что же эти слезницы действительно имели ввиду заботу о рациональном ведении лесного хозяйства на Севере? Ничего подобного. Казенное лесное дело на Севере велось так же бесхозяйственно, как и в Сибири, леса так-же хищнически истреблялись, вокруг лесов шло то же казнокрадство и спекуляция... Рационального лесного хозяйства в помине не было. Убедительно повествуют об этом те гроши, которые отпускались казной на устройство лесов Севера. Так, на работы по прорубке просек, прочистке и расширению просек израсходовано было в 1899 г. по Архангельской губ. 1.140 руб. — на 43 мил. дес. На прочистку старых граничных и осушительных каналов в том же году в Архангельской губернии не было израсходовано ни копейки, а в Вологодской губ.— 160 руб. На расчистку сплавных речек казной было истрачено в Архангельской и Вологодской губерниях вместе взятых в 1907 г.— 0, в 1908 г.—0, в 1909 г.—115 руб., в 1910 г.—1824 руб. «Постоянство пользования» и никаких издержек, вот идеал казенного лесоводства.

Если «лесоохранительная» политика в казенных лесах велась не в интересах хозяйства, а это несомненно, то эта политика чрезвычайно соответствовала интересам господствовавших помещиков - крепостников. Смертельно напуганные революцией 1905 — 1907 г.г. крепостники усиленно распродавали леса в центральной России и создавали себе более выгодную обстановку на рынке. Если «постоянство пользования» невозможно, то надо лес поскорей и подороже продать.

Завоевав власть, рабочий класс смел с лица земли «крепостническую казенщину» с ее «октябристским капитализмом». Ключем от лесного «клада» Севера овладел настоящий хозяин. «Таинственные» леса севера стали служить пятилетнему плану социалистического строительства, делу индустриализации страны. Отпуск леса резко увеличился.

Что же изменилось? Природа леса осталась неизменной, но произошел «скачек»— пролетарская революция. Этот «скачек» под-

чинил природу новому революционному классу, способному поставить лесное дело на рельсы подлинной науки.

Призыв к человеку следовать за «природой», избегать «сильных вторжений, безотносительно к его природе», вытекает из того натуралистического взгляда, что только природа действует на людей, но человек производительно не воздействует на природу. Натуралистическое понимание истории считает, что естественные условия определяют историческое развитие общества.

«Натуралистическое понимание истории,— говорит Энгельс, —односторонне и забывает, что человек тоже действует на природу, изменяет ее, создает себе новые условия существования, От «природы» Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, чертовски мало осталось. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сам человек бесконечно изменились с тех пор, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем как изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы». (Архив М. Э., т. II, диалектика природы стр. 25).

Попытки подчинить производственную деятельность «вечным» «неизменным» законам природы ложны в корне. В условиях социалистического строительства эти теории прикрывают практику вредительства.

Перейдем к второму тезису Вагнера—равновесию между спросом и предложением. Достигнуть равновесия между спросом и предложением—идеал буржуазных экономистов, но увы, ни один капиталист не кладет принципа «равновесия» в основу своего хозяйствования. Погоня за наживой—единственный мотив капиталиста, в том числе и обуржуазившегося помещика, юнкера — лесовладельца. Бешеная конкуренция, хищнический подход к эксплоатации природных богатств, грандиознейшие экономические кризисы, отбрасывающие производство на десятилетия назад, вытекают из самой природы капиталистического способа производства. При капиталистическом способе производства капиталисты, и лесохозяева в том числе, заботятся лишь о ближайшем, непосредственном результате своих действий, таким результатом и конечной целью капиталистов является барыш. Меньше всего лесохозяин заботится о сохранности лесов, о «равновесии» в природе и обществе.

«Какое было дело испанским плантаторам на Кубе, выжигавшим леса на склонах гор и получившим в золе от пожара удобрение, хватавшее на одно поколение очень доходных кофейных деревьев,— какое им было дело до того, что тропические ливни потом смывали беззащитный верхний слой почвы, оставляя после себя обнаженные скалы. При теперешнем способе производства считаются —по отношению к природе, как и к обществу,— главным образом лишь с первым осязательным успехом. Ничего удивительного нет в том, что отдаленные последствия, направленных в эту сторону поступков, оказываются совершенно иным, по большей части даже противоположного характера; что гармония между спросом и предложением превращается в полярную противоположность, как это показывает течение каждого десятилетнего промышленного цикла»... (Энгельс, Арх. М. Э., Диалектика природы, стр. 107).

Спрос и предложение не являются чем-то неизменным, застывшим, преопределенным. „Количество товарных масс, создаваемых капиталистическим производством, определяется масштабом этого производства и потребностью в постоянном его расширении, но отнюдь не предопределенными размерами спроса и предложения. не размерами потребностей, подлежащих удовлетворению“ (Маркс). Это аксиома. Она подтверждается, между прочим и всей историей лесного хозяйства. Стремление к выращиванию крупных пиловочных бревен, выборочная рубка покоились на существовавшем в первой половине XIX века спросе. Во второй половине XIX столетия, в связи с ростом новых производств, рынок предъявил спрос на новые ассортименты древесины. Когда явилась возможность сбыта всех, или почти всех лесоматериалов, выборочная рубка заменилась сплошной рубкой леса.

Этот факт превосходно известен уже упомянутому Мещерскому.

«В прежнее время,— пишет он,— когда лес был дешев, вывозить стоило только крупные бревна, первосортный лесной товар. Расходы по вырубке, вывозке и сплаву мелкого леса были так велики, что его не было расчета рубить. Дрова совсем не имели сбыта и спроса. Поэтому все лесовладельцы производили только самую осторожную выборочную рубку крупных деревьев и были примерными лесохранителями (курсив наш. Авторы).

Поднявшиеся во много раз цены на лес и вечная нужда в деньгах у землевладельцев все изменили. Получился, хотя и ничтожный, но все таки расчет рубить и сплавлять мелкий хвойный лес, появился спрос на березовые, осиновые и еловые (последние для выделки бумаги) дрова и вот, в какие-нибудь десять лет цветущая местность, если еще не превращена, то грозит превратиться в пустыню Сахару».

Вот стало быть когда лесовладельцы перестали быть «примерными лесохранителями». «Постоянство пользования»— идеал, но барыш — еще более высокий идеал и теперь все пойдет наоборот... Теперь появились новые лесоводственные теории, которые с похвальной откровенностью поставили целью лесного хозяйства не «постоянство пользования», а «постоянство производства» с целью получения наивысшего процента на завязанный в лесном хозяйстве капитал.

До этого в лесном хозяйстве всеобщим признанием пользовалась теория «лесной ренты», согласно которой лесовладельцы должны стремиться к тому, чтобы возможно больше увеличить разницу между валовым доходом от ежегодного прироста древесины и годовыми издержками на управление и обработку лесов. Капиталисты же при вкладывании капитала руководствуются средней нормой прибыли. Этот чисто капиталистический принцип и лег в основу новой теории «почвенной ренты» (Прейслер, Юдейх и др.). Согласно этой новой теории капиталист лесохозяин может давать деревьям расти до тех пор, пока ценность годового прироста древесины превышает годовой процент на капитал, который он выручил бы, срубив лес. Лес должен поступить в рубку в тот год, когда прирост древесины леса станет меньше процентов на капитал, представляемый этим лесом. Следовательно, лесовладелец может вырубать леса в более раннем возрасте

в тот момент, когда годовой процент, даваемый денежным капиталом, становится выше стоимости ежегодного прироста древесины.

«Таким образом» прошло время, когда тот заслуживал славу искуснейшего лесовода, кто мог похвастаться самыми толстыми деревьями и самыми густыми насаждениями. Ныне тот, кто претендует на почетное звание лесного хозяина, должен руководствоваться в своей деятельности основными требованиями хозяйственности»... (Цитир. по книге Богословского «Учение о спелости леса»).

Деньги превыше всего — это и есть чистый идеал.

В результате, применение новых лесоводственных теорий привело к значительному понижению оборотов рубки к сильному развитию проходных рубок и интенсивных прореживаний, начиная с раннего возраста. На рынок стала выбрасываться большая масса древесины самых разнообразных сортиментов. Задача лесовозобновления для хозяев отодвинулась на задворки. Цель оправдывает средства и если принцип «постоянства пользования» не удовлетворяет цели, то его сдают в архив.

Опасение профессора Рудзского, что «применение финансового оборота потребовало бы от нас свести как можно скорее все леса, старее 30, а много-много 50 лет, т.-е. выращивать только дрова да жерди, бревна же и доски получать из Америки» (цит. по Орлову. Лесоустройство, т. 1, стр. 264) — было вполне сновательно. Руздский опасался того, что при господстве капиталистического способа производства является неизбежным.

Отто Бауэр считает лесохозяйственные методы с длинными оборотами рубки «рыцарскими методами управления феодальными богатствами», в отличие от капиталистического духа новейших методов лесного хозяйства. Выходит следовательно, у Отто Бауэра, что помещики - лесовладельцы из «рыцарских» побуждений берегут леса! Видимо этими же «рыцарскими» побуждениями руководствуется социал - фашист Отто Бауэр, требуя вознаграждения крупных лесовладельцев при «социализации лесного хозяйства»*.

В действительности, однако, как мы уже вид ли, лесовладельцы ведут лесное хозяйство не из «рыцарских» побуждений. Если мы до войны наблюдали относительное сохранение лесов в Германии, то ведь обратной стороной этого было хищническое истребление их в царской России! Юнкера огребали на своем лесе высокие барыши,

---

*) Аграрная программа „австромарксистов", которую „левый" социал-фашист Отто Бауэр пропагандирует в книге „Борьба за землю", — лакействует перед помещиком и кулаком и предает рабочих и бедноту. У Отто Бауэра кулацко-земский подход к сельскому хозяйству, да еще в масштабе захудалого австрийского уезда. Достаточно указать, что Отто Бауэр считает „исторической миссией" социализма восстановление сельской общины—„Гемайна" и сохранение индивидуальных крестьянских хозяйств! Отто Бауэр великодушно передает общинам право охоты на зайцев и тетеревов и распинается о необходимости этого удовольствия в деревне, лишенной городских развлечений. О коренной же задаче — переделке мелкого крестьянского хозяйства в крупное социалистическое, об изживании ограниченности „идиотизма" деревенской жизни под руководством и при помощи пролетариата, опирающегося на индустрию, ни слова.

Под углом зрения приманки для крестьян, ставится Отто Бауэром и проблема „социализации" лесного хозяйства. На социализированное лесное хо-

а бумажная промышленность получала дешевые балансы из России, связанной кабальным договором 1904 г. «Постоянство пользования» у себя за счет хищнического вторжения в чужие леса.

Эпоха монополистического капитализма подчинила лесное хозяйство интересам трестированной и картеллированной промышленности. Новая техника переработки древесины: целлюлозное производство, мебельное дело, деревянное строительство, искусственный шелк и т. п., открыла широкие возможности для использования таких пород, которые раньше считались сорняками. Мощные комбинированные предприятия — монопольных объединений захватывают в свои руки и леса. В гигантской конкурентной борьбе «королей» спичек и угля, бумаги и металла меньше всего проявляется заботы об отдаленных последствиях современного опустошения природных ресурсов. Таков созданный в 1917 г. под руководством короля спичек Ивара Крегера шведский спичечный трест. Стремясь к господству на мировом рынке, трест перестроился по вертикали,— «от рубки осины до печатания этикетки». Трест приобретает бумажные фабрики. Трест скупает огромные лесные участки. Благодаря засекреченным трестом техническим изобретениям в области производства спичек шведская промышленность вместо осины стала употреблять в качестве основного сырья скороспелый тополь и осокорь.

С помощью Американских банков — спичечный трест Крегера превратился в международный финансовый концерн. «Различными методами путем скупки чужих предприятий, форсирования экспорта собственного производства, основания собственных предприятий в других странах и приобретения государственных монополий и концессий — Шведский спичечный трест, опираясь на свои преимущества в техническом отношении и на огромные ресурсы мировых, и в первую очередь американских банковских фирм, к началу 1930 г. захватил в свои руки контроль над 85% мирового спичечного производства и 90% внешней торговли спичками» (М. Герцбах. Международные монополии, стр. 196). Крегер пытался проникнуть и в СССР, куда его привлекало наличие огромных запасов осины в наших лесах, но безуспешно. СССР единственная страна в мире свободная от влияния Крегера. Крегер—непримиримый враг СССР. В 1929 г. концерн

зяйство возлагается единственная задача—установление равновесия между лесом и пастбищем. „Природа желает, что-бы пастбище вечно превращалось в лес, а лес—в пастбище, иначе почва истощится". Отсюда—основная задача государственного лесного хозяйства—„планомерная организация кругооборота пастбищного хозяйства, регулирование плодосменной системы: лес—пастбище — лес, лес—сенокос—лес". Ни индустрии—сельхозмашины, химические удобрения, которые единственно только и могут обеспечить быстрый под'ем сельского хозяйства; ни лесообрабатывающей, лесохимической промышленности, которая опирается на древесное сырье. Мелкому крестьянству пусть помогают бог и природа!

Что же касается „социализации" лесов, то она должна быть проведена по Отто Бауэру двумя путями—национализацией крупного частного и церковного лесовладения за вознаграждение и созданием принудительных товариществ крестьян—лесовладельцев! Целых два поколения должны будут народные массы „вознаграждать" помещиков в результате многовековой насильственной, кровопролитной борьбы, вырвавших леса из общенародного пользования. Для крестьян же у Отто Бауэра существует лишь язык принуждения. Матерый социал-фашист, в программе, заведомо расчитанной на обман трудящихся крестьянских масс, не скрывает своей враждебности, своего недоверия к ним. Такова „шуйца" и „десница" сподвижника кровавых Носке и Зеверингов.

Крегера захватил влияние в ряде целлюлозных и лесопильных компаний Швеции, с целью борьбы против советского лесного экспорта на мировом рынке.

Гигантский металлургический концерн Стиннеса — германского металлургического короля наложил также лапу на леса Германии. После войны 1914—18 г.г. в лишившейся значительной части своего угля Германии цены на лес возросли. Чтобы лучше обеспечить рудничным лесом свои угольные копи, концерн Стиннеса приобрел обширные леса в Восточной Пруссии и в других местах, стал доставлять рудничный лес и заодно для полного использования доставшихся ему лесов поставил много всякого рода производств. Концерн скупил ряд лесопильных и целлюлозных заводов, затем скупил много бумажных фабрик, приобрел строительные предприятия, начал судостроение и т. д. и т. д *)

Форд также обеспечивает свои автомобильные заводы лесоматериалами из собственных лесов. Лесовозобновлением же Форд предоставляет заниматься самой природе.

Монопольные объединения в конкурентной борьбе не останавливаются ни перед чем для того, чтобы победить, чтобы закрепиться на внутреннем и на мировом рынке. Монополии диктуют рынку свою волю, но отсюда еще острее не соответствие спроса и предложения, к равновесию которых взывает Вагнер. Где же принцип «постоянства пользования», где же «равновесие»? Ученые лесоводы могут произносить свои заклинания, но монополистический капитал придерживается других принципов. Финансовый капитал свою «нужду» в лесе удовлетворяет ни мало не заботясь о принципе «постоянства пользования». Против обостряющегося недостатка в дереве финансовый капитал борется путем захвата источников сырья монополистическими объединениями «где бы то ни было, как бы то ни было», используя новые источники сырья, прибегая к новым способам обработки, утилизации сырья и т. д. и т. п

В пользу принципа «постоянства пользования» профессор Вагнер выдвигает соображения о необходимости создания устойчивых постоянных рабочих кадров лесного хозяйства. Меньше всего однако зависит от пресловутого принципа «постоянства пользования» создание постоянных кадров лесных рабочих. В действительности, как известно, на первых стадиях своего развития лесное хозяйство капиталистических стран опирается на труд деревенской «резервной армии». «Лесные рабочие — писал Ленин,— представляют из себя одну из крупных составных частей сельского пролетариата, имеющего ничтожные клочки земли и вынужденного продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях». Такое положение сохраняется до тех пор, пока лесное хозяйство прочно не связывается с промышленностью. Каменоугольная промышленность, целлюлозно-бумажное производство и т. д. предъявляют постоянный спрос на лесоматериалы, требуют непрерывного обеспечения их этими лесоматериалами. Наличие этих предпосылок, созданных развитием современной индустрии, привело к созданию кадров постоянных лесорабочих в некоторых капита-

*) Инфляционный колосс Стиннесакрахнул в 1925 г., концерн Крегера крахнуя в 1932 г. Это не плохая иллюстрация к „равновесию“ капиталистического хозяйства.

листических странах. Но постоянные кадры рабочих леса, как и вся рабочая армия в целом, при господстве капитализма вовсе не «устойчива». Наоборот, рабочий класс характерен своей подвижностью. Рабочие кадры следуют за движением капитала, кочующего из одной сферы производства в другую — в поисках более выгодного применения. Так, при эксплоатации лесов в ряде районов САСШ многочисленные кадры лесрабочих, в частности, негров и японцев были привлечены в пункты концентрированной рубки мощных лесных массивов. Концентрированная вырубка с применением механизированного транспорта, навалки и свалки в лесах Канады и САСШ в неменьшей мере способствовала образованию пролетарских кадров в лесу, чем интенсификация лесного хозяйства Швеции и Германии. Многочисленные стачки лесрабочих за последнее время в Норвегии, Финляндии, САСШ показывают, что лесрабочие овладевают искусством классовой борьбы. Безработица лесрабочих, особенно в связи с экономическим кризисом, наглядно иллюстрирует «нужду» лесовладельцев в «постоянных» рабочих и «равномерности» их нагрузки.

В такой же мере действителен довод Вагнера в пользу постоянства пользования от транспортабельности лесоматериалов. Современный транспорт обеспечивает возможность и выгодность доставки лесотоваров водой, морем, железными дорогами на дальние расстояния. Главное однако не в этом. Как мы видели на примере спичечного концерна Крегера, капиталист в погоне за наживой проникает к источникам сырья, перерабатывает лес на месте, создает собственный транспорт, бросает свои товары во все концы земного шара. Что же касается «долга» собственника, торжественно провозглашенного германской конституцией, то этот долг на деле проявляется в ограблении и разорении крупным капиталом мелких собственников, в беспредельной эксплоатации рабочего класса и всех трудящихся.

Заключительный тезис профессора Вагнера имеет ввиду равномерный доход лесовладельцев для пополнения «его потребительного бюджета». Бедный лесовладелец! Без постоянства пользования ему грозит нищета, голод... Лесовладелец не боится, однако, грозящей ему будто-бы нужды, не действуют на него ни добрые советы лесоводов, ни лесоохранительные законы, ни моральные обязательства перед грядущими поколениями, ни «священный долг» собственности, возложенный на него германской конституцией, и если он находит выгодным немедленную реализацию своего капитала в целях более выгодного его приложения, то лесовладелец не остановится перед самым хищническим лесоистреблением.

Итак, лесоводственный «идеал» Морозова,— постоянство пользования в лесу,— как видим, неосуществим в условиях капиталистической действительности. Лесоводственный «идеал» Морозова предполагает отсутствие всех тех противоречий, которые раздирают до основания капиталистическое общество, и обратно: он постулирует «гармонию» интересов в буржуазном обществе.

Но лесоводственный «идеал» морозовской школы не осуществим не только в рамках определенного лишь общественного строя, нет, он является ложным «идеалом», фикцией вообще. Морозов, конструируя свой «идеал», исходит из ложной предпосылки — пассивного прис-

пособления человека к природе, принципиальной недопустимости производительного, революционизирующего воздействия человека на природу. Эта мысль Морозова выражена им в его теории «подвижного равновесия», и на этой теории нам необходимо остановиться, чтобы показать лживость той философии, при помощи которой Морозов пытается обосновать свой ложный лесоводственный «идеал».

В природе,— учит Г. Ф. Морозов,— до появления человека все находится в состоянии «подвижного равновесия», или другими словами, повсеместно господствует полная «гармония». До появления человека «в природе стихийной нет ни полезных, ни вредных животных — там все уравновешено и взаимоприспособлено» («Лесной журнал» за 1918 г., вып. 9 — 10 Г. Ф. Морозов — вопросы организации лесного опытного дела, стр. 363).

Но вот появляется человек и своей деятельностью нарушает вековое «подвижное равновесие» и разрушает «стихийную гармонию» в природе. Благодаря вмешательству в природу человека весь животный и растительный мир разделяется на две категории, на «полезных» и «вредных». Начинается борьба между «полезными» и «вредными», человек в этой борьбе стоит на стороне «вредных», ибо: «категории вредных и полезных животных, а также растений появляются, когда человек нарушает подвижное равновесие природы» (там же стр. 368).

Но, быть может, спросим мы, человек как-либо может избежать нарушения «подвижного равновесия» в природе и тем самым избежать «вредных» последствий, причиняемых его воздействием на природу и, в частности, на лес? Нет, не может, т. к. человек неизбежно должен вести хозяйство, а

> «коренной факт при ведении хозяйства в лесу есть неизбежное нарушение подвижного равновесия в природе и, стало быть, ослабление и изменение в том строе жизни и формах леса в его статике и динамике, во многих элементах, совокупность которых складывает стихийную жизнь леса» («Лесной журнал» за 1917 г., вып. 7 — 8, Г. Ф. Морозов — Отрывочные заметки из лекций по общему лесоводству, стр. 469).

Правда, ученые лесоводы, изучая «принцип той стихийной политики, если можно так выразиться, которую ведет сама природа» (Морозов), установив закономерности жизни и строения леса, смогли бы, в конце концов, научить нас, как «овладеть такой стихией, как лес природный» (Морозов), не нарушая «подвижного равновесия — гармонии» в природе, но все это совершенно бесполезно, ибо мы лишены возможности полностью подражать «стихийной политике» самой природы.

> «Полностью подражать мы ей не можем; своим вмешательством в жизнь леса мы неизбежно нарушаем общий результат взаимных соотношений сил, какие проявляются в сложной жизни лесной стихии и которые там все гармонизируется под властью земли или географической среды, носящей название подвижного равновесия» («Лесной журнал» 1918 г., вып. 9 — 10, указанная статья Морозова, стр. 363).

В другом месте Г. Ф. Морозов о том же самом говорит таким образом:

«Даже разумно хозяйничая в лесу, человек невольно и неизбежно нарушает ту гармонию, которая установилась веками между лесом и внешней средой, в которой он живет, между лесом и теми животными, в частности насекомыми, которые в нем живут» («Учение о лесе», стр. 74).

Выходит все равно: разумно или неразумно хозяйничает человек в лесу, результат одинаков в обоих случаях — нарушение «гармонии». В чем дело?

Во-первых нарушение подвижного равновесия в лесу, вследствие того или иного вмешательства человека, неизбежно потому ,что «в лесу, подчиненном хозяйству, не может происходить в полной мере естественный отбор» («Учение о лесе,» стр. 314), а последний есть «вечный и неизменный закон природы, все равно, как всемирное тяготение» (там же стр. 309). Естественный отбор — это великое начало в природе — «страдает», по выражению Г. Ф. Морозова от вмешательства человека, вследствие чего и нарушается «гармония» в жизни леса.

Во-вторых, нарушение равновесия в лесу, при всех случаях вмешательства человека, неизбежно, так сказать, еще по более глубоким причинам.

Дело оказывается,— по мнению Г. Ф. Морозова,— в том, что политика человека в корне, принципиально противоречит той политике «подвижного равновесия», которую ведет сама природа; здесь мы имеем столкновение двух противоположных принципов, проявляющихся, с одной стороны, в сознательной хозяйственной деятельности человека, с другой, в стихийной деятельности природы. Здесь приходят в столкновение сознание и стихия — два принципиально противоположных начала. Человек действует сознательно, а природа стихийно. Сознание исключает стихию и обратно. Выходит, что конфликт между человеком и лесом есть лишь частный случай общего конфликта между человеком, с одной стороны, и природой — с другой, являющегося неизбежным следствием противоположности сознания, представленного человеком, и стихии, представленной природой. Итак, противоположность сознания и стихии, т.-е. духа и материи — вот философская основа постановки вопроса у Г. Ф. Морозова о неизбежном нарушении «подвижного равновесия» в природе при ведении хозяйства в лесу, постановка несомненно и д е а л и с т и ч е с к а я.

По существу идеалистическим является также и следующее объяснение отношения человека к природе, даваемое ботаником Талиевым, к которому присоединяется «фитосоциолог» профессор В. Н. Сукачев.

«В виду страшной быстроты, с которой прогрессирует человеческая культура по сравнению с медленностью стихийных процессов, растительность, приходя в столкновение с человеком, не может приспособляться к нему активной выработкой новых приспособлений. В этом обстоятельстве лежит причина, почему

мы влияние человека должны выделить из ряда остальных стихийных факторов, как нечто ненормальное, не находящееся в соответствии с остальными процессами, совершающимися в природе» (В. Н. Сукачев. Введение в учение о растительных сообществах, изд. 1915 г., стр. III. Курсив наш. Авторы).

В этом объяснении, как и у Г. Ф. Морозова, человек и природа выступают как две абсолютные противоположности, вследствие чего, деятельность человека, его воздействие на природу, т.-е. труд человека рассматривается как нечто ненормальное по отношению к природе.

Выходит, что человек властвует над природой так, «как завоеватель властвует над чужим народом, как кто-либо, находящийся вне природы» (Энгельс). В действительности же «все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем постигать и правильно применять ее законы» (Энгельс, Диалектика природы, изд. ИМЭ, 1930 г., стр. 71).

«Животное уничтожает растительность какой-нибудь местности, не ведая, что творит. Человек же ее уничтожает, чтобы на освободившейся почве посеять полевые плоды, насадить деревья или разбить виноградник. Он переносит культурное растение и домашних животных из одной страны в другую и изменяет, таким образом, флору и фауну целых частей света. Более того. При помощи разных искусственных приемов выращивания растения и животные так изменяются под рукой человека, что они становятся неузнаваемыми» (Энгельс, Диалектика природы, стр. 69).

Дело, как видим, по части отношений человека и природы в действительности обстоит совершенно иначе, чем рисует школа Г. Ф. Морозова. Человек производит на окружающую его природу не разрушительное воздействие, как изображает Г. Ф. Морозов, а производительное воздействие. Г. Ф. Морозов во всей деятельности человека видит лишь одно нарушени «гармонии», якобы существующей в природе до воздействия на нее человека. То, что человек своими изменениями в природе заставляет ее служить своим целям,— для Г. Ф. Морозова и «фитосоциологов» представляет из себя «нечто ненормальное», т.-е. ненормальным объявляется всякое воздействие человека на природу, преднамеренное, планомерное, направленное к определенным, заранее намеченным целям.

По Морозову выходит, что человек, неизбежно нарушая своим воздействием на природу «подвижное равновесие и гармонию» в природе, будет все больше и больше «расстраивать» естественные, стихийные законы в природе, естественный ход вещей в природе.

Прогрессирующая человеческая культура будет все более приходить в неразрешимое противоречие «с медленностью стихийных процессов». Очевидно, человек в конце концов окажется в тупике.

В действительности же перспективы отношений человека и природы совершенно иные...

«Мы... с каждым днем научаемся правильно понимать ее законы и постигать как наиболее близкие, так и наиболее отдаленные

последствия нашего активного вмешательства в ее естественный ход. В частности, после мощного движения вперед естественных наук в нашем столетии, мы станем все более и более способными предвидеть, а благодаря этому и регулировать, наиболее отдаленные последствия, по крайней мере, наших обычных производительных процессов. И чем в большей мере это станет фактом, тем в большей мере люди будут не только чувствовать, но и сознавать свое единство с природой и тем невозможней станет то безсмысленное и противоестественное представление о какой то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом,— представление, возникшее в Европе в период упадка классической древности и нашедшее свое высшее развитие в христианстве» (Энгельс, Диалектика природы, стр. 71).

Эта именно «противоестественная» мысль «о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой» лежит в основе учения Морозова, о противоположности между хозяйственной деятельностью человека и стихийными процессами природы.

В свете только что приведенных нами мыслей Энгельса не трудно понять, почему по учению Г. Ф. Морозова при ведении хозяйства в лесу неизбежно нарушение «подвижного равновесия» и неизбежны все вытекающие отсюда неблагоприятные последствия.

Стоя на точке зрения противоположности человека и природы, как противоположности между сознанием и стихией, Морозов естественно приходит к признанию невозможности познания сути стихийных процессов природы, как абсолютной противоположности сознанию, т.-е. приходит к агностицизму. Именно агностицизм Г. Ф. Морозова и приводит к неизбежному выводу о неизбежности нарушения всегда и при всяких обстоятельствах «подвижного равновесия» в природе, вследствие воздействия человека. Говоря о неизбежном «ослаблении» в строе жизни и формах леса, вследствие воздействия человека, Г. Ф. Морозов высказывает, таким образом, ту мысль, что наше воздействие на природу лишь, так сказать, в первой линии имеет те последствия, на которые мы рассчитывали, «но во второй и третьей линии совсем другие, непредвиденные последствия, которые слишком часто уничтожают значение первых» (Энгельс), которых по мнению Г. Ф. Морозова, вообще, предвидеть невозможно. Поэтому у Г. Ф. Морозова и получается, что существует и неизбежно будет существовать колоссальная дисгармония между целями, которые ставит человек и достигнутыми результатами, что всегда будут доминировать непредвиденные влияния, что не контролируемые силы гораздо могущественнее, чем приводимые планомерно в движение силы (см. Энгельс Диалектика природы стр. 121).

«Чтобы овладеть такой стихией, как лес природный,— говорит Г. Ф. Морозов,— надо прежде всего его знать, знать закономерность его жизни и строения и знать принципы той стихийной политики, если можно так выразиться, которую ведет сама природа» (см. «Лесной журнал», 1918 г., вып. 9—10, стр. 363) Но выставив это положение Морозов к ряду же заявляет: «пол

ностью подражать ей мы не можем»... Почему? На этот вопрос Г. Ф. Морозов отвечает утверждением о неизбежности нарушения «подвижного равновесия» в природе в результате деятельности человека и этот «коренной факт», по выражению Г. Ф. Морозова, делает невозможным для нас «полное подражание природе». Подобно тому, как у Г. Ф. Морозова, познавай природу, означает — подражай природе, невозможность полного подражания природе означает ни что иное, как невозможность полного познания природы, вследствие чего человек и нарушает неизбежно «подвижное равновесие» в природе, т.-е. все снова и снова становится перед новыми, непредвиденными, неконтролируемыми силами природы, бесконечно более могущественными, чем приводимые человеком планомерно в движение силы. Получается «дурная бесконечность», порочный круг, из которого нет выхода.

Действительные причины противоречия и суть этого противоречия между человеком и природой состоит совсем не в том, на что указывает Г. Ф. Морозов. Почему получается это противоречие, почему воздействие человека на природу и в частности на лес вызывает не только предвидимые, но и целый ряд непредвиденных последствий, которые Г. Ф. Морозовым обозначаются как «неизбежное нарушение подвижного равновесия в природе»?

> «Все существовавшие доныне способы производства стремились только к получению от процесса труда непосредственных полезных эффектов. Дальнейшие — выявляющиеся более поздно и благодаря повторению и накоплению приобретающие решающее значение — последствия совершенно игнорируются... Наиболее ярко это сказывается в господствующем до ныне в Европе капиталистическом способе производства. Отдельные, господствующие над производством и обменом, капиталисты могут заботиться о непосредственных полезных эффектах своих действий. Даже самый этот полезный эффект — поскольку речь идет о полезности произведенного ими обмениваемого товара — отступает совершенно на задний план, и единственной движущей силой является возможность барыша при продаже»...
>
> При теперешнем способе производства (Энгельс имеет ввиду капитализм. — Авторы) ,считаются — по отношению к природе, как и к обществу,— главным образом, лишь с первым осязательным успехом. Ничего удивительного поэтому нет в том, что отдаленные последствия направленных в эту сторону поступков оказываются совершенно иного, по большей части даже противоположного характера» (Энгельс, Диалектика природы, страницы 72 — 73).

Как видим неразрешимый для Г. Ф. Морозова вопрос о неизбежном нарушении человеком подвижного равновесия в природе и т. д. разрешается в действительности безо всякого «нарушения равновесия». Как видим, те отрицательные последствия «при ведении хозяйства в лесу», которые Г. Ф. Морозов определяет как «неизбежное нарушение подвижного равновесия в природе», суть лишь последствия, неизбежные при капиталистическом ведении хозяйства в лесу. Какое дело капиталистам до выводов ученых лесоводов! Барыш —

непосредственно осязаемый результат ведения хозяйства в лесу, к принцип выше, чем абстракции ученых лесоводов. «Так как отдельн капиталисты занимаются производством и обменом ради непосре ственной прибыли, то во внимание могут приниматься, прежде все лишь ближайшие, непосредственные результаты» (Энгельс).

Для Морозова, взаимодействие и отношение между человеком природой представляют неразрешимое противоречие, антогони именно потому, что мысль его не выходит и не может выйти за рам буржуазного мышления, ограниченные капиталистическим способ производства. Но для того, чтобы разрешить это противоречие пра тически,

> «для этого требуется нечто большее, чем простое сознание. Д этого требуется радикальное изменение господствующего доны способа производства (Энгельс говорит о капитализме.—Авторы) вместе с ним всего нашего социального строя» (Энгельс, Диале тика природы, стр. 72).

Г. Ф. Морозов, целиком стоящий на буржуазных п зициях, понятно, не может допустить мысли о возможности рев люционного изменения капиталистических производственных отн шений и капиталистического ведения хозяйства в лесу.

Чтобы скрыть сущность антагонизма капиталистического сп соба производства и возможность революционного разрешения это антагонизма, как единственного выхода, Морозов метаморфизиру всю совокупность капиталистических противоречий в вечное, н устранимое противоречие — в антагонизм между человеком и прир дой. Но скрыть этого противоречия, несмотря на все стар ни Морозову не удается.

Догмат лесного хозяйства — «постоянство пользования лесом» Морозова стоит в непримиримом противоречии с другим его догм том—«неизбежное нарушение подвижного равновесия в природе вследствие ведения хозяйства в лесу. У Морозова одним из основны условий постоянства пользования лесом является постоянство пр порции рубки и возобновления леса, но эта пропорция неизбежн нарушается в силу второго догмата, т. к. нарушение подвижного ра новесия ведет к ослаблению жизни леса и, следовательно, к ослаб лению возобновления леса. Дело осложняется еще тем, что, ка утверждает Морозов, полностью подражать природе мы не можем то есть полностью восстановить нарушенное рубкой равновесие лесу, а стало быть, и возобновление леса мы не можем. Выходит что в конечном счете ведение хозяйства в лесу неизбежно приво дит к уничтожению леса. В действительности в капиталистически условиях эксплоатация леса в конце концов приводит к уничтоже нию лесов, о чем красноречиво говорят имеющиеся в каждой капи талистической стране огромные области, когда-то покрытые лесом но который был уничтожен хищническим хозяйством лесопромыш ленников. Этот финал капиталистического лесного хозяйства яв ляется неизбежным потому, что «длинное время производств (включающее в себя в незначительной части рабочее время) и свя занная с ним продолжительность оборота делает лесоразведени невыгодным для частных, а следовательно, для капиталистически предприятий» (Маркс).

Огромная программа работ по лесонасаждению, намеченная оветской властью, чрезвычайно ярко оттеняет противоположность оциалистической и капиталистической системы хозяйств и в области социалистического и капиталистического лесоводства.

Самое большее, до чего могла додуматься буржуазия лесоводственная мысль в лице морозовской школы по вопросу о лесовозобновлении, это,— «чтобы рубка и возобновление были синонимами» Морозов). Самая постановка вопроса о таком лесовозобновлении же включает в себя невозможность возобновления леса путем лесоасаждения. У Морозова, как мы уже указали выше, лесонасаждение считается всегда частным случаем в лесном хозяйстве, возможность превращения которого в правило исключена якобы самой природой леса. В действительности же возможность лесоразведения широком масштабе исключена лишь в капиталистическом хозяйстве.

Таким образом, морозовская теория «неизбежности нарушения авновесия, вследствие ведения хозяйства в лесу», представляет по воей сути апологию капиталистического хищнического лесоистребления: Морозов объявляет законом природы закон капиталистического лесного хозяйства.

Невозможность в условиях капитализма лесовозобновления путем есонасаждения и приводит, как к единственному выходу, к мысли постоянстве пользования лесом на основе соответствующей оргаизации рубки леса. В конце-концов все дело сводится к благочестивому пожеланию о некоторой умеренности и воздержании в звестных рамках рубки леса. Но для капиталистов законом являтся как раз обратное: ничем не умеренное и безудержное стремение к прибыли, и только этим и ничем иным и определяются в онечном счете способы и масштабы рубки леса при капиталистиеском ведении лесного хозяйства. Если же «нужда» в лесе наталивает капиталистов на путь массового лесонасаждения, то из этого ичего, кроме «еловой мании», конечно, и не может получиться. орозов, как трезвый практик «октябристского капитализма», твердо ридерживающийся принципа «хозяйство не фантазирует, а ксплоатирует», как теоретик «октябристского капитализма», поступает вполне последовательно, сводя вопрос о лесовозобновлении к истеме рубки леса и возводя его в закон природы.

Если лесоводственный «идеал» Морозова стоит в резком противоречии с капиталистической действительностью, как лесохозяйственный догмат, то, в другом отношении его «идеал» вполне гарнирует буржуазному мышлению: недостижимое для буржуазии вляется ее догматами и идеалами. Имея в деснице «принцип постонства пользования лесом», Морозов держит в шуйце закон «неизежности нарушения равновесия, вследствие ведения хозяйства в есу». И в этом двурушничестве проявляется все та же буржуазная оследовательность»: теория и практика буржуазии не сходится. Принцип «постоянства пользования лесом», по мысли Морозова, олжен служить противоядием против «неизбежного нарушения равовесия в лесу в результате хозяйствования», но яд, которым проитана буржуазия, смертелен: безудержная буржуазная любовь к рибыли таит в себе гибель буржуазии; стремление буржуазии к

равновесию есть лишь реакция против постоянного нарушения этого равновесия. Равновесие для буржуазии есть лишь «идеал», а действительность капитализма есть постоянное нарушение равновесия. Ибо суть капиталистического «постоянства пользования лесом» состоит в постоянстве истребления леса; что же касается лесовозобновления, то последнее, в подлинном смысле этого слова есть лишь возможность социализма.

Никакая система рубок разрешить полностью проблему лесовозобновления не сможет, и эта задача, как показывает история капиталистического лесногохозяйства (вернее: капиталистического леса истребления), непосильна для капиталистической практики. Лишь лесонасаждения в массовом, широком масштабе разрешают не только проблему лесовозобновления в узком смысле этого слова, но и проблему создания новых лесов.

Лесонасаждения означают отвоевание от влияния стихийных сил и хозяйственное освоение новых огромных кусков сельскохозяйственной территории. Лесонасаждения означают изменение микроклимата целых районов.

Лесонасаждения в массовом, широком масштабе возможны лишь в связи с крупными мелиоративными работами, а в засушливых районах, в связи с крупными ирригационными работами.

В конце-концов, лесонасаждения в широком масштабе предполагают как необходимую предпосылку самодеятельность широчайших масс населения и отсутствие частной собственности на землю. Этих условий нет при капитализме. Поэтому лесонасаждения в широком масштабе, изменяющие лицо земли, невозможны в капиталистических условиях.

Лесонасаждения, как производительное изменение человеко-природы, в подлинном смысле слова, возможны лишь при социалистическом хозяйстве, путь к которому пролегает через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата.

Но все это вещи, против которых борются—Морозов, его учителя и его последователи.

Морозовская школа, выполняя волю своего класса, создала несусветную абракадабру в виде теории«социального леса», к рассмотрению которой мы переходим в следующей главе.

III ЛЕСОВЕДЕНИЕ, КАК „ГЛУБОКО ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА СОЦИАЛЬНОЙ БИОЛОГИИ".

... Лесоводство, т.-е. коллектив ... ряда поколений лесоводов ... в тиши лесов незаметных, создали глубоко-поучительную главу социальной биологии, учение о лесе.

Морозов „Учение о лесе" (стр. 245).

Морозов, чтобы теоретически обосновать свой лесоводственный идеал — принцип постоянства пользования лесом, разработал теорию леса, не лишенную известной цельности и стройности. «Лесоводство и лесоведение,— говорит Морозов,— связаны друг с другом в глубочайших своих корнях» (Учение о лесе, стр. 77), и, действительно, эти две ветви его учения настолько глубоко связаны по своим основам, что не могут быть оторваны одна от другой.

Задачи, которые ставит Морозов перед лесоводством, сводятся к установлению принципов такой организации лесного пользования, при которой оно могло бы быть постоянным и вечным, а доходность лесной площади неуклонно бы возрастала. Само собой понятно, что получение собственниками лесов все возрастающих доходов предполагает наличие определенных социально-экономических условий, возможных лишь при определенном социальном строе, именно, при капитализме: концентрация средств производства в руках одного класса и лишение собственности на них другого класса, эксплоатация, рынок, государство и т. п. Все эти условия и социальный строй, при котором они существуют, подразумеваются Морозовым, как априорные предпосылки. Задачи, которые Морозов непосредственно ставит перед лесоведением, заключаются в изучении принципов жизни леса, всех многообразных условий, определяющих существование леса, в изучении свойств самого объекта лесного хозяйства, леса. «Хозяйственная деятельность,— по выражению Морозова,— не фантазирует, а эксплоатирует» («Уч. о лесе», стр. 72). Выяснение естественно-научных предпосылок эксплоатации леса — в этом состоит суть морозовского лесоведения. Вооружить собственников лесов теорией рационального ведения лесного хозяйства, чтобы лесовладельцы не фантазировали, а эксплоатировали — в этом и состоит основная установка морозовского учения о лесе.

Таким образом лесоводство и лесоведение, связанные, по выражению Морозова, «в глубочайших своих корнях», имеют свои «глубочайшие корни» в классовых интересах собственников лесов — лесовладельцев, каковыми в царской России в основном являлись помещики и само помещичье - буржуазное государство.

Идейные корни морозовского лесоведения ведут прямиком к «фитосоциологии». «Идеи фитосоциологии наиболее рельефно выступают... в учении профессора Морозова о лесе как растительном сообществе»,— говорит известный «фитосоциолог» профессор Сукачев («Растительные сообщества», 1928 г., стр. 226). «Оба эти учения,— указывает профессор Сукачев в другом месте,— в настоящее время настолько сблизились, что их основные понятия и методы изучения в значительной степени оказываются общими» («Руководство к исследованию типов лесов», 1930 г., стр. 12). Сам Морозов признавал, что ближайшей научной основой его лесоведения является учение о растительных сообществах, т.-е. именно «фитосоциология»; вместе с тем он считает необходимым подчеркнуть, что «учение о лесе ,будучи по существу своему составной частью более общирной науки — учения о сообществах (т.-е. «фитосоциологи».—Авторы), фактически в значительной своей части выросло самостоятельно... как часть лесоводственной науки» («Учение о лесе», стр. 75),т.-е.Морозов подчеркивает приоритет лесоведения в создании теории о растительных сообществах. Это же отмечает и профессор Бородин, говоря о Морозове: «Именно в области фитосоциологии... твои заслуги неоспоримы» см. «Уч. о лесе» стр. 111). «Фитосоциолог» Дохман—Гармиза так говорит о заслугах Морозова в области «фитосоциологии»:

> «Никто иной как ученый лесовод проф. Морозов с особенной убедительностью и яркостью описал социальные отношения, существующие в лесу... До тех пор о лесе, как социальном организме, управляемом определенными, точно установленными законами, не было никакого представления» («Социальная жизнь растений», 1927 г., стр. 53).

Приведенные нами компетентные мнения свидетельствуют, что, как по мнению самого Морозова, так и других «фитосоциологов», морозовское лесоведение и «фитосоциология», несомненно, «связаны друг с другом в своих глубочайших корнях». Метаморфоза леса, его преображение из естественного предмета природы в «социальный» лес—неоспоримая «заслуга» Морозова. Благодаря этой метаморфозе, «делающей в науке эпоху», то, что ранее было «бледным символом», или эмпирической случайностью, или, наконец, просто нагромождением хаоса, все это под «волшебной рукой» Морозова, в свете его теории, «зажило теперь новой самостоятельной, осмысленной жизнью»,— с такой восторженностью отзываются курсы лесничих в 1912 г., ознакомившись с морозовским учением (см. «Уч. о лесе», стр. VII).

Несмотря на «потрясающее» значение метаморфозы леса, она не имела, по мысли Морозова, самодовлэющего значения; метаморфоза леса была лишь первым шагом, впереди вырисовывались более крупные перспективы: «Лесоведение — наука биосоциальная,— говорит Морозов,— и когда создастся наука «с о ц и а л ь н а я б и о л о г и я», тогда лесоведение станет только одной из ее частей («Уч. о лесе», стр. VI. Подчеркнуто нами). Итак, метаморфоза леса—лишь частичка более крупного плана создания «социальной биологии», и только когда создастся эта наука, тогда будет завершено дело, начатое морозовским учением о лесе вкупе с «фитосоциологией».

Полная аналогия между органической и общественной жизнью, аналогия, доходящая до полного отожествления организма и общества, вот общая исходная точка морозовского лесоведения и «фитосоциологии».

«Социальный фактор является общим фактором в жизни, свойственным всякой жизни, а не только человеческой»— говорит Морозов («Уч. о лесе» стр. 246). «Человеческое общество и растительное сообщество,—по утверждению профессора Сукачева,—имеют между собой существенно общее и это общее и есть то, что составляет сущность тех социальных отношений, которые характеризуют общество людей и сообщество растений» (В. Н. Сукачев «Введение в учение о растительных сообществах», 1915 г., стр. 122-подчеркнуто нами Авторы). Другой видный современный «фитосоциолог» В. Алехин говорит то же самое:

> «Те отношения, которые наблюдаются между растениями в сообществах, вполне могут быть названы социальными, а само сообщество является единицей социального порядка» (В. Алехин «Что такое растительное сообщество» 1928 г., стр. 80, подчеркнуто нами. Авторы).

Итак, отрицание по существу различий между обществом людей и сообществом растений, утверждение полного тожества отношений между людьми, с одной стороны, и отношений между растениями, с другой, вытекающие из признания «всеобщности социальной жизни»,— такова сущность взгляда Морозова, последовательно проводимого им в лесоведении. Он приводит следующие слова Эспианаса, как вполне совпадающие с его собственными мыслями:

> «Социальная среда составляет необходимые условия сохранения и обновления жизни; это — биологический закон... Социальные факты подчинены законам и эти законы одинаковы повсюду, где только они проявляются, так что общественный мир образует в природе значительную область, имеющую свое обособленное единство и составляющее однородное целое, гармонически связанное во всех своих частях» («Уч. о лесе», стр. 246, подчеркнуто нами. Авторы*).

Исходя из этих положений, понимая «всякую жизнь, как явление социального порядка» (см. «Уч. о лесе», стр. 244), Морозов разработал теорию «социального леса»—«глубоко поучительную главу социальной биологии», как он выражается (см. стр. 245). «Социальный» лес Морозова состоит из «социальных» элементов, связанных между собой в одно целое посредством «социальных» отношений, которыми управляют «социальные» законы и в

---

*) Эспинас, как известно, выводил общественную жизнь людей из жизни пчел и муравьев и „фитосоциологи" эту же точку зрения доводят до логического конца. Почему бы им не заняться вопросами „социальной" жизни микробов и бактерий и не внести в это „нагромождение хаоса" свет „социальной", „осмысленной жизни".

результате всего этого создается «социальная» структура и «социальная» жизнь леса.

Элементы «социального леса», «древесные растения,— утверждает Морозов,—суть растения общественные», которые находятся под влиянием «ими же созданной и постоянно создаваемой обстановки — социальной среды» («Уч. о лесе», стр. 77). Дерево в лесу—это «особый физиологический социальный индивидуум» («Уч. о лесе», стр. 246). Лес, составленный из «социальных» деревьев, есть тоже «социальный индивидуум», «есть некое социальное единство» («Учение о лесе», стр. 241, 244).

«Фитосоциолог» проф. Сукачев считает лес даже социальным существом высшего порядка: «Можно сказать, что лесные сообщества среди других сообществ являются наиболее высоко развитыми в социальном отношении» (проф. Сукачев, «Растительные сообщества», 1928 г., стр. 46).

На вопрос, что представляют из себя те «социальные» отношения (речь идет о «социальных» отношениях всякой общественной жизни, а не только человеческой), посредством которых древесные и другие растительные организмы (и все организмы вообще) связываются в «некое социальное единство»,—Морозов и «фитосоциологи» отвечают так: борьба за существование и взаимопомощь являются основными и всеобщими социальными отношениями.

> «На почве этих социальных отношений возникает особая общественная среда, которая коренным образом влияет на входящие в ее состав растения, определяет их облик и образ жизни» (Г. Дохман - Гармиза, «Социальная жизнь растений», стр. 23). «Припомним,— говорит другой представитель этой школы,—что солидарность, а не индивидуальное соперничество еще Ламарк полагал в основу общественной жизни, а сам Дарвин был далек от принципа неумолимой борьбы, развитого например Уоллесом после него. Установленная Дарвином общность психической природы животных и человека, позволяли ему видеть общий для них закон в солидарности и взаимопомощи» (профессор Н.В. Третьяков, «Закон единства в строении насаждений»,стр. 61).

«Фитосоциолог» проф. Серебряков иллюстрирует эту же мысль примером из жизни сосен:

> «На примере соснового леса мы видим, что эта естественная группа растений оказывается так тесно связана взаимностью интересов составляющих ее пород, что не может быть названа иначе, как термином растительное сообщество. Ведь под именем сообщества людей мы разумеем группу особей, соединенных общностью каких-либо интересов» (Серебряков Н. К., «Растительное сообщество», стр. 32).

Проф. Сукачев следующим образом определяет сущность «фитосоциальных отношений»:

> «В процессе совместного координированного использования производительных сил местообитания растения вступают во взаимодействие, как с условиями места произрастания, так и друг с другом, и в этом последнем случае в направлении как сорев-

нования, так и взаимопомощи» («Сукачев», «Руководство к исследованию типов леса», СельхозГИЗ, 1930 г., стр. 17).

Итак: борьба, соперничество, соревнование, конкуренция—с одной стороны, и солидарность, общность интересов, взаимопомощь—с другой,—вот те вековечные устои, на которых всегда и везде основывается всякая социальная жизнь и без которых не было, нет и не будет социальной жизни. В этом и заключается «глубокий» смысл «глубоко поучительной главы социальной биологии» по учению Морозова и «фитосоциологов». В чем заключается действительный смысл этих, по утверждению «фитосоциологов», всеобщих факторов всякой социальной жизни, мы остановимся на этом вопросе ниже, а сейчас перейдем к основному закону всякой социальной жизни в изображении «фитосоциологов».

«Кардинальнейшим» законом «биосоциального мира» является естественный отбор, так учит морозовская школа. Приведем первоисточники, из которых почерпнута эта мудрость».

«Благополучие существующего человечества»,—пишет Спенсер,—и достижение им этой крайней степени совершенства обеспечено благодетельным, хотя и строгим отбором, которому подчинен весь органический мир, отбором, который безжалостно стремится к достижению блага, отбором, который, поставив своей целью благополучие, не заботится об устранении случайных и мимолетных страданий.

Бедность неспособного, притеснения, достающиеся на долю глупого, голодного, ленивого и то оттирание слабых сильными, благодаря которому так много людей живет в нужде и нищете,—все это веление дальновидного и благожелательного закона.

Человечество вынуждено мириться с неизбежной необходимостью своего положения, достигать гармонии и терпеть бедствия как умеет.

Этот процесс должен совершиться и страдания должны быть перенесены. Никакая земная сила, никакие хитроумные законы государственных людей, никакие утопические мечты друзей человечества, никакая коммунистическая всеобщая панацея, никакие реформы, когда-либо предпринимавшиеся и имеющие быть предпринятыми, не могут ни на минуту уменьшить страдания» (цитировано по статье проф. Вагнера «Биология и общественные науки». Журнал «Природа» за 1912 г., стр. 647).

«Дальновидный», «благодетельный» и вместе с тем «безжалостный» закон естественного отбора неограниченно во веки веков царствует над всем органическим миром, и никакая земная сила не может ограничить его безраздельной и беспредельной власти над животными, растениями и людьми. «Никакая всеобщая коммунистическая панацея» не может ни на иоту, на самую ничтожную долю ослабить закон естественного отбора. Человек бессилен перед ним.

Так учит первоисточник морозовской школы, Спенсер.

Обратимся к другому первоисточнику, к Геккелю.

«Жестокая и беспощадная борьба за существование,—говорит он,—которая свирепствует всюду в природе и должна свиреп-

ствовать в силу естественных законов, это непрерывное и неумолимое соперничество всего живого — неоспоримый факт. Только избранное меньшинство способнейших в состоянии успешно выдержать эту конкуренцию. Тогда как огромное большинство конкурентов неизбежно осуждено на гибель. Можно глубоко сожалеть об этом трагическом факте, но нельзя отрицать, ни помочь ему. Все званные, но лишь немногие избранные.

Отбор этих избранников необходимо связан с ущербом и гибелью остального большинства...

Таким образом,—заключает Геккель,—борьба за существование в человеческом обществе и естественный подбор суть факторы, которых нельзя ни отрицать, ни изменять».

Следуя Спенсеру и Геккелю, Морозов учит:

«Отбор не уничтожается, это вечный и неизменный закон природы, все равно, как всемирное тяготение»... («Уч. о лесе», стр. 309)... «естественный отбор именуется часто теллурическим (Кирхгоф), а также социальным; таким образом, перед нами одно из кардинальнейших явлений биосоциального мира, которое можно одинаково назвать и явлением биологическим, и явлением географическим, и явлением социальным»... «Само направление отбора дается географической средой, роль которой можно сравнить с ролью хозяина в деле искусственной селекции («Уч. о лесе», стр. 330).

Естественный отбор — основной закон социального мира, по мысли Морозова, есть своего рода универсальная социальная селекция. К каким последствиям эта селекция приводит в общественной жизни, на этот вопрос отвечает нам современный теоретик морозовской школы, проф. Третьяков.

«Естественный отбор,— поучает проф. Третьяков,— оказывает могучую поддержку общественным элементам. Он обеспечивает выживание тех, кто всего талантливее умеет пользоваться своей способностью к общественной жизни. Общественная жизнь здесь выступает как сильнейшее орудие во всемирной борьбе «за жизнь», в то же время отводится свое место борьбе с естественными препятствиями и с общим врагом» (проф. Н. В. Третьяков «Закон единства», стр. 61).

Невольно приходят на ум слова Муссолини, главы — итальянского фашизма:

«Капитализм является системой угнетения, но также и главным образом представляет отбор наиболее ценных элементов, управление наиболее деятельных, более сильно развитое сознание индивидуальной ответственности» (цитировано по журналу «Под знаменем Марксизма», 1931 г., № 1—2, стр. 230).

Оказывается Муссолини — тоже за естественный отбор. Какое совпадение! Какое «трогательное» единение между «теоретиками» апологетами капиталистического строя и практиком, главой фашистской диктатуры.

Террористическая диктатура крупной буржуазии существует, оказывается, на основе закона естественного отбора.

Кровавые палачи рабочего класса — это «избранное меньшинство способнейших» (по словам Геккеля, см. выше), фашистские пытки коммунистических борцов — это «веление дальновидного и благожелательного закона» естественного отбора (по словам Спенсера, см. выше), злейшие душители социализма вот — «кто всего талантливее умеет пользоваться своей способностью к общественной жизни», — так выходит из слов проф. Третьякова.

Но закон естественного отбора, благожелательный и благодетельный по отношению к буржуазии, напротив, строг и безжалостен по отношению к пролетариату: 40 миллионов безработных пролетариев и с ними их семьи, жены и дети голодают и мрут с голоду... Это всего лишь проявление естественного отбора, который, «поставив своей целью благополучие, не заботится об устранении случайных и мимолетных страданий», — как выразился Спенсер. Разве все это не имеет «глубокого» смысла для апологетов капитализма! Конечно, лесоведение является «глубоко поучительной главой социальной биологии»! А социальная биология является «глубоко-поучительной главой» самой гнусной апологии диктатуры чернорубашников преподносимой ее «учеными» приказчиками под видом «науки».

Перейдем к важнейшему вопросу жизни «социального леса» — к вопросу о его «социальном строе», «социальной» структуре».

Вот что говорит по этому вопросу «фитосоциолог» проф. Сукачев:

> «... растения, входящие в состав сообщества, образуют как бы одно целое, имеющее определенный строй и структуру. Это выражается наиболее наглядно в ярусности и закономерном сложении каждого яруса. В нормальном сообществе, не измененном рукою человека, не только все ярусы между собою находятся в связи и каждый ярус является нужным для всего целого, но таковые же взаимоотношения наблюдаются и между видами, входящими в состав одного яруса, будем ли мы иметь травяные сообщества или лес» (проф. В. Сукачев, «Растительные сообщества» стр. 56).

> «Ярусность характеризует всякое сообщество», — делает из этого вывод другой «фитосоциолог» Дохман-Гармиза... «в каждом ярусе растительного сообщества находятся растения с одинаковыми жизненными требованиями, представители одного и того же экологического типа. В разных же ярусах находятся растения с различными жизнеными требованиями, с различной экологией. В результате, интересы растений различных ярусов мало сталкиваются между собою... Наоборот, у растений одного и того же яруса интересы между собою сталкиваются» (Дохман-Гармиза, «Социальная жизнь растений», стр. 30).

Разве это не «глубоко поучительная социальная биология»? Общество состоит из «ярусов», внутри «ярусов» — борьба, а между различными «ярусами» — взаимопомощь. Разве можно уничтожить «ярусы»? Не превратится ли тогда жизнь общества в сплошную драку и не исчезнет ли тогда солидарность? «Хозяйственная деятельность, — говорит Морозов, — не фантазирует, а эксплоатирует» (см. выше). Ясно, что только «фантазеры» могут мечтать об уничтожении «ярусов»..

«Социальная» дифференциация в лесу выражается в делении лесных деревьев, этих по определению Морозова «социальных индивидуумов», на классы. Со времен Крафта, согласно его классификации, лесоводы различают в лесу пять классов — пять ступеней идущих от полного господства до полного угнетения. Классификация Крафта — это символ веры лесоводства и лесоведения, как «глубоко поучительной главы социальной биологии».

Господствующие классы в социальном организме — в лесу и т. д. образуют индивидуумы, наиболее богато одаренные от природы творческими силами и поэтому они являются носителями прогресса, определяющими все развитие социального организма. «На долю угнетенных приходятся функции подсобные, однако существенно необходимые в интересах целого» (проф. Н. В. Третьяков, «Закон единства», стр. 52).

Помня о том, что «фитосоциологические» положения обладают общезначимостью для всякой жизни, мы не можем оставить слова проф. Третьякова без перевода на классовый язык. Слова проф. Третьякова это — откровенное требование реставратора капитализма восстановить капиталистическую эксплоатацию.

Угнетенные классы не могут стать господствующими,—так учит проф. Третьяков; он допускает, как исключение. что среди угнетенных «прорываются гении и таланты», но это возможное исключение—лишь уродство. Гении и таланты создают господствующие классы, наиболее богато одаренные от природы творческими силами. Как в поколениях людей, повидимому неспособных к воспроизведению высоких умов, прорываются гении и таланты; в угнетенной части насаждения — как уродство, возможны исключения, способные стать источником высшего типа» (проф. Н. В. Третьяков, «Закон единства», стр. 52, примеч. 1).

По мнению проф. Третьякова, с точки зрения «науки», что люди, что деревья — все едино,законы для всех едины. В лесу эти для всех единые законы выглядят лишь проще и чище, чем в человеческом обществе и поэтому « с поразительной простотой» могут быть выражены при помощи математических формул. В лесу проф. Третьяков усматривает «удивительную гармонию прав и обязанностей». В лесу, по мнению проф. Третьякова, каждый индивидуум занимает полагающееся по его способностям общественное положение.

Весь этот черносотенный, контр-революционный бред профессор Третьяков «подкрепляет» при помощи следующего «закона»:

> «Сумма творческих сил индивидуума вынуждает его занять определенное место, общественное положение, играть определенную роль в целом. Строгое соответствие социального значения индивидуума и степени его участия в жизни сообщества, удивительная гармония прав и обязанностей, свойственная структуре сообщества, благодаря простоте явления, здесь (т.-е. в лесу. Авторы) находит поразительную простоту математического выражения» (Н. В. Третьяков, «Закон единства», стр. 54).

В «первоисточнике» проф. Третьякова у Г. Спенсера о том же самом написано следующее:

> «Но в обществе, подобном нашему, где промышленность и всякая другая специализация доходят до такой высокой степени,

деятельность одной какой-нибудь части, почему либо не выполняющей своего отправления, не может быть взята на себя другими частями. Даже сравнительно грубый труд земледельческих рабочих на фермах не мог бы быть выполнен надлежащим образом нашим сельским населением, если бы эти рабочие вздумали вступить в стачку; наши железные заводы должны были бы почти совершенно остановить свою деятельность, если бы их специально подготовленные рабочие отказались от работы и были бы *по необходимости замещены земледельцами и рабочими с хлопчато-бумажных фабрик. Еще меньше можно было бы ожидать, чтобы такие еще более высокие функции, как законодательная, судебная и пр. могли с успехом выполняться рудокопами и землекопами»* (Г. Спенсер, «Основания социологии», т. 1, ч. II, стр. 304. Подчеркнуто нами).

Последнее Спенсеру и не снилось даже, но проф. Третьяков воочию наблюдает, что «такие... высокие функции, как законодательная, судебная и пр.» не только могут, но и на самом деле с успехом выполняют рудокопы и землекопы. У проф. Третьякова— «здесь природа производит свои опыты, как известно не всегда удачные»... («Закон единства», стр. 52). Диктатура пролетариата, освобождение угнетенных классов от выполнения подсобных функций», с точки зрения проф. Третьякова.—лишь уродство и неудачный опыт. Хозяин вселенной (естественный отбор) внесет поправку в неудачный опыт и вновь восстановит нарушенный порядок,—так говорит другой первоисточник проф. Третьякова: «Я представляю себе опять вселенную с хозяином, фабрикующим живое и следящим за судьбою своих фабрикатов. Этот хозяин есть символ сил, творящих, оберегающих и приспособл ющих жизнь, естественного отбора и борьбы за существование. Вот как изображается его деятельность естествознанием: его действия и поступки очень медленны; они продолжаются тысячи и сотни тысяч, даже миллионы лет. Хозяин ничего не сможет закончить сразу, в свою работу он вносит нескончаемые поправки, и одно дело не один раз противоречит другому» (проф. Н. А. Умов, Собрание сочинений, т. III, Москва, 1916 г.).

Проф. Третьяков, теоретик морозовской школы, стоит на последовательной, в полном соответствии с своими первоисточниками, вульгарно-буржуазной точке зрения эволюции, и его положение— «сумма творческих сил индивидуума вынуждает его занять определенное место», и т. д.,—есть «закон», действующий «тысячи, десятки и сотни тысяч и даже миллионы лет», т.-е. вечно. Проф. Третьяков своим «законом» хочет доказать вечность капиталистического строя, с его делением на классы, с противоположностью города и деревни, с противоположностью умственного и физического труда и т. д. и проч. «удивительную гармонию прав и обязанностей». Хозяин вселенной восстановит в конце-концов нарушенную на время «удивительную гармонию». Оберегая жизнь, хозяин рано или поздно, но неизбежно закончит свою работу, и угнетенные классы будут принуждены вновь занять свое «определенное место... играть определенную роль»... выполнять «функции подсобные, однако существенно необходимые в

интересах целого». «Этот процесс, по Спенсеру и Третьякову, должен совершиться.. ...Никакая земная сила... никакая коммунистическая всеобщая панацея»... не могут его остановить.

В заключение мы приведем еще две иллюстрации «биосоциального» понимания вопроса о классовой структуре «социальных» организмов — одну из современной «фитосоциологической» литературы и другую из дореволюционной.

Первая—из книги Дохман-Гармиза «Социальная жизнь растений», изд. Московский рабочий, 1927 г. Автор приводит факт из «фитосоциологии», а затем комментирует его параллелью из «социологии».

Вот вам факт из «фитосоциологии»: «Взаимное влияние растений в сообществе приводит не только к изменению их роста и формы... но и расчленению их на господствующие и угнетенные, и к массовой гибели более слабых экземпляров» (стр. 14).

А вот вам дальше параллель из «социологии»: «Мы можем сказать, что подобно тому, как общество людей коренным образом определяет судьбу человека, влияет на его воспитание, через образ жизни, привычки, успех или неуспех в жизни, подобно этому обстоит дело и в обществе растений» (стр. 15. Курсив наш).

Разве не ясно, что эта параллель имеет и свою «другую» сторону, на которую автор не считает нужным тратить лишних слов, так как мысль понятна и без слов. Именно: расчленение людей в обществе на господствующих и угнетенных, массовая гибель более слабых экземпляров и т. п.— все это суть законы природы, доказываемые, в частности, «фитосоциологией».

Вторая и последняя иллюстрация из «Лесного журнала», редактором которого был Морозов, сам основоположник «глубоко поучительной главы социальной биологии»:

> «Путем изжития своих годичных слоев,—говорит Вл. Корш,— деревья могут приспособляться друг к другу и вести общественную борьбу за существование, распадаясь при этом на целый ряд социальных категорий (основные категории установлены и классифицированы Крафтом), это: 1) деревья прегосподствующие, 2) деревья господствующие, 3) деревья согосподствующие, 4) деревья угнетенные, и 5) деревья умирающие. Если провести параллель между этими физическими общественными классами и психологическими (!) классами у людей, то первый класс можно приравнять к аристократии, мало связанной с остальным обществом, полнее других живущей индивидуальной жизнью, благодаря чему даже при вырубке всего остального насаждения, этот класс безопаснее может оставаться на корне. Второй класс—это буржуазия, столпы общества: они образуют главную массу насаждения, этой массой давят на остальных, но сами сильны главным образом своей общественностью. Неосторожная вырубка значительного числа деревьев этого класса грозит гибелью как остальным представителям его, так и благополучию всего общества. Третий класс похож на интеллигенцию — это переходный класс между господствующими и угнетенными; главная его роль— заполнять просветы в полосе господствующего класса, поэтому

даже полная выборка его не опасна для насаждения. После такой вырубки отчасти кроны господствующего класса, разрастаясь, заполняют просветы, а отчасти его роль берут на себя деревья четвертого угнетенного класса. Четвертый класс можно сравнить с рабочим классом: на его долю выпадают только остатки света и питательных растворов после использования их предшествующими классами; для того, чтобы явилась возможность дать господство этому классу, нужна усиленная рубка предыдущих трех классов и притом начатая в молодом сравнительно возрасте; в старых сообществах (в особенности в перестойных насаждениях) класс этот настолько угнетен, что не может оправиться даже после вырубки всего остального насаждения. Пятый, отмирающий класс, это поземельное крестьянство, ему нельзя помочь никакими решительно рубками, его призвали удобрять землю и постепенно гибнуть, по мере развития остальных классов» («Лесной журнал», 1914 г., выпуск 5, стр. 358 — 359).

Вот оно «строгое соответствие социального значения индивидуума и его участия в жизни сообщества , о котором выше говорил проф. Третьяков. Вот она «удивительная гармония прав и обязанностей», которой восхищается проф. Третьяков. Вот она «доля угнетенных», которым по предопределению проф. Третьякова, «приходятся функции подсобные, однако существенно необходимые в интересах целого». «Русский мужик» — этот «главный, по выражению крепостника Мещерского, истребитель лесовозобновления» (см. выше), как раз попал на свое место, в «строгом соответствии» со своим «социальным значением»... «в глубоко поучительной главе социальной биологии».

Превыше всех стоят собственники лесов — помещики и рядом с ними «столпы общества», — «господствующая» буржуазия... их «вырубка» «грозит гибелью благополучия всего общества». «Глубоко поучительная глава социальной биологии» знает, кому она должна служить «верой и правдой»... и... «наукой».

«Глубоко поучительная глава социальной биологии» не забыла и пролетариата, ему она предопределяет во веки-веков «только остатки света и питательных растворов», ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы пролетариат мог создавать прибавочную стоимость для «столпов общества», не больше и даже меньше: «после использования их предшествующими классами».

«Глубоко поучительная глава социальной биологии» в свое время не прятала своего классового лица, лишь теперь она маскируется за «поразительную простоту математического выражения»... в формулах проф. Третьякова и др. Тощие математические формулы заменили «сочный» язык людоедов, по суть осталась: апология вечности капиталистического строя, на основе вечности естественного отбора, как следствия вечности борьбы за существование. «Всеобщность социальных факторов», из которых исходит морозовская школа, есть лишь другое выражение для обозначения вечности всех этих категорий.

В этих же целях современные «фитосоциологи» прибегают к помощи не только математики, они апеллируют и к... диалектике.

Вот образец «диалектики» «фитосоциолога» Дохман-Гармиза из «Социальной жизни растений», — «великий закон диалектического развития», как он его называет:

> «Всякая вещь, существуя и изменяясь, уже таит в себе зачатки гибели, и чем благоприятнее условия существования, тем быстрее ее развитие и часто тем скорее наступает ее гибель» (подчеркнуто нами. Авторы). «Мы с вами уже видели это на примерах из жизни растительных сообществ. Тоже происходит повсюду и в природе и в человеческом обществе» (стр. 53).

Примеры? «Фитосоциолог» их больше не приводит, предоставляя читателю самому подыскивать примеры о том, как при более благоприятных условиях существования общества скорее наступает его гибель...

Дохман-Гармиза, как «фитосоциолог», стоит на той точке зрения, что борьба за существование есть единственный, вечный, всеобщий двигатель социального развития, и поэтому очевидно он «подводит под диалектику», фальсифицируя диалектику, следующий вывод «фито социолога» проф. Сукачева:

> «Мы можем сделать тот вывод, что чем лучше вообще условия существования для растений, тем более энергично идет жизненное состязание между ними в лесу, тем больший процент убыли особей при этом происходит» (проф. Сукачев, «Растительные сообщества», 1928 г., стр. 13).

В. И. Ленин говорил, что «перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов — от этого фраза не перестает быть фразой.» («Материализм и эмпириокритицизм», изд. 1925 г., страница 257).

У «фитосоциологов» эта фраза представляет систему. При чем «цели» этого сливания биологического и социального—явно реакционные цели контр-революционных реставраторов капитализма. Учение о лесе Морозова и всей его школы насквозь пропитано духом черносотенства. Примеров мы привели достаточно.

В заключение напомним следующие слова Маркса, сказанные им о Ланге, который подводил всю историю под единственный закон — закон борьбы за существование: «Нужно сгласиться, что это очень убедительный метод... для напыщенного, притворяющегося научным, высокопарного невежества и лености мысли» (письмо к Кугельману от 27 июня 1870 г., цитировано по Ленину).

Школа Г. Ф. Морозова в учении о лесе также считает закон борьбы за существование всеобщим «социальным фактором», «свойственным всякой жизни», в том числе и человеческой. Тем самым приведенные нами слова Маркса, хотя они и были сказаны по поводу Ланге, в полной мере определяют научное значение школы Г. Ф. Морозова.

Не пора ли нашим материалистам - диалектикам, занимающимся изучением леса, встряхнуть с себя «леность мысли» и встать на самостоятельный путь — путь диалектического материализма?

Но что такое «социальный лес» Морозова? Это метаморфизированное капиталистическое общество; отношения и закономерности которого абсолютизированы Морозовым и возведены в ранг повсеместных и вечных законов природы. Условия, необходимые для обеспечения собственникам лесов постоянного получения непрерывно возрастающего дохода, социально-экономические условия капитализма — метаморфизированы в вечные естественные категории природы.

«Социальный лес» Морозова есть не что иное, как метаморфизированный социальный «идеал» Морозова,— «идеал» тех социально-экономических условий, которые необходимы для осуществления его лесохозяйственного «идеала»— постоянства пользования в лесу.

Мысля «гармонически», стремясь примирить со своим «идеалом» действительность, Морозов обращает свои взоры на вселенную, на «небеса» и здесь ищет той вечной, «гармонии», которая нужна ему на земле, в обществе, чтобы господствующие классы могли вечно эксплоатировать угнетенных — пролетариат и крестьянство. Для этого Морозову нужно прежде всего «доказать» вечность «гармонии» и с этой целью Морозов обращается к помощи «философии».

«Нужда» в лесе родит не только лесоводство, но также и «философию».

Перейдем к «философии» морозовской школы.

IV „СОЦИАЛЬНЫЙ ЛЕС“ И ФИЛОСОФИЯ ЧЕРНОЙ РЕАКЦИИ

„Новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад“. **Ленин.**

Если лес до сих пор выступал перед нами, как доказательство «всеобщности социальных факторов» в живой природе, то теперь нам предстоит ознакомиться с новым значением леса, несравненно более крупным. В лесу господствует гармония. «Лесная гармония» есть лишь отражение гармонии, господствующей на земле. «Земная гармония» отражает гармонию, господствующую в солнечной системе, которая в свою очередь, отражает гармонию, господствующую над «космосом». Гармония в «космосе», несомненно, «небесного» происхождения, следовательно, лес свидетельствует о существовании «небесной гармонии».

Идя вслед за школой Г. Ф. Морозова, мы покидаем лес, мы выходим даже за пределы микрокосма — вступаем в область макрокосма, таким образом подходим к высшему принципу этой школы, к краеугольному камню в ее философском фундаменте.

Если до сих пор мы имели дело с «социальными факторами» — с «принципами», сфера действия которых все же укладывалась в рамки нашей планеты, то теперь мы подходим к безграничному, стоящему над пространством и временем «принципу» — к «закону», «перед которым склоняется космос» (профессор Н. В. Третьяков).

В свете этого «небесного, надкосмического принципа» мир теряет свои «временные» аттрибуты: материю, пространство, время, причинность — все это теперь для нас уже не имеет больше никакого значения, мы имеем теперь дело лишь с бесконечным «р я д о м в з а и м о о т н о ш е н и й». Материальные отношения испаряются; необратимое материальное активное отношение причины к действию, происходящее в пространстве и во времени, и, следовательно, в материи, заменяется обратимым, бесконечно многосторонним, лишенным материальной связи ф у н к ц и о н а л ь н ы м о т н о ш е н и е м, в ы р а ж е н н ы м у р а в н е н и я м и.

Но в мире, потерявшем все свои материальные свойства, и лес должен потерять свои био-социальные свойства. И действительно, у Морозова лес теперь выступает уже просто как тощая «р е а л ь н а я с о в о к у п н о с т ь».

«В числе определений леса я назвал его уже, — говорит Морозов, — «реальной совокупностью» («Учение о лесе», стр. 245). Лес, как «реальная совокупность» выходит из цепи причинных связей материальной природы, из ряда материальных процессов. Лес, как реальная совокупность, выйдя из материальной природы, покидает пространство и время, превращается в «бесконечно малую вероятную вели-

чину» и, в качестве таковой, вступает в бесконечный ряд взаимоотношений, выражаемых посредством уравнений. Лес, как реальная совокупность — уже вне природы, и он может быть одинаково и «в правой» и «в левой» половине «уравнения». Лес, как реальная совокупность, потерял все свои качества и под «волшебной рукой» Морозова (см. «Учение о лесе», стр. УII) стал теперь количественным элементом функциональной связи, лишенной всякой материальности. Теперь в лесу и во вселенной наступает царство математики и власть формул. Борьба за существование и естественный отбор, безраздельно царившее в лесу «социальном», попав в потусторонний мир математических абстракций, тоже превращаются в бледные символы. Теперь математика и «волшебная рука» проф. Третьякова при помощи формул начинают управлять «космосом» и диктовать ему «законы» в виде «функциональных отношений»...

«В природе вообще и в природе леса в частности мы,— заявляет Г. Ф. Морозов,— в сущности говоря, только и имеем те или иные ряды взаимоотношений, и всякая научная задача для нас представляется в виде уравнения: если то, что мы желаем исследовать в данный момент, мы перенесем в левую часть равенства, то в правой останутся те величины, или те факторы, взаимодействие которых и дает левую часть уравнения («Учение о лесе», стр. 298. Подчеркнуто нами *).

Это заявление Г. Ф. Морозова, выражающее суть «философии» и «методологии» всей его школы, чрезвычайно «гармонирует» с отрицанием объективного материального мира в пользу комплекса ощущений, составляющих суть «философии» Маха. Именно Маху принадлежит приоритет в этой «философии», заменяющей причинную связь — не пригодную по его мнению для внутрипсихического мира — функциональной зависимостью, заменяющей закономерность уравнениями. У Маха, как известно, отвержение причинности обосновывается ссылкой на то, что в опыте (в субъективно-идеалистическом понимании «опыта») нам не даны ни необходимость связи между предметами, ни обусловленность действий причиной. Поэтому у Маха, кроме логической, какой-нибудь другой необходимости, например, физической, не существует» (цитировано по Ленину, «Материализм и эмпириокритицизм). Потому же и у Авенариуса «необходимость остается как степень вероятности ожидания последствий» (цитировано по Ленину). Махист Пуанкарэ, исходя из тех же предпосылок, заявлет, что законы природы — суть символы, условности, которые человек создает ради «удобств». Единственная, настоящая объективная реальность есть внутренняя гармония мира и Пуанкарэ про «гармонию» категорически заявляет на вопрос, находится ли она вне нас: «без сомнения—нет» (Ленин «Материализм и эмпириокритицизм»).

Приведенное нами выше заявление Г. Ф. Морозова полностью гармонирует с исходными положениями махизма и вытекающими из них последствиями. У современного виднейшего «теоретика» школы Г. Ф. Морозова, проф. Н. В. Третьякова мы можем видеть практиче-

*) Исходя из этого, по проф. Высоцкому, лес есть социальный организм, наличность которого определяется функцией S — L (G. P. H). Буквы означают: лес, дерево. внутренняя и внешняя среда и человек. Верх учености! (См. журнал „Лесоведение и лесоводство", вып. № 6, 1929 г.).

ское применение этих «принципов», напр., в выяснении «закона единства в строении насаждений». Проф. Н. В. Третьяков признает лишь один закон —«закон вероятности», он знать не хочет никаких «необходимостей» и «причинностей», он знает лишь «корреляцию, связь статистического характера», «уравнения» и «степени вероятности». «Удивительная гармония», царящая в лесу, по мнению проф. Н. В. Третьякова, благодаря простоте явления, может быть математически выражена с «поразительной простотой» (см. «Закон единства», стр. 64). Естественно, материалилистический принцип причинности перед лицом «удивительной гармонии», ощущаемой Н. В. Третьяковым, но не существующей объективно, скромно уступает свое место махистскому субъективно - идеалистическому «закону вероятности». «Удивительная гармония» должна быть выражена с «поразительной простотой», поэтому проф. Н. В. Третьяков ради «удобства» отбрасывает (за ненадобностью) причинную связь и заменяет ее функциональной зависимостью, ради «удобства» «упускает» закономерность и заменяет ее уравнениями. «Очевидно, по мнению проф. Н. В. Третьякова, символы более «удобны» для выражения «внутренней гармонии мира». Что-ж, он, пожалуй, по-своему «прав». Заменив «простоватые» материальные отношения в природе «удивительной гармонией», проф. Н. В. Третьяков последовательно заменяет причинную (материальную) связь «поразительно простыми» математическими пропорциями и уравнениями (символами).

На этом мы заканчиваем наше, несколько затянувшееся «философское» отступление и приступаем к сути вопроса — к принципу равновесия, в котором с «поразительной простотой» выражается «удивительная гармония», господствующая в «Космосе» и, конечно, в лесу. Проникнув, вслед за проф. Н. В. Третьяковым, на мгновение в «Космос», взглянув на царящую в нем «гармонию», мы возвращаемся обратно в лес, захвативши кусочек «гармонии». В действительности «гармония», конечно, не космическая, а махистская, и согласно компетентному разъяснению махиста Пуанкарэ, ее вне нас «без сомнения нет».

Равновесие довлеет над лесом,— так коротко можно выразить мысль Г. Ф. Морозова о значении равновесия в «социальной» жизни леса. Статика и динамика, «социальная» структура леса и ее изменение,— от исходного до конечного пункта,— предопределены принципом равновесия.

Веками установилась гармония «между лесом и той внешней средой, в которой он живет, между лесом и теми животными, в частности, насекомыми, которые в нем живут» («Учение о лесе», стр. 74). Гармония во вне, гармония внутри леса. «Власть земли простирается на населяющий данное насаждение животный мир, и ею, как силой организующей или гармонирующей взаимоотношения всех живых существ в лесу, определяется то подвижное равновесие в природе, которое так характерно вообще для природы леса»... («Учение о лесе», стр. 305). Подвижное равновесие в лесу установлено властью земли, как «силой организующей и гармонизирующей» *)

*) Исходя из этого, по проф. Высоцкому, лес есть гармония композиции организмов леса и композиции факторов среды. Или: ученая композиция ученого композитора проф. Высоцкого (См. журнал „Лесоведение и лесоводство", указанный выше).

Равновесие в лесу проявляется не только в господстве гармонии во всем его строении и во всей его жизни, но и в том, что «лес обладает способностью восстановлять самого себя, если по той или другой причине было нарушено его равновесие или пострадала часть его организма» («Учение о лесе», стр. 28). Равновесие обладает способностью к самовозобновлению. Нарушенное равновесие в лесу рано или поздно восстанавливается в соответствии с особенностями внешней среды и с внутренними свойствами составляющих лес элементов («Учение о лесе», стран. 55).

Равновесие делает лесное сообщество устойчивым. «Чем больше биосоциальных кругов входят в состав сообщества, взаимно влияют друг на друга, тем лесное сообщество будет более устойчиво» («Уч. о лесе» стр. 240).

«Лес может устойчиво существовать только при гармонии своих внутренних отношений в географияческой среде; невольно приходит на ум,— замечает Морозов,— определение жизни Спенсера,— в его понятии жизнь есть ничто иное как беспрерывное приспособление внутренних отношений к внешним» («Учение о лесе» стр. 331).

Во всех приведенных высказываниях Г. Ф. Морозова нельзя не заметить одну и ту же характерную особенность: для него гармония, устойчивость и равновесие суть понятия соотносительные. Отношение между ними, соответственно мысли Морозова,— можно было бы сформулировать так: равновесие — функция устойчивости, которое само, в свою очередь есть функция «гармонии»; все предопределено «гармонией», последняя же ничем не обусловлена,— она предустановлена. Или иначе: равновесие и устойчивость суть лишь степени гармонии, равновесие в высшей степени, полное равновесие и есть гармония. В комплексе — равновесие — устойчивость — гармония — любой его член может быть выражен в его оношении к другим в форме уравнения.

Другая особенность приведенных высказываний Г. Ф. Морозова состоит в том, что здесь отношения внутри леса, в конечном счете, определяются внешними отношениями; лес, как реальная совокупность в понимании Г. Ф. Морозова, целиком и полностью определяется своей средой. Эту характерную особенность механистической методологии мы увидим еще более ярко выраженной у других представителей школы Г. Ф. Морозова. Попутно заметим, что И. И. Бугаев совершенно напрасно считает, что «факт взаимодействия в «насаждении» констатирован... знаменитым лесоводом Морозовым... без какого либо механизма» (см. «Естествознание и марксизм», № 1, 1929 г.). У самого Г. Ф. Морозова можно найти неоднократные, прямые, совершенно недвусмысленные указания на то, что «внутренняя среда леса... в конечном счете, есть продукт георгафической среды» (см. «Учение о лесе», стр. 323 и др). Отрицая «механизм» в воззрениях Г. Ф. Морозова, И. И. Бугаев сводит на нет роль принципа равновесия, являющегося основным методологическим принципом в теоретических построениях Г. Ф. Морозова и его школы. А то, что теория равновесия, есть основной принцип механистической методологии, это для мало-мальски грамотного марксиста—азбучная истина.

Заглянем теперь по вопросу о равновесии к «фитосоциологам»,— специалистам».

В. Алехин... («Что такое растительное сообщество») считает, что без равновесия в определенной степени растительное сообщество вообще является невозможным. Для иллюстрации своей мысли он приводит следующее очень образное и, по его мнению, «остроумное» сопоставление, принадлежащее Пачоскому: «сообщество растений можно сравнить с каким-либо организованным обществом людей, что же касается сочетаний сорных растений, то их можно уподобить толпе зевак, собравшейся где-либо на улице. Если это организованное общество, добавим от себя,—говорит В. Алехин,—насильно разогнать, то оно соберется тем не менее в другом , в третьем и т. д. месте, сохраняя все время свою внутреннюю организацию и структуру. Толпа же зевак совершенно случайна и, будучи разогнанной, никогда и нигде больше не соберется в прежнем составе» (стр. 73 — 74).

К сожалению, мы ничего не знаем относительно источников,из которых В. Алехин почерпнул свои «социологические» наблюдения, но признаться, «остроумия» мы тут не видим нисколько, скорей обратное. По мнению В. Алехина, называться сообществом может лишь «равновесная стройная система» (стр. 77) и он указывает следующие отличительные особенности таких систем.

1. Растительные сообщества, вполне соответствующие физико-географическим условиям, при неизменности последних, остаются также неизменными «неопределенно долгое время» (стр. 67). «Толпа зевак» (сорные травы и т. п.) изменчива и кратковременна. «Организованное общество» (лес и т. п.) — неизменно и длительно.

2. Устойчивые, равновесные растительные сообщества, при всех нарушениях извне их социального строя, будут возвращаться к своему исходному типу (см. стр. 62). «Толпа зевак», при нарушении извне, уже не возвратится к своему исходному типу, но «организованное общество» (напр. капиталистическое) при всех нарушениях социального строя будет возвращаться к своему исходному типу (к какому, гр. Алехин?).

3. «То более, то менее далекие от равновесия нарушенные сообщества, предоставленные самим себе, рано или поздно возвращаются к своим исходным равновесным типам» (стр.71),—предвещает нам «фитосоциолог» Алехин. Здесь мы больше уже не будем пускаться вслед за Алехиным в «социологические» параллели, тем более, что известный уже нам «фитосоциолог» Дохман-Гармиза от себя подтверждает: «тоже происходит повсюду в природе и в человеческом обществе». Что «тоже происходит», на этот раз так и остается невыясненным, ибо «фитосоциолог» Дохман-Гармиза прямо и открыто нам этого не сказал и мы можем лишь догадываться.

«Вообще же под сообществом,—заключает В. Алехин,—мы понимаем «комплекс... несмотря на свою подвижность, представляющий вполне устойчивую систему (подвижное равновесие) как растительное зеркало данных физико-географических условий и истории страны» (стр. 76). В Алехин решительно не согласен с теми, кто за сообщества считает всякое собрание, лишь бы была какая-либо внутренняя связь,

указывая в качестве таких путаников на А. Еленкина и др. Рассуждать так, по мнению В. Алехина, это все равно, что говорить «о государстве при виде двух случайно-говорящих людей». (стр. 77).

Расставаясь с В. Алехиным, мы должны подчеркнуть его основную мысль, заключающуюся в том, что без равновесия (устойчивости) нет сообщества. «Порядочные» сообщества всегда возвращаются к своим исходным равновесным типам, кто бы и как бы не нарушал их равновесия.—(Очевидно, если В. Алехин почему - либо иногда выходит из равновесия, то он всетаки, предоставленный самому себе, возвращается к своему «исходному равновесному типу». Так иногда бывает и тут уже ничего не поделаешь...).

Обратимся теперь к «фитосоциологу» проф. В. Сукачеву («Растительные сообщества»). От него мы узнаем, что «подвижное равновесие и есть следствие борьбы за существование, есть лишь одно из ее проявлений» (стр. 196). Современный «теоретик» школы Г.Ф.Морозова, проф. Н. В. Третьяков добавляет к этому, что борьба за существование происходит с необходимостью, подчиняясь закону больших чисел, закону «вероятности», переходит от состояний менее вероятных к более вероятным, а в общем и в целом, во всем этом выражается «гармония эволюции».

Но с другой стороны, по мнению проф. Сукачева, и взаимопомощь, как следствие борьбы за существование, также «есть один из элементов, определяющих собою подвижное равновесие» (стр. 196). Проф. Н. В. Третьяков опять же добавляет насчет «закона вероятности» и в заключение заявляет: «Все разрешится и придет в ясность очевидно лишь тогда, когда биолог, вооруженный объективным методом исследования, скажет, е с л и с м о ж е т, свое окончательное слово»... («Закон единства», стр. 62. Подчеркнуто нами).

Хотя мы и не биологи, но вопреки проф. Третьякову решаемся сказать «свое последнее слово»: кроме пустословия в этих «рассуждениях» нет ничего. Спор о том, что от чего: равновесие от борьбы за существование и взаимопомощи или наоборот — столь же продуктивен, сколь продуктивны в свое время были споры схоластиков о том, сколько ангелов может поместиться на острие иголки...

Спор бесплоден потому, что равновесие вовсе не обладает тем значением, какое ему придают его сторонники. Равновесие не является законом движения, изменения развития природы и общества. «Без относительного покоя нет развития. Возможность относительного покоя тел, возможность временных состояний равновесия, является существенным условием дифференцирования материи и жизни» (Энгельс. Диалектика природы, стр. 15). Но одно дело относительное равновесие, как частный момент движения, а другое дело равновесие как исходный пункт развития. Равновесие это — покой. Абсолютный покой, говорит Энгельс, мыслим лишь там, где нет материи, ибо нет материи без движения. Материя постоянно движется и развивается, а равновесие является лишь моментом движения. Чтобы понять изменения, производящие в природе и в обществе, необходимо исходить из факта движения. Теория равновесия исходит из покоя. Теория равновесия бессильна объяснить что либо, ибо неправилен исходный пункт этой теории.

Чтобы показать полную бессодержательность объяснений при помощи теории равновесия, отдельных явлений, происходящих в лесу, остановимся на попытке одного из последователей Г. Ф. Морозова объяснить на основе теории равновесия массовое размножение вредных насекомых в лесу. Перед нами будет конкретный случай практического применения той самой теории, которую Г. Ф. Морозов дает в общей формулировке. Предварительно сделаем лишь парочку замечаний.

Теория равновесия для массы лесоведов и лесоводов, несомненно, имеет значение окончательной истины. К ней апеллируют как к «окончательной истине в последней инстанции». Ею пользуются для объяснения самых разнообразных и разнородных явлений.

Почему в лесу происходит массовое распространение вредных насекомых, напр., монашенки? Потому, объясняют, что в лесу нарушено «равновесие». Почему понизился бонитет насаждений? Опять же потому, что нарушено «равновесие». Почему неравномерна полнота насаждения? Все потому же, что нарушено «равновесие» и т. д.

Одним словом, для лесоведов и лесоводов «равновесие» то же, что для психологов - метафизиков — «душа», для биологов-виталистов — «жизненая сила». «Равновесие» это не какая-нибудь отвлеченная истина, нет это — практическая истина, которая дает себя знать, когда мы позволим себе невежливо с ней обращаться. «Равновесие» это — не какая-нибудь безделица, а коренной устой жизни леса, нарушение которого неизбежно сопровождается расстройством нормального хода жизни леса. Какой «великой истиной» для лесоведов и лесоводов является теория равновесия и в то же время, насколько бессодержательна эта «великая истина», ярко иллюстрирует обе эти стороны «равновесия» В. Н. Старк в книге «Руководство к учету повреждений леса» (Сельхозгиз, 1931 г.). «Человек,—говорит В. Н. Старк, не считаясь с законом природы, врывается в лес и, нарушив естественное равновесие в природе, создает условия неблагоприятные для развития отдельных видов и благоприятные для других видов насекомых, образующих биоценоз. В результате нарушается равновесие биоценозы и отдельные виды вредителей, получая более благоприятные условия для размножения, начинают развиваться в массе. Происходит ненормально быстрая смена биоценозов» (стр. 9)... но не один человек может нарушать «закон природы». Помимо человека, «закон природы» может нарушать и сама природа... в лице стихийных бедствий.

«Помимо человека, говорит Н. В. Старк, естественное равновесие в лесу может быть нарушено и различными стихийными бедствиями (пожарами, ветровалами, понижением уровня грунтовых вод и пр.)» ...(стр 99). Итак, не только человек, но и стихийные бедствия, «не считаясь с законом природы», врываются в лес и нарушают естественное равновесие в природе. Одна часть природы произвела нарушение равновесия в другой части природы. Природа произвела нарушение, равновесия, так сказать, сама в себе, т. е. произошло самонарушение равновесия. Но как бы оно не произошло, результат, по утверждению В. Н. Старка, всегда один и тот же, именно: «во всех случаях результатом, говорит В. Н. Старк, является массовое развитие отдельных видов вредных насекомых» (стр. 9 — 10).

Трудно придумать, что-либо более бессмысленное, чем только что приведенная нами тирада В. Н. Старка. Несмотря на это, все же нельзя обойти ее мимо по двум причинам. Во-первых, рассуждение В. Н. Старка — классический пример теории Морозова о сути воздействия человека на лес, во-вторых оно — классический пример того, как адепты школы Г. Ф. Морозова с «ученым» видом самые пошлые и пустые мысли выдают за последнее слово «науки». Не лишне будет также напомнить читателю, что «фитосоциолог», видя столь поразительные последствия нарушения равновесия в «социальной» жизни леса, поучительно заметит: «то же самое происходит в природе и в человеческом обществе». Не подумайте, что происходит «массовое развитие отдельных видов вредных насекомых»... Нет, происходит совсем другое. Именно: тожество следствий есть доказательство тожества причин, а тожество причин есть доказательство тожества «социальных факторов», следовательно: равновесие существует не только в лесу, но и в обществе, оно есть фактор не только природный, но и социальный. Но, спросим мы, «фитосоциолога»: какое явление в жизни человеческого общества представляет «то же самое», что и «массовое развитие отдельных видов вредных насекомых»?

Вернемся к теории равновесия, представленной в данный момент перед нами в лице В. Н. Старка.

Мы думаем, что нарушение равновесия произошло совсем не там, где указывает Старк, а в другом месте, именно: в голове В. Н. Старка. Причиной, нарушившей равновесие мыслей В. Н. Старка является... теория равновесия. Вот и все, что доказывает В. Н. Старк. «Массовое развитие отдельных видов вредных насекомых» в лесу совсем не доказывает, что «естественное равновесие» является «законом природы», который «помимо человека», «может быть нарушен и стихийными бедствиями». Равновесие ничего не об'ясняет.

Но нас сейчас не интересуют причины «массового развития отдельных видов вредных насекомых», нас интересует с у т ь того метода, которым В. Н. Старк и ему подобные пользуются для нахождения этих причин. Очевидно, по мнению В. Н. Старка, теория равновесия объясняет не только лес, но и каждую вещь, т.-е. равновесие включает в себя не только движение вредных насекомых в лесу, но и движение каждой вещи. В противном случае невозможно считать равновесие «естественным», т.-е. вещественным и нельзя также принимать его как «закон природы», т.-е. как закон движения вещей. Итак: равновесие есть а б с о л ю т н ы й з а к о н д в и ж е н и я в е щ е й, а теория равновесия есть а б с о л ю т н ы й м е т о д, «который не только объясняет каждую вещь, но и включает в себя движение каждой вещи» (Маркс. Нищета философии).

«Итак, что же такое абсолютный метод? Абстракция движения. Что такое абстракция движения? Движение в абстрактном виде. Что такое движение в абстрактном виде? Чисто логическая формула движения, или движение чистого разума». (Маркс, Нищета философии).

Итак, нарушение равновесия и «массовое развитие отдельных видов вредных насекомых» — это явления, которые в такой связи происходят вовсе не в природе, а только в чистом разуме Н. В Старка; т.-е. то, что описывает В. Н. Старк, выдавая свое описание

за подлинное отражение подлинных процессов природы, есть лишь отражение его «философии». Это, так сказать, «философское» обоснование «массового развития отдельных видов вредных насекомых». Но равновесие как закон природы, ничего оказывается не объясняет. Напротив оно само объясняется «нищетой философии» его апологетов. Принимая теорию равновесия, как выражение закона природы, и применяя ее, как принцип методологии научного знания, ее сторонники тем сами «становятся рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем» (Энгельс, Диалектика природы, изд. ИМЭ, 1930 г. стр. 25).

Принцип равновесия, играющий в методолгии школы Г. Ф. Морозова роль основного положения, есть органический элемент философской системы Г. Спенсера, воспринятой школой Г. Ф. Морозова. У Г. Спенсера, как известно, равновесие играет роль основного принципа в его теории эволюции, оно является основной движущей силой эволюции. Антагонистические силы природы (хаос) мало-по-малу приходят к движущемуся равновесию (несовершенная гармония, которое в свою очередь, мало по малу приближается к «совершенному уравновешению». (полная гармония). «В ходе космического уравновешения», как выражается Спенсер, все изменения, происходящие в природе, суть лишь «эпизоды». Эта последняя мысль Спенсера показывает нам, что для него — движение лишь «эпизод» на пути к равновесию, т.-е. основное это — покой, а движение есть лишь частный случай покоя. Наступит или не наступит когда-либо «космическое уравновешение» — безразлично: от этого движение не перестанет быть «эпизодом». Таким образом, у Спенсера основным, абсолютным является «совершенное уравновешение», каковым может быть только «космическое уравновешение». Движение же лишь приближение к покою, движение это неполный, несовершенный покой, т.-е. движение не абсолютно, абсолютен покой. Такая точка зрения, как известно, в философии носит название метафизической.

Средневековая метафизика учила об абсолютной неизменности природы, утверждая, что мир может существовать только в том виде, каким мы его наблюдаем. Это «окаменелое мировоззрение» (Энгельс) было разрушено успехами естествознания. Но суть метафизики — мысль о невозможносстн абсолютного покоя так или инче существует и доныне в «самых скверных вульгаризированных остатках самых скверных философских систем» (Энгельс).

Теория равновесия по самой сути своей — метафизична: она сводит движение к покою, рассматривая движение, как нарушенное равновесие. Теория эволюции Спенсера, основанная на принципе равновесия, также метафизична. Спенсер, при помощи законов эволюции, как социолог, стремился доказать лишь то, что и общество как и вся вселенная идет к «совершенному уравновешению».

«Этот процесс, подвинувшийся у нас (англичан) так далеко, что колебания стали сравнительно не резки, должен продолжаться, пока равновесие между антагонистическими силами не будет неопределенно близким к совершенному уравновешению» (Б. Спенсер, Основные начала 1897 г., стр. 428). Как на пример равновесия, к которому идет общество, Спенсер указывает на солнечную систему, в которой по

его словам: «установилось независимо движущееся равновесие, состоящее в том, что относительное движение частей непрерывно уравновешивается в противоположном движении, так что среднее состояние всего аггрегата сохраняется неизменным» (курсив наш). Таким образом, смысл эволюции общества (Спенсер, конечно, имеет ввиду капиталистическое общество) по Спенсеру заключается в том, что капитализм идет к среднему состоянию, в котором он и будет сохраняться неизменным. Итак, вечность и неизменность основ капиталистического общества — вот что имеет в виду Спенсер, рассматривая всякие изменения как «эпизоды в ходе космического уравновешения».

Средневековая метафизика, утверждавшая неизменность мира, как видим, вновь воскресла в системе Спенсера, но уже в другой форме: в форме вульгарно-буржуазного эволюционизма, основанного на теории равновесия — этой буржуазной метафизике.

Теория равновесия довлеет над буржуазным мышлением именно в силу своего апологетического характера.

Выше мы показали, что сведение социальной жизни к биологической имеет своей конечной целью отнюдь не углубление познания социальной жизни, а обоснование вечности и нерушимости капиталистического строя, т.-е. апологию буржуазного общества, как естественного, нормального, постоянного и всемирного факта. Буржуазные ученые, понимая законы природы как вечные и неизменные, и сводя социальные законы к законам природы, стремятся таким образом лишь доказать вечность и неизменность социальных законов, подразумевая под ними законы капиталистического мира.

Теория равновесия, как общеметодический принцип служит той же самой цели: сводя всякое движение, всякое изменение к установлению равновесия, понимая всякое развитие как тенденцию, стремление к равновесию,—эта теория стремится установить вечный и неизменный закон, универсальный закон, определяющий бытие всей природы, всего космоса. Равновесие это закон космоса, которому все подчинено как в природе, так и в обществе, как в жизни леса, так и в жизни людей—учат буржуазные ученые.

Сводя законы социальной жизни к законам природы, а последние к закону равновесия, буржаузные ученые стремятся лишь доказать, что законы капиталистического общества есть проявление космического закона. Весь космос ставится на защиту буржуазного общества! Кто может свергнуть этот строй, соответствующий основному закону космоса?

Если природа на всякое нарушение этого закона человеком в лесу, отвечает, как утверждает В. Н. Старк «массовым развитием отдельных видов вредных насекомых», то что по сравнению с этими вредными насекомыми, те бедствия, которыми ответит сам «космос» на нарушение кем либо равновесия в капиталистическом обществе? Очевидно, всякий смельчак дерзнувший нарушить принцип космоса», будет сметен с лица земли «космическими» силами.

Если В. Н. Старк пугает нас за нарушение естественного равновесия в природе «вредными насекомыми», то проф. Н. В. Третьяков наводит на нас буквально панику своим «научным» предвидением тех величайших бедствий, которые повлечет за собой нарушение

равновесия — этого величайшего закона, перед которым, по мнению проф. Н. В. Третьякова, склоняется сам «космос».

Чтобы придать закону равновесия больший «научный вес», проф. Н. В. Третьяков возводит его в ранг космического закона и, в соответствии с его новым положением, дает ему другое, более «научное» название — «закон вероятности». Этот один единственный закон «по современным возрениям», как утверждает проф. Н. В. Третьяков монопольно правит всем миром, как «живой», так и «мертвой» природой.

К сожалению, проф. Н. В. Третьяков не показывает нам, как «закон вероятности», т.-е. закон равновесия проявляется в человеческом обществе, мотивируя это тем, что «здесь нельзя остановиться на анализе многих явлений мира, столь же закономерно протекающих, как жизнь насаждения и жизнь других сообществ, «реальных совокупностей» (проф. Н. В. Третьяков, Закон единства, примечание на стр. 57. Подчеркнуто нами). Зато проф. Н. В. Третьяков с «поразительной» ясностью показывает нам, как «закон вероятности», т.-е. равновесия «регулирует жизнь леса».

«Все процессы в этой системе (в строении насаждений. Авторы) могут быть сведены к одному,— к тому, что мы называем жизнью насаждения. Этот же единый процесс, имея своим источником неуравновешеные различия в степени интенсивности социальной мощи индивидуумов, слагающих сообщество, свидетельствует о непрестанно осуществляющихся равновесиях в системе, о господствующей гармонии в жизни единого сложного организма» (стр. 58).

«Социологический» смысл этого «фито-социологического» утверждения состоит в том, что «источником» социальной жизни является неравенство—«неуравновешенные различия в степени интенсивности социальной мощи индивидуумов, составляющих сообщество». Но неравенство лишь одна сторона, без которой не может быть общества. Другая же сторона, не менее важная сторона общественной жизни состоит в том, что в обществ «непрестанно осуществляется равновесие». Т.-е. проф. Третьяков пыжится доказать, что общества без неравенства, бесклассового общества быть не может. Здесь проф. Третьяков просто-напросто твердит зады и врет за двух, выставляя—престарое положение О. Конта, что общество есть равновесие и гармония социальных сил, т.-е. пред нами выступает Контовская «социальная статика». Дальше проф. Н. В. Третьяков объясняет, в чем заключается основной закон «социальной статики».

«Вынужденное в интересах своего вида творить для себя вторую природу, удобную для существования, насаждение в этом творчестве опирается, главным образом, на господствующие классы» (стр. 58). «Вторая природа»— это «социальная среда». Следовательно, от проф. Н. В. Третьякова, как «социолога» мы узнаем, что «социальная среда» есть продукт творчества господствующих классов, т. к. они наиболее богато одарены творческими силами, социальным творчеством. «Индивидуумы сообщества, слабо наделенные или лишенные социального творчества, говорит проф. Н. В. Третьяков..., осуждены на неиз-

бежное вымирание «(стр. 58)... «То, что остается от этих членов служит далее для поддержания естественного плодородия почвы и творчества, социальной мощи господствующих классов» (стр. 58).

Итак, «закон» «социальной статики», по проф. Н. В. Третьякову состоит в том, что угнетенные классы, «классы, лишенные социального творчества», должны служить для укрепления «социальной мощи господствующих классов». В этом заключается равновесие и гармония общественной жизни. В этом проявляется в жизни общества действие «величайшего закона вероятности» (т.-е. равновесие), перед которым склоняется космос». (см. стр. 57).

Но «закон вероятности» (т.-е. закон равновесия) «регулирует не только статику, а и динамику социальной жизни леса и «сообщества вообще». Как же проявляется «закон вероятности» (т.-е. закон равновесия), в качестве закона динамического, т. е. закона, регулирующего движение, развитие, эволюцию растительного сообщества и «сообщества вообще»? На этот вопрос проф. Н. В. Третьяков дает следующий ответ: «От исходного пункта,— источника сообщества одного дерева, до конечного пункта его жизненного пути — тоже одного и последнего дерева, сообщество проходит все этапы своей эволюции, в которой единство насаждения, выраженное в его морфологической и физиологической структуре и в присущей всякому организму тенденции усложнять, сохранять и защищать жизнь, стоит рядом с многообразием, отраженным в дифференциации членов сообщества» (60 стр.). Суть мысли проф. Н. В. Третьякова состоит в том, что однообразие переходит в разнообразие, а разнообразие снова переходит в однообразие. В этом и проявляется действие «величайшего закона — закона равновесия», как закона динамического.

Проф. Н. В. Третьяков формулирует этот «закон», как «фитосоциологический закон». «Социологический» смысл этого «закона» сводится к тому, что в «сообществе вообще», неизбежным ходом процесса эволюции создается неравенство — продукт разделения и специализации функций — социальное неравенство, разделение на господствующие и угнетенные классы.

Итак, профессор Н. В. Третьяков «статически и динамически» закруглил, что деление на господствующие и угнетенные классы в «сообществе вообще» есть выражение одного единственного закона — «закона вероятности» (т.-е. закона равновесия), который регулирует, космос.

Все дороги ведут в Рим, все «законы» проф. Н. В. Третьякова ведут к одному и тому же — к неизбежности классов в «сообществе вообще», к неустранимости социального неравенства, как «неотвратимости» закона жизни сообщества.

Теория равновесия довлеет над буржуазным мышлением потому, что с ней «неотвратимо» связана самая заветная мысль буржуазии — мысль о «неотвратимости» ее господства. Что же удивительного в том, что апологенты буржуазного строя, в лице буржуазных идеологов, предвещают «неотвратимые» кары за нарушение «закона равновесия»? Ведь этот «закон» символизирует высший принцип буржуазии — ее классовое господство, следовательно, получает кару всякий, кто его нарушает.

Если «практик» В. Н. Старк карает за нарушение естественного равновесия в природе «массовым размножением вредных насекомых», то «теоретик» проф. Н. В. Третьяков карает за его нарушение «однообразием», являющимся в устах профессора синонимом смерти. Общество, в котором нарушено равновесие, «становится все менее и менее вероятным в своем существовании», или «разнообразие снова переходит в однообразие», и общество «неотвратимо» доходит «до конечного пункта его жизненного пути» (Н. В. Третьяков).

Но что такое «сообщество вообще», в котором нарушено равновесие? По мысли проф. Третьякова, это такое общество, в котором нарушена социальная гармония, т.-е. в котором угнетенные классы перестают в силу тех или иных причин служить для поддержания социальной мощи господствующих классов. Но так как «вторая природа», необходимая для существования общества, опирается на господствующие классы, то уничтожение базы существования господствующих классов «неотвратимо» приводит к гибели «второй природы»— социальной среды, а вместе с ней и самого сообщества... «Разнообразие переходит в «однообразие»...

«Как известно, мир в своих частях и целом переходит от состояний менее вероятных к более вероятным»,—говорит проф. Третьяков (стр. 58) и это ему дает возможность снова перейти от однообразия к разнообразию. Дифференциация есть «неотвратимый» закон жизни сообщества, выражение его эволюции» (стр. 60). Неизбежным ходом процесса эволюции опять создается неравенство внутри общества (стр. 58). Различия в степени интенсивности социальной мощи индивидуумов, слагающих сообщество, неизбежно создаваемые ходом процесса эволюции, служат исходным пунктом для нового перехода от однообразия к разнообразию или, что тоже, для перехода общества от состояния наименее вероятного к более вероятному и т. д. и т. п. И снова все дороги привели в Рим: бесклассовое общество превратилось в классовое общество.

Итак, «закон вероятности» проф. Н. В. Третьякова гласит: вечное, абсолютное общество — классовое общество, временное, относительное это — безклассовое общество. «Закон вероятности» проф. Н. В. Третьякова воспроизводит под новым названием, более соответствующим «современным воззрениям», старую — престарую мысль, выраженную Г. Спенсером в следующих словах: «...новые правящие классы постепенно будут уделять себе все большую и большую долю из общего дохода; пропасть между управляющими и управляемыми будет расти; мало по-малу образуется новая аристократия, на которую будут работать массы» и т. д. и т. п. Как известно, Г. Спенсер своей теорией стремился доказать вечность капиталистического строя и невозможность социалистического общества. Оба они обосновывают незыблемость капиталистического общества и борются против его революционного преобразования. Проф. Н. В. Третьяков, приговаривая к смерти общество, в котором нарушено равновесие, т.-е. свергнута буржуазия, утверждает тоже самое, но в условиях советского строя он не может этого сказать открыто. У него, как у Спенсера, общество, в котором свергнута буржуазия, будет неизбежно возвращаться к своему исходному типу, т.-е. проф. Третьяков «вещает» неизбежность реставрацию капитализма.

В «законе вероятности» проф. Н. В. Третьякова, как и вообще в теории равновесия, никакого иного содержания, кроме раболепства перед капиталистическим строем нет; его познавательная, научная ценность представляет мнимую величину; космический масштаб, который приписывает этому «закону» проф. Н. В. Третьяков, есть лишь пустая, напыщенная фраза. «Закон» проф. Н. В. Третьякова вовсе не космического происхождения, а самого обыкновенного буржуазного происхождения; корни его не в космосе, а всего лишь в буржуазном мышлении, отражающем классовые интересы буржуазии.

Прежде, чем расстаться навсегда с «законом вероятности» проф. Третьякова, мы сделаем небольшое «философское» отступление, чтобы на прощанье запомнить с какой «философией» выступает теоретик морозовской школы под видом «закона вероятности».

Физик-идеалист проф. Умов когда-то говорил: «живое как все явления природы (подчеркнуто нами «Авторы) развивается в сторону наиболее вероятных форм, наиболее способных к борьбе за жизнь, наиболее устойчивых для данного момента», т.-е. то же самое, что в качестве «величайшего закона» выставляет проф. Третьяков. Но послушаем, что дальше говорит Умов: «жизнь есть событие вселенной, имеющее ничтожно малую вероятность». Дальше: «при наличном распорядке вселенной материя представляет в ней в высокой степени мало вероятное событие». Если мы спросим Умова, почему материя—«мало вероятна», то он на это отвечает, что вселенная есть «капля материи и океан пустоты». *)Нет нужды доказывать, что в этой «философии»— ни капельки материализма и океан идеализма. У проф. Третьякова — тоже океан идеализма и ни капельки материализма.

У «философа» В. Джемса — «видимый нами мир — мир конкретных вещей... погружен во вселенную более обширную (подчеркнуто нами), в мир абстракций, которые одни придают всему конкретному его смысл и ценность», **), т.-е. «разум» правит вселенной.

У «философа» Умова только «разум» может снять с жизни «облик преходящего момента в эволюции нашей планеты» (см. указанное место).

У «философа» Третьякова, как и у «философа» Умова, как и у «философа» В. Джемса, как и у всех вообще философов-идеалистов, истина это—абстракция, истинный мир—мир «разума», а конкретный мир имеет лишь «ничтожно малую вероятность». Но если конкретные вещи рассматривать лишь как нечто, имеющее большую или меньшую степень «вероятности», то и материю также нужно рассматривать как лишь «вероятность». А тот, кто так рассуждает, исходит не из материи. Проф. Третьяков — идеалист. Проф. Третьяков в своем «законе единства в строении насаждений», занимаясь «игрой в цифирки», проповедует черную буржуазную реакцию.

Мы ознакомились с основными «элементами» учения морозовской школы и можем поставить теперь вопрос об этом учении, как «системе»,

---

*) Умов, Роль человека в познаваемом им мире, журнал «Природа» 19 г. стр. 330—331.

**) В. Джемс, Многообразие религиозного опыта, стр. 49.

Законом в деле лесного хозяйства для морозовской школы является «принцип постоянства пользования», законом «живой» природы — естественный отбор, законом вселенной — равновесие. Равновесие, естественный отбор и принцип постоянства пользования — в этой триединой формуле и выражается вся «мудрость» морозовской школы.

Поскольку учение морозовской школы есть, во-первых лесоводственная теория, ее краеугольным камнем является постоянство пользования в лесу.

Поскольку, во-вторых, морозовская школа пытается теоретически обосновать свой лесоводственный принцип, ее вторым краеугольным камнем является закон естественного отбора, понимаемый ею как «био-социальный» закон.

Поскольку, наконец, всякое теоретическое обоснование для антидиалектического, метафизического мышления, сводится в конце-концов к выведению своих положений из аксиоматических истин, из вечных и окончательных истин в последней инстанции, морозовская школа, как философски метафизическое течение, апеллирует к «закону» равновесия (Морозов) и к «закону» вероятности (Третьяков), — что по сути одно и то же.

Поиски вечного, неизменного, устойчивости, гармонии всюду и везде — вот основная установка, которая довлеет над всем мышлением морозовской школы.

Махист Петцольд в «Введении в философию чистого опыта» во втором томе «На пути к устойчивости» говорит: «Самый существенный признак всех целей нашего мышления и творчества есть устойчивость». *) Морозовская школа во всем своем мышлении и «творчестве проникнута этим махистским принципом «устойчивости».

Махист Петцольд все человеческое развитие рассматривает как движение к «устойчивости»: «человеческое развитие несет в себе свою цель», оно идет к «совершенному, устойчивому состоянию». Морозовская школа, в полном соответствие с махизмом, все «биосоциальное» развитие понимает как движение к «устойчивости» Махист Петцольд, наконец, говорит: «Тенденция к устойчивости есть стремление к самому окончательному, по своей природе последнему состоянию». Для морозовской школы эта пустая махистская тавтология есть «величайший закон, перед которым склоняется космос».

Махистская метафизика довлеет над морозовской школой. Основоположник «школы», заявляя о своем сочувствии к махистскому принципу «экономии мышления», несомненно, имел все основания заявлять об этом. (См. «Лесной сборник» Академии наук, вып. 1).

Установив выше неразрывную, органическую связь учения о лесе школы Г. Ф. Морозова с «фитосоциологией», общность их основных понятий и методов изучения, мы, естественно, должны ожидать общности также и в философских истоках этих двух родственных течений. Поэтому, рассматривая философию морозовской школы, мы не можем обойти заявление одного из «отцов» «фито-

*) Все цитаты по Ленину, Материализм и эмпириакритицизм.

социологии» проф. Еленкина, в котором он с полнейшей ясностью указывает на философские истоки возглавляемого им течения в «фитосоциологии».

«Видоизменяя основные принципы синтетической философии Спенсера с точки зрения функциональных отношений в построениях Маха и Авенариуса, я,— говорит «фитосоциолог» проф. Еленкин,— прихожу к чисто механистическому мировоззрению на природу, примыкая отчасти к тому направлению, которое Петцольд называет «релятивистическим позитивизмом» (цитировано по ст. И. И. Бугаева в журнале «Естествознание и марксизм», № 1, 1929 г. Подчеркнуто нами).

Итак, «чисто механистическое мировоззрение», построенное на принципах синтетической философии Спенсера и функциональных отношениях Маха и Авенариуса и примыкающее к релятивистическому позитивизму Петцольда,— вот «философский комплекс», неразрывной частью которого является «фитосоциологическое» течение, возглавляемое Еленкиным.

Другое «противоположное» течение в «фитосоциологии» возглавляется, как известно Пачосским и его последователями Алехиным и Сукачевым, с которыми мы достаточно уже познакомились. «Отец» этого «фитосоциологического» течения, Пачосский без критики примыкает к механистическому эволюционизму позитивиста Спенсера и всем его антропоморфизмом» (И. И. Бугаев).

«Единство» из которого исходят и в котором сходятся оба «противоположные» направления в «фитосоциологии», оказывается, состоит в позитивизме Спенсера, но позитивизм Спенсера, в свою очередь, является «противоположностью» некоего более высокого «единства» и в этом именно состоит суть дела. «А эта суть дела состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, внутри которого находятся Огюст, Конт Г. Спенсер и Михайловский, и ряд неоктианцев, и Мах с Авенариусом. Эту суть дела с полнейшей откровенностью выразил Энгельс в своем Л, Фейербахе», когда он всех кантианцев и юмистов того времени, (т.-е. 80-х годов прошлого века) отнес к лагерю жалких эклектиков крохоборов (буквально: ущемитель блох) и т. п. » (Ленин Материализм и эмпирио-критицизм, гл. IV—§ 2).

Приведенное нами выше авторитетное указание «фитосоциолога» проф. Сукачева на то, что в «настоящее время» учение о лесе морозовской школы, с одной стороны, и «фитосоциология»—с другой, настолько сблизились, что их основные понятия (подчеркнуто нами. Авторы) и методы изучения в значительной степени оказываются общими», в полной мере относится и к философской сути обоих течений.

Вся «фитосоциология», в том числе и «фитосоциология» морозовской школы есть продукт махистского производства, махистской «экономии мышления». Махистская «фитосоциология»— один из продуктов кризиса естествознания в эпоху империализма, кризиса, который был установлен В. И. Лениным и анализ которого Ленином был дан.

— «Фитосоциология» (включая сюда и учение о лесе) возникла в конце XIX на основе «новейших» течений различных наук, как указывают сами «основоположники». Вот что по этому вопросу говорит Морозов: «Дарвин был первый ученый, понявший жизнь, при том всякую жизнь, как явление социального порядка»... Наряду с Дарвином и лесоводством надо поставить и другие источники этой новой области человеческого знания; сюда принадлежат и новейшие течения в биогеографии, в частности, учение о ландшафтах; сюда примыкает и зоогеография с своим учением о биоценозах, затем экологическая география растений и, наконец, новейшее течение в области статистики — учение о реальных совокупностях» («Уч. о лесе» стр. 244, 245. (Подчеркнуто нами).

К перечню источников «фитосоциологии», указываемых Морозовым, мы должны добавить еще О. Конта, Г. Спенсера, Э. Маха. Первые два, правда, не являются новейшими», зато последний «самоновейший», и он явился «глубочайшим» источником для морозовской школы, как «фитосоциологического» течения. Категории дарвинизма, являющиеся исходным пунктом для «фитосоциологии», были восприняты «фитосоциологами» в махистском философском переводе. «Фитосоциологи» исходят из дарвинского закона естественного отбора; но понимают и применяют в своих теоретических построениях естественный отбор не только, как биологическую категорию: вслед за представителями социального дарвинизма, «фитосоциологи» принимают естественный отбор как социологическую категорию и вслед за махистами, как принцип теории познания (принцип «экономии мышления»).

Махистская методология послужила основой и для разрешения важнейшего вопроса «фитосоциологии»— вопроса о природе связи внутри растительного «сообщества» и связи последнего с окружающей средой, т.-е. вопроса о взаимодействии. По этому вопросу один из «основоположников» «фитосоциологии» Еленкин говорит: «Вообще говоря безразлично, как мы будем смотреть, среда ли воздействует на сообщество или сообщество на среду, ибо эти отношения функционально связаны между собой. Мы здесь имеем совершенно такие же функционально свизанные ряды, какие установлены Махом и Авенариусом для психического и физического мира».

То же самое по вопросу о взаимодействии, как уже было указано выше, говорит и Морозов: «В природе вообще и в природе леса в частности, мы, в сущности говоря, только и имеем те или иные ряды взаимоотношений, и всякая научная задача для нас представляется в виде уравнения» («Уч. о лесе», стр. 298). «Материя исчезает», остаются одни уравнения. На новой стадии развития якобы по новому получается старая кантианская идея: разум предписывает законы природы» (Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, гл. V § 8).

Итак, махистские принципы,— один из продуктов кризиса естествознания эпохи империализма,--лежат в основе «фитосоциологии». Если проф. Сукачев в замечаниях об истории «фитосоциологии» («Растительные сообщества», стр. 225 — 227) указывает, что ряд ботаников независимо один от другого пришли к основным идеям «фитосоцио-

логии» и даже независимо друг от друга выдвинули самый термин «фитосоциология», то это доказывает лишь то обстоятельство, что дух махизма проник в широкие ряды ботаников.

«Фитосоциолог» В. Алехин утверждает, что «русская сравнительно мало искаженная человеком природа, с ее дремучими лесами, обширными степями, роскошными лугами и многочисленными болотами прямо таки зовет к исследованию ее сообществ» («Что такое растительное сообщество», стр. 80). Оказывается «русская... природа» навевала ботаникам идеи махизма?

И. И. Бугаев в своей статье «Фитосоциология или фитоценология» («Естествознание и марксизм» № 1, 1929 г.) *) заявляет: «Огромной важности фактом является то, что «отцы» фитосоциологии прочли все же известную философскую школу, благодаря чему и сумели существенно углубить свою науку» (подчеркнуто нами). И. И. Бугаев доказывает, что упоминаемая им «известная философская школа» это — махизм. Верно, что «известная философская школа» не что иное, как махизм. Но не «русская природа», а махизм навеял ботаникам идеи «фитосоциологии». И совершенно неверно, что махизм «способствовал» и может в какой либо степени «способствовать» углублению науки.

«Уклон в сторону реакционной философии, говорит В. И. Ленин о махизме, обнаружившийся... у одной школы естествоиспытателей в одной отрасли естествознания, есть временный зигзаг, проходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная больше всего крупной ломкой старых установившихся понятий» («Материализм и эмпириокритицизм», гл. V § 8).

«Фитосоциологию» и «фитосоциологов» характеризует не «существенное углубление» своей науки, а уклон в сторону реакционной философии.

«Лесоводство — дитя нужды в лесе», — учил Котта. «Нужда в лесе родит идею постоянства пользования лесом», — учит морозовская школа. «Нужда в лесе» родит также и «философию» мертвой, черной реакции, утверждающую постоянство и вечность капиталистического мира, как «последнюю ставку», которую выставляют «ученые» приказчики помещиков и буржуазии, апологеты капитализма.

Эта «последняя ставка» бита! Ее разбил пролетариат СССР, авангард мирового пролетариата под руководством ВКП(б). Эту последнюю ставку добьет окончательно и навсегда вслед за своим авангардом мировой пролетариат. «Охранение и утверждение» капитализма на земле — такова ставка «ученых» апологетов вечной эксплоатации, такова «высшая ценность», «высшая истина» философии черной реакции.

Разрушение и уничтожение капитализма, уничтожение навсегда эксплоатации человека человеком, построение коммунистического общества — такова наша ставка!

«Дарвин не понимал, говорит Энгельс, — какую он написал горькую сатиру на людей и в особенности на своих земляков,

*) Попутно заметим: упомянутая статья ярко иллюстрирует, какого сорта была «ортодоксальность» деборинского руководства в философии и как широк был ее либерализм.

когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование — прославляемая экономистами как величайшее историческое завоевание — является нормальным состоянием ж и в о т н о г о м и р а. Лишь сознательная организация общественного производства, в которой происходит планомерное производство и потребление, может поднять людей над прочими животными в общественном отношении — так, как их подняло производство вообще в специфическом смысле. Благодаря общественному развитию подобная организация становится с каждым днем все возможнее. *) От нее будет датировать новая историческая эпоха в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности, и в частности естествознание, сделают такие успехи, что все совершенное до того покажется только слабой тенью». (Диалектика природы 1930 г. стр. 121 — 122)

«Можно сказать, что таким образом, человек окончательно выделится из царства животных и из животных условий существования перейдет в условия действительно человеческие. Жизненные условия, окружающие человечество и до сих пор над ним господствовавшие, попадут под власть и контроль людей, которые впервые станут действительными и сознательными повелителями природы. и именно в той мере, в какой они станут господами свих собственных отношений. Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые господствующие над ними, законы природы, будут тогда вполне сознательно применяться ими и, следовательно, подчиняться их господству» (Энгельс, Анти-Дюринг, 1930 г. стр. 268)

Общественный строй — социализм, о котором говорит Энгельс, теперь уже стал фактом, новым огромнейшим фактом величайшего и все возрастающего исторического значения. От него уже датируется новая историческая эпоха.

Пролетариат СССР уже завершил построение фундамента социалистической экономики, пролетариат СССР под руководством ВКП(б, победоносно завершая первую пятилетку, вступает во вторую пятилетку, — к окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще. До конца и на всегда будут вырваны самые глубокие корни капитализма, социализм во второй пятилетке, равной по своему значению исторической эпохе, будет построен.

«Последняя ставка» «ученых» апологетов капитализма использовать «плодотворное, истинное, могучее, всесильное, объективное, абсолютное человеческое познание» (Ленин) для доказательства вечности капиталистического строя безусловно бита.

Социализм есть факт, и никакие силы черной реакции никакими «теориями» опровергнуть этот факт не смогут.

---

*) Писано в 1880 году.

V СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЛЕСОВОДСТВО

„Философы лишь различным образом **об'ясняли** мир, но дело заключается в том, чтобы **изменить** его".
К. МАРКС.

Предвидение Энгельса, высказанное им полстолетия тому назад, благодаря пролетарской революции в настоящее время в СССР осуществляется. Величайшие успехи социалистического строительства в СССР ярко показывают, что социализм действительно означает «постоянно ускоряющееся развитие производительных сил, а благодаря этому — и практически безграничное увеличение самого производства». (Энгельс).

Бурный рост социалистического хозяйства, невиданные и невозможные при капитализме темпы развития производительных сил — с одной стороны, и бурный развал капиталистического хозяйства, катастрофическое сокращение капиталистической промышленности и упадок сельского хозяйства — с другой стороны, сейчас особенно ярко доказывают, что пролетарская революция есть единственное средство к уничтожению оков, наложенных капитализмом на развитие современных производительных сил, что «освобождение от этих уз, есть единственное предварительное условие беспрерывного, постепенно ускоряющегося развития производительных сил» (Энгельс)

Социалистическое хозяйство окончательно уличает буржуазию в полной неспособности к дальнейшему управлению своими собственными общественными производительными силами. Только пролетарская революция уничтожает коренное противоречие, в котором безвыходно запуталась буржуазия: пролетариат овладевает общественной властью и обращает с помощью этой власти отнятые у буржуазии средства производства в общественную собственность.

Поэтому апологеты капитализма являются и непримиримыми противниками пролетарской революции. Идеалом Морозовых, Орловых и им подобных является незыблемость капиталистической системы наемного рабства: «Равновесие» и «ярусность» являются «космическим» законом как человеческого общества, так и лесного сообщества.

История, как известно, не слушается заклинаний, революции являются историческим фактом. Тем хуже для фактов!

Лесоводственный идеал Морозовых, Орловых отражает интересы крупных лесовладельцев. Если революция нарушает интересы крупного помещичьего лесовладения — то она подлежит анафеме. Проф. Орлов активно боролся против национализации лесов пролетарской революцией, советской властью. Великая французская революция —

буржуазная революция. Но в этой революции привилегии и собственность дворян владельцев земель и лесов была экспроприирована. Как верный слуга своего класса, Орлов скорбит по судьбе французского лесного хозяйства, «которое почти в течение столетия залечивало раны, нанесенные французским лесом стихийными рубками леса во время великой французской революции». «История» Орловых, как и теория Морозовых, против революций.

«Остатки света и питательных растворов» после использования их господствующими классами, «удобрять землю и постепенно гибнуть»—вот доля, уготованная угнетенным классам, рабочим и крестьянам в капиталистическом обществе. *)

Революция — праздник угнетенных и эксплоатируемых классов! Пролетарская революция в России с беспримерной энергией расправилась с господствующими классами, буржуазией и помещиками. Революция произвела не только «усиленную рубку», но и выкорчевала с корнем остатки паразитических классов в стране, отвоеванной трудящимися у богатых. К управлению страной на шестой части земного шара пришли «Рудокопы и землекопы». «Уродство» капиталистической системы ярко выступает при сравнении с ослепительным расцветом социалистического хозяйства «рудокопов и землекопов». Гигантские темпы хозяйственного подъема доказывают миллионам угнетенных тружеников всего мира превосходство социалистической системы над загнивающей и катящейся в пропасть системой капитализма.

Лесоводы, выросшие в недрах морозовской школы в «межеумочное» время ищут источников лесоводственных идей даже... у Канта. Проф. М. Е. Ткаченко, ставя вопрос о возникновении современных лесохозяйственных идей, находит у Канта мысли, как будто списанные в одном из лесоводственных учебников наших

---

*) Профессор М. М. Орлов — столп реакционного лесоводства. Как истый слуга помещиков-лесовладельцев, Орлов борется против марксовой теории абсолютной ренты. Он повторяет затасканный буржуазный хлам, что абсолютная рента получается вследствие низкого органического строения земледельческого капитала. Орлов имеет наглость заявлять, что Маркс «в конце концов, хотя и с оговорками», признает наличие «абсолютной ренты», источник которой, однако, для профессора неясен и спорен (Лесоустройство, т. 1, стр. 294). Орлов создает «впечатление», что этот источник не ясен и для Маркса. Трудов Маркса Орлов не читал, свои плоские «впечатления» о теории ренты Маркса он почерпнул в «трудах» А. Скворцова, знаменитого по словам Ленина, всего более тем, что теорию средней нормы прибыли Маркса он приписывал «агитаторскому злоумышлению». Конечно, Орлов исповедует «закон убывающего плодородия». Беспредельную отсталость лесного хозяйства, которая при капитализме с его жаждой ближайшей денежной выгоды, неизбежна так же, как и опустошение лесов.— Орлов приписывает действию «закона уменьшающейся продуктивности капитала и труда» (Лесоустройство т . 1, стр. 357).

Орлов утверждает, что, ведущая роль—«прима»,—в лесном хозяйстве принадлежит лесу, а не лесной промышленности, роль которой подчиненная — «секунда». Как мы уже видели в предыдущем изложении «догматом» Орлова является «постоянство пользования». В своем трехтомном «труде» «Лесоустройство» проф. Орлов открыто протаскивает свои буржуазные взгляды, навязывая советскому строю капиталистические методы ведения лесного хозяйства. Такова физиономия этого вульгарного апологета капитализма.

дней. «Считая наилучшим гражданским обществом такое, в котором максимум свободы сочетается с точным ограничением свободы при посредстве законов для блага граждан, Кант говорит: «Подобно этому и деревья в лесу, стремясь отнять одно у другого воздух и солнце, именно этим вынуждают друг друга искать и воздуха и света над собой и благодаря этому приобретают красивый и прямой рост; между тем, как произрастая на свободе по одиночке, они распространяют свои ветви, как им угодно и растут коряво, вкривь и вкось» (Ткаченко, Возникновение и распространение лесозяйственных идей, 1929 г. стр. 4).

Итак, идея «гражданского», т. е. буржуазного общества, идеологом которого был Кант, является источником лесохозяйственных идей проф. Ткаченко! Признание проф. Ткаченко— ценное» и мы должны быть ему признательны за его откровенность: лучше выразить мысль о классовых корнях современных лесозяйственных идей, чем это сказано профессором морозовской школы, трудно. Вместе с тем профессор Ткаченко откровенно выдал и философскую тайну морозовской школы: «Мах—завершитель дела Канта !

«Очарование слов» морозовской «чистой» науки, махистская «философия» леса, созданная его «волшебной рукой», ставшие гордостью поколения лесоводов, которое по собственному признанию «духовно выросло и воспиталось... в межеумочное время»,— чужды и враждебны рабочему классу. Критерием ничтожной философии махизма служит принцип «экономии мышления». «Экономия» мышления характеризует упадок, загнивание буржуазной науки — эпохи империализма и всеобщего кризиса капиталистической системы. Критерием философии рабочего класса — диалектического материализма,— является соответствие объективной действительности. «Мышление человека тогда «экономно», когда оно правильно отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия» (Ленин. Материализм и эмпириокритицизм.).

«Промышленность есть действительное историческое отношение, природы, а следовательно и естествознания, к человеку» (Маркс). При капиталистическом способе производства промышленность и природа служат ничтожной кучке магнатов капитала. Богатства природы покорны движению капитала. Расточительство, расхищение богатств природы неизбежны там, где целью общественного производства является обогащение банкиров, фабрикантов, купцов. Совершенно ничтожную, незаметную величину представляет то, что в капиталистическом мире делается для поддержания и насаждения лесов по сравнению с опустошением и уничтожением лесов капиталом.

Хищническое лесоистребление является следствием определенной, исторически обусловленной, капиталистической системы производства, единственная цель которой — извлечение прибавочной стоимости, достигаемая посредством зверской эксплоатации пролетариата.

«Капиталистическая лесопромышленность означает самое примитивное состояние техники, эксплоатирующей первобытными способами природные богатства... Лесопромышленность оставляет производителя крестьянином... Лесопромышленность оставляет почти в

полной неприкосновенности весь старый, патриархальный строй жизни, опутывая заброшенных в лесной глуши рабочих худшими видами кабалы, пользуясь их темнотой, беззащитностью и раздробленностью» (Ленин. Т. III, стр. 430)...«Лесные рабочие представляют из себя одну из крупных составных частей сельского пролетариата, имеющего ничтожные клочки земли и вынужденного продавать свою рабочую силу на самых невыгодных условиях» (там же, стр. 429). Так характеризует В. И. Ленин лесопромышленность, т.-е. приготовление леса на продажу, в России в конце XIX в. со стороны техники и общественных отношений производства. С тех пор прошло почти полвека, но лесопромышленность в капиталистических странах очень мало шагнула вперед по сравнению с той картиной, которую представляла лесопромышленность пореформенной России.

Лесопромышленность, т.-е. приготовление леса на продажу, по сие время, наравне с добычей торфа, одна из наиболее отсталых отраслей капиталистического производства. На таком же низком уровне стоит и капиталистическая лесоустроительная техника.

Полярные противоположности, по мнению проф. Богословского, в современном капиталистическом хозяйстве — это, с одной стороны, «самые грубые» методы лесоэксплоатации, вроде канадских и, с другой — «утонченнейшие методы наиболее интенсивных форм лесного хозяйства (дауэрвальд)». Но в сущности, так ли уж велика разница между этими, как их называет проф. Богословский, полярными противоположностями? Ведь, как «грубые» канадские методы лесоэксплоатации, так и «утонченнейшие» методы дауэрвальда — лишь различные формы, по существу одного и того же,— пользования лесом, т.-е. предметом природы, но отнюдь не различие между производительным изменением леса и простым пользованием лесом. Как «утонченнейшему» дауэрвальду, так и «грубым» канадским методам лесоэксплоатации одинаково чужда мысль о производительном изменении леса. Канадский «размах»— это методы эксплоатации в крупных лесных хозяйствах, ведущихся на тысячах и десятках тысяч гектаров. Немецкая «утонченность» (дауэрвальд) — это методы эксплоатации в очень небольших по площади лесах. Если невозможен канадский «размах», то лесовладелец в силу необходимости переходит на «утонченнейший» дауэрвальд. Капиталист, лишенный возможности в силу тех или иных причин вырубать лес целыми массивами (канадские методы), переходит к рубке отдельными деревьями (дауэрвальд). И дауэрвальд. и канадские методы лесоэксплоатации так же не полярны, как не противоположны между собой капиталистическая оптовая торговля и розничная продажа, суть их одна и таже—извлечение прибыли, и оптовик и розничный торговец—оба капиталисты и ненасытно алчут прибыли. И в «грубом» канадском методе лесоэксплоатации, и в «утонченнейшем» дауэрвальде суть одна и та-же: ненасытная жажда прибавочной стоимости, и совершенно напрасны попытки проф. Богословского изобразить одну и ту же суть, как две «полярные противоположности».

И тот и другой метод — продукты смертельной болезни капитализма — боязни сокращения барыша, и напрасно проф. Богословский хлопочет привить социалистическому хозяйству «утончен-

нейший» дауэрвальд. Социалистическое хозяйство вообще, и лесное, в частности ничего общего не имеет с принципом обеспечения высокой капиталистической прибыли, который является душой и «утонченнейшего» дауэрвальда и «грубых» канадских методов лесоэксплоатации. Социалистическая лесоэксплоатация, в противоположность капиталистической, подчинена не принципу конкуренции и обеспечения капиталистической прибыли, а «принципу планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся» (Сталин).

Советский строй свободен от неизлечимых болезней капитализма. «Кризис, безработица, расточительство, нищета широких масс —вот неизлечимые болезни капитализма. Наш строй не страдает этими болезнями, потому, что власть в наших руках, в руках рабочего класса, потому, что мы ведем плановое хозяйство, планомерно накопляем ресурсы и правильно распределяем их по отраслям народного хозяйства. Мы свободны от неизлечимых болезней капитализма. В этом наше отличие, в этом наше решающее преимущество перед капитализмом» (Сталин). Лесоистребительные тенденции, свойственные капитализму, чужды плановому социалистическому хозяйству. Огромные богатства советской страны используются не в интересах обогащения кучки эксплоататоров, а в интересах трудящихся масс. Темпы индустриализации Советского союза, — решение всемирно исторической задачи, «догнать и перегнать» задача всемерного развития производительных сил социалистического хозяйства — вот чем определяются действительное историческое отношение природы и человека в СССР, вот чему подчиняются задачи лесного хозяйства.

Социалистическое лесное хозяйство, хозяйство в государственных лесах при помощи государственных средств производства, составляющих собственность рабочего класса, работающего не на класс капиталистов, а на свой собственный класс, принципиально иная, в отличие от капитализма, цель всей системы социалистического хозяйства и его составной части — лесного хозяйства — все это означает и принципиально иные цели социалистического лесоводства, в отличие от капиталистического лесоводства.

Проф. Богословский буквально неистощим в аргументации в пользу «утонченнейшего» дауэрвальда, как «лесоводственной идеи» для социалистического лесного хозяйства. Он обосновывает буржуазную «лесоводственную идею» и исторически, и экономически, и философски, и только «одно» обстоятельство упускает из виду проф. Богословский: коренное отличие социалистической системы хозяйства от капиталистической.

Буржуазный «дауэрвальд» проф. Богословский стремится возвести в принцип социалистического лесного хозяйства. А на деле проф. Богословский буржуазный «дауэрвальд», рассматриваемый им как принципиальный отказ от «грубых вторжений в жизнь леса», стремится лишь положить как оковы на беспредельное развитие производительных сил социалистического хозяйства.

Проф. Богословский, таким образом, пытаясь воевать против попыток привить советскому лесному хозяйству систем лесоустрой-

ства, выросших на почве капиталистического хозяйства, сам ставит вопрос лишь в той плоскости, что не всякая система лесоустройства пригодна для ограничения развития социалистического лесного хозяйства. По его мнению, лучшие рамки — это «утонченнейший» дауэрвальд.

На долю Советского союза приходится больше четверти общей площади лесов земного шара, причем не менее двух третей этой площади составляют хвойные леса, как раз дающие наиболее ценную древесину для индустрии. Советский строй открывает неограниченные возможности для планомерного и целесообразного использования этих огромных природных богатств в интересах социализма.

Буржуазное лесоводство своими реакционными принципами стремится задержать темпы индустриализации страны. «Задержать темпы это значит отстать, а отсталых бьют» (Сталин). Успехи социалистического наступления бьют ставку капиталистических элементов на нашу отсталость, бита и ставка буржуазного лесоводства. Борьба с враждебными буржуазно — помещичьими теориями, однако, не закончена. Носители этих реакционных идей — живые люди, которые от борьбы не отказываются, приспособляясь к обстановке, меняя в соответствии с этим свои лозунги, скрывая свое истинное лицо под маской «чистой» науки.

Так, например, проф. Недригайлов пишет:

> «Именно здесь (в лесном хозяйстве. — Авторы), впервые сталкиваются интересы лесной природы и научно - организуемого целесообразного хозяйства среди нее с интересами использования ресурсов безотносительно к их природному источнику. Противоречия в этих различных интересах, имеющие своим источником то положение, что «лесоводство — дитя нужды», усугубляются новыми внешними для леса моментами, вмешательством в его природную естественную обстановку путем хозяйственной деятельности и начинающемся при этом вмешательстве процессом лесного ценообразования». («Лес, его изучение и использование», Лесной сборник, выпуск 3, изд. Академии наук 1928 г., стр.XXV).

Итак, проф. Недригайлов принес свой «дар» на «алтарь» лесной науки. Надо посмотреть, что это за «дар». Во-первых, он—чисто-буржуазный: проф. Недригайлов подарил нам «процесс лесного ценообразования». От этого «дара» мы должны категорически и без всякой благодарности отказаться. Социалистическое хозяйство и «ценообразование»— отнюдь не синонимы, как рассуждает проф Недригайлов, безбожно путая капиталистический принцип обеспечения высокой прибыли с социалистическим принципом планового руководства и систематического подъема материального и культурного уровня трудящихся.

Во-вторых, «дар» проф. Недригайлова, будучи буржуазным, полон буржуазных противоречий. Противопоставление у проф. Недригайлова интересов лесной природы и научно-организованного целесообразного хозяйства среди нее вытекает из мысли о противоречивости стремления к безграничному использованию лесных ресурсов. Действительно, «противоречие», из которого не может выбраться ограниченное буржуазным кругозором мышление проф. Недригайлова

В действительности же противоречие, о котором говорит проф. Недригайлов, состоит в том, что безграничное стремление капиталистов к высокой прибыли наталкивается на ряд преград, как напр., кризисы и т. д.

Проф. Недригайлов «дарит» социалистическому лесному хозяйству на веки противоречия, присущие капиталистической системе.

Выходит по проф. Недригайлову, что помехи, которые нагромождены на пути научного ведения лесного хозяйства, вытекают не из природы капиталистической хозяйственной системы, они свойственны всякому хозяйству, в том числе и социалистическому, потому, дескать, что «лесоводство—дитя нужды»!

Все это рассуждение почтенного профессора является продуктом его «чисто» буржуазного мировоззрения и с подлинной наукой ничего общего не имеет.

Мировоззрение профессора Недригайлова — чисто идеалистическое. Никаких «интересов» лесная природа, как и природа, вообще, не имеет и никакой «политики» не ведет. В природе вообще и в лесной природе в частности существуют материальные объективные законы, правильно познавая их, мы можем и правильно применять их. Основная мысль профессора о диаметральной противоположности природы и научно-организуемого целесообразного хозяйства есть лишь выражение идеалистически-философской мысли о принципиальной противоположности материи и духа, выступающих как лесная природа и сознательная хозяйственная деятельность в ней.

Единственно, что нам может посоветовать проф. Недригайлов в качестве регулятивного принципа лесного хозяйства, это — использование лесных ресурсов в соответствии с их природным источником Замечательно «богатая» мысль! Эта мысль ему нужна для того, чтобы заставить нас только подчиняться тому, что лесная природа «начертала на своих зеленых страницах». Но мы на этот счет придерживаемся совершенно других взглядов: мы имеем в виду поставить под свой контроль все силы природы. Мы хотим создать царство свободы, создаем его и безусловно создадим его:

> «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону собственно материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль

вместо того, чтобы напротив, он как слепая сила господствовал над ними, в том, что они совершают его с наименьшей затратой силы и при условиях наиболее адэкватных их человеческой природе» (Маркс. Капитал, том III, часть II, стр. 35 7. — Подчеркнуто нами.—Авторы).

Вот единственно правильная постановка вопроса об «обмене веществ» между обществом и природой и об использовании природных богатств при социализме. В корне неправильно мнение, что использование естественных богатств при социализме должно сообразоваться с их «природным источником». Не в этом, — по Марксу,—отличие социалистической системы производства от капиталистической. Отличие их, коренная разница между ними, в том, что при социалистическом способе производства «социализированный человек», пролетарское государство организует производство под своим общим контролем, планомерно и целесообразно управляетт им «в пользу народа». Капиталистический способ производства, «как слепая сила» господствует над людьми. Хищническое, расточительное использование природных ресурсов является следствием анархического способа производства, душой которого является ненасытная жажда непосредственной и ближайшей денежной выгоды. Хозяйственная политика пролетарского государства не подражает «стихийной политике», природы, руководствуется не «интересами» природы. Политика направленная на усиление темпов индустриализации, на полную техническую реконструкцию всего народного хозяйства, на построение безклассового социалистического общества, политика, диктуемая интересами пролетариата СССР, интересами мирового пролетариата — вот в чем суть «научно-организуемого целесообразного хозяйства», которое мы строим. Но это, понятно, ничего общего не имеет ни с болтовней профессора Недригайлова, ни с учением всей морозовской школы.

Расширенное воспроизводство социалистической индустрии требует возрастающих темпов в развитии лесной промышленности. Буржуазные лесоводственные теории Морозова, Орлова и т. п., опирающиеся на теорию «равновесия», «принцип постоянства пользования»—несокрушимый догмат реакционного лесоводства—направлены к тому, чтобы сорвать темпы лесной промышленности, ослабить темпы социалистической индустрии. Догматы философии черной реакции как «слепая сила» господствуют над головами буржуазных лесоводов, но странно, что эти «догматы» не встречают сокрушительного отпора со стороны коммунистов лесного фронта, что эти «догматы» завоевали кафедры наших советских ВУЗ'ов, что эти «догматы» имеют хождение в нашей печати спустя два года после выступления тов. Сталина на съезде аграрников-марксистов.

С. А. Богословский, воюющий со старыми лесо-хозяйственными методами, является горячим поборником «новых» методов лесоустройства, заимствованных им в буржуазных странах. Слов нет, воспринимать новейшую технику мы должны во всех областях. Но Богословский не ограничивается пропагандой новых технических приемов, вернее даже не они его интересуют. Богословский выразитель буржу-

азной идеологии и пропагандирует буржуазную идеологию в нашей печати. Идея «непрерывно-производительного леса» (дауэрвальд), по словам Богословского, не является новой системой хозяйства, «скорей это лесоводственный идеал», к которому должно стремиться лесоводство. «Новая точка зрения не может считаться основанием особой системы хозяйства, но она дает нам в руки метод для определения того, что является самым важным в лесном хозяйстве,— степень обеспеченности производительных сил леса и достаточного их использования»— пишет Богословский, сочувственно вспоминая лесоводственную идею Морозова—«рубка и возобновление леса—синонимы»*).

В техническом отношении «новый» метод означает отказ от сплошного лесосечного хозяйства, как нарушающего «равновесие живого организма леса» и применение «идеальной» выборочной рубки. Повышение доходности лесовладельца, не подрывая самый «источник благосостояния»—в этом вся суть «нового» метода. Метод дауэрвальда, как и все другие лесохозяйственные методы при капитализме, является убогой попыткой опереться на «равновесие действующих в лесу сил» в условиях анархии капиталистической системы производства. Целью всех этих «методов» является извлечение из леса наибольшего дохода. Наивысший денежный доход — синоним наивысшей производительности лесного хозяйства. Ведение хозяйства методами наиболее гибкими и приспособленными к рынку, методами, обеспечивающими наибольшую мобильность капиталов лесовладельца, — в этом вся суть, новейших исканий, новых буржуазных течений в лесоводстве, которые носят на себе печать послевоенного развития капитализма, его неравномерности, неустойчивости и неуверенности. Представители принципа «постоянства» пользования», как и сторонники принципа «постоянства производства», одинаково заботятся об интересах лесовладельца. Эбербах — представитель «новейших» течений и сторонник «постоянства производства», пишет:

> «Все важнейшие лесоводственные мысли и стремления приводят к одному общему требованию: «свобода для хозяйства»!, т.-е. освобождение хозяйства от всякого давления и предписывания определенного порядка действий со стороны лесоустройства и предоставление лесному хозяину возможно полного простора в работе для достижения основной цели хозяйства, повышения производительности... Важнейшей при этом придержкой должно быть правило, что наивысший процент прироста при наибольшем запасе наивысшей ценности означает и наибольшую производительность» (цит. по Богословскому «Новые течения», стр. 10 — 11).

Проф. Вагнер, которого мы знаем как теоретика «принципа постоянства пользования», также за «свободу хозяйства», он только за «истинную» свободу.

> «Только порядок в широких рамках и свобода распоряжения внутри их обеспечивает истинную свободу в хозяйстве, говорит Вагнер,— тогда как простор на большой площади так же ведет

*) С. А. Богословский „Новые течения в лесоустройстве" стр. 75.

к хаосу и убивает истинную свободу в хозяйстве, как и связанность на малой». (цит. по Орлову. Лесоустройство, т. 1, стр. 130).

Свобода для хозяйства — это не техника «свободного леса». Свобода для хозяйства — лозунг новейшего буржуазного лесоводства. И в толковании Эбербаха и в «истинной» трактовке его Вагнером лозунг этот проникнут буржуазным духом, и как бы настойчиво ни пытался С. А. Богословский насадить буржуазных «духов» в советское лесное хозяйство, этот номер не пройдет.

В довоенной России главная эксплоатация лесов производилась в частно-владельческих лесах. Если весь отпуск древесины по отношению ко всей лесной площади старой России в 1913 г. составлял лишь 0,17 кубометра с гектара в год, или 13,9% от годичного прироста, то в районах, наиболее плотно населенных и расположенных вдоль железнодорожных и сплавных путей, отпуск леса превышал годичный прирост. В Ленинградской, Западной, Центрально-черноземной, Средне-Волжской областях, а также в Двинском бассейне Северного края лесные богатства расхищались десятилетиями. Уничтожение лесов достигло наивысшего предела в годы империалистической войны. Лес истреблялся, но никаких мер к тому, чтобы обеспечить лесовозобновление не принималось. Изучение и устройство лесов находилось на крайне низком уровне. Лесокультурные и лесоисследовательские работы находились в зачаточном состоянии.

Октябрьская революция национализировала леса. Организация лесов и правильное ведение лесного хозяйства стали задачей Советской власти. Несмотря на то, что фактический отпуск леса из всех лесов РСФСР в 1927 - 28 г. достиг 138 млн. кубометров, реконструктивный период застал лесное хозяйство еше на низком уровне. Пила и топор — основные иструменты, которыми выполняются все работы в лесу. Социалистические темпы не могут мириться с отсталостью лесного хозяйства, которое должно сыграть крупнейшую роль в технической реконструкции страны. Лес это—валюта для закупки оборудования гигантам социалистической индустрии. Лес это—строительные материалы для капитального строительства в промышленности, в тысячах зерновых и животноводческих совхозов, в десятках тысяч колхозов. Лес это—крепление шахт Донбасса и других угольных бассейнов Союза. Лес это—сырье для бумажной промышленности—материальной базы культурной революции. Лес это—новые дома рабочим, оборудование этих домов, мебель для рабочей квартиры.

Лес это—искусственный шелк. Лес это—шпалы для железнодорожного транспорта. Лес это — топливо. Лес, наконец, это защита от засухи, это водоохрана. Словом, нет такой отрасли народного хозяйства Союза, в котором лес не занимал бы своего места.

Декрет Совнаркома СССР от 31 июля 1931 г. является поворотным пунктом в истории советского лесоводства. Этот декрет, разделивший лесные массивы на две зоны: зону лесопромышленнного значения и зону лесокультурного значения, является образцом конкретного социалистического разрешения проблемы лесоводства в подлинном соответствии с «общественными интересами».

Даже там, где леса являются собственностью буржуазного государства, лесное хозяйство ведется в соответствии с общественным интересом лишь до «известной степени», потому что там, где государство является капиталистическим производителем, его продукт есть товар и обладает поэтому специфическим характером всякого другого товара. Но если государство само следует за движением «товара, то тем более оно бессильно ограничить хозяйствование частного лесовладельца. Анархия капиталистического способа производства проявляется не только в том, что практикуются перерубы, что ежегодная вырубка превышает ежегодный прирост древесины, но в том особенно, что эти перерубы производятся без всякого общественного контроля, что лес уничтожается, и цветущие местности превращаются в пустыню Сахару. Социалистическое хозяйство не может отказаться от перерубов вообще. Но социалистическое хозяйство прежде всего устраняет стихийность, капиталистическую анархию в этом деле, которая в прошлом привела к обезлесению целых районов страны, к нарушению водного режима, к обмелению рек, к расширению засушливой зоны.

Лесорасхищение капитализма усиливается тем, что лесоразведение является делом «невыгодным для частных, а следовательно для капиталистических предприятий». На примере «еловой мании» мы видели, какие уродливые формы принимает лесоразведение, когда оно преследует цели наибольшего барыша. Социалистическому государству чужды буржуазные принципы и методы ведения хозяйства. Социалистическое государство руководит всем народным хозяйством, ведет государственное социалистическое хозяйство не в интересах «непосредственной и ближайшей денежной выгоды», а в подлинно-общественных интересах. В соответствии с этими интересами социалистическое государство может полностью воспретить вырубку леса в определенных местностях, регулировать вырубку, допускать перерубы, наконец, провести широкую программу лесокультурных работ, агро-лесомелиоративных работ, возвращающих опустошенным капитализмом районам цветущий вид. В лесных массивах лесопромышленной зоны, напр. в Северном крае, где Советское государство производит концентрированные рубки на больших площадях, широко механизируя лесозаготовки, задачи лесовозобновления в каждом случае разрешаются в соответствии с планом использования освобождаемых площадей (сельско-хозяйственное освоение, лесоразведение и т п.).

Декрет «об организации лесного хозяйства» является документом большого принципиального значения, этот декрет открыл поистине великие перспективы советскому лесоводству, подчеркнул убожество буржуазных лесоводственных теорий, уродливость лесоводственной практики капиталистических стран.

Декретом СНК впервые в мировой истории намечен обширный план облесительных работ в лесокультурной зоне. В лесокультурной зоне предельный размер ежегодной вырубки леса не должен превышать годичного прироста древесины. Этот порядок будет твердо проведен начиная с 1935 г., в ближайшие же три года ежегодная вырубка леса будет сокращена, лесозаготовки перенесены в другие районы. Концентрированная рубка в лесокультурной зоне не допускается, а

в установленной декретом полосе водоохранных лесов по обе стороны среднего и нижнего течения рек Волги, Дона, Днепра и Урала — вырубка полностью воспрещена с допущением лишь выборки перестоя и мертвого леса. Декретом намечено облесение в пятилетний срок покрытых лесом вырубок, гарей и пустырей, имеющих водоохранное значение, до трех миллионов гектаров, что равняется всей площади лесов Австрии. Намечена грандиозная программа работ по улучшению обстановки земледелия в засушливой полосе, по закреплению и хозяйственному освоению песков, овражных размывов, горных потоков, облесению имеющих сельское-хозяйственное значение водохранилищ и каналов, озеленению совхозов и колхозов и борьбы с засухой путем создания в пределах совхозного и колхозного секторов защитных полосных насаждений. Общая площадь лесных защитных полос на один 1932 г. установлена в 40 т. га, а на 2-ю пятилетку в 350 т. га.

Намеченные масштабы работ оставляют далеко позади достижения капиталистических стран. Канада за 30 лет развела защитных полос на площади 20 тыс. га. О грандиозности нашей советской программы создания защитных полос можно судить, следовательно, потому, что СССР в один первый год создаст столько защитных полос, сколько Канада разводила бы 75 лет. А ведь наша социалистическая страна делает только первый шаг в области лесоразведения, за которым последуют новые, несравненно более грандиозные работы.

Развитие тяжелой индустрии в итоге первых трех лет первой пятилетки обеспечило создание собственной базы для технического перевооружения всех отраслей хозяйства страны, для широкой механизации и индустриализации работ по лесовозобновлению, лесоустройству, лесозаготовкам и транспорту лесоматериалов и по обработке и переработке древесины. Только мощная промышленность по переработке древесины и ее отходов может обеспечить высокий уровень лесного хозяйства: «полное использование древесины и отходов может быть достигнуто созданием мощных комбинатов деревообрабатывающей, лесохимической и целлюлозно-бумажной промышленности, что даст возможность вовлечения большего количества лесных массивов в эксплоатацию, ведения в них интенсивного лесного хозяйства и полной утилизации всех отходов от лесозаготовок не только крупной, но и мелкой, малоценной лиственной древесины» (Из пост. ВЦИК РСФСР о состоянии и перспективах развития лесного хозяйства и лесной промышленности РСФСР 1930 г.).

На лесозаготовках имеются большие отходы, которые в виде сучьев, вершин, коры и пней захламляют лес, мешают доступу воздуха в почву, способствуют размножению вредных для леса насекомых и грибков и ведут к заболачиванию почвы. Заболачивание лесов Севера и связанный с этим недостаток кислорода в почве для дыхания корней — одна из коренных причин медленного роста лесов. Громадные потери и захламление лесов — спутники лесной промышленности старой России и современной Америки—не должны иметь места в социалистическом хозяйстве. Освоение отходов, бросового сырья является мобилизацией дополнительных внутренних ресурсов для социалистического строительства.

Если разработка лесов сыграла первостепенную роль в темпах индустриализации Соединенных Штатов Северной Америки, то не

меньшая роль выпадает на долю леса и в решении коренной задачи — «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в технико-экономическом отношении в ближайшие десять лет.

В разгоне темпов социалистического лесного хозяйства решающая роль принадлежит механизации и машинизации всех хозяйственных процессов в лесу. Известные достижения в области механизации лесоразработки и лесовывозки в СССР, и в частности в Северном крае, — моторные пилы, трактора, подвесные дороги, узкоколейки мы уже имеем. Несмотря на это, несмотря на улучшение условий работы и облегчение труда лесорубов, процессы труда в лесу все еще остаются тяжелыми. Увеличивающийся из года в год объем лесозаготовок, при наличии полной ликвидации безработицы в стране и коренного изменения жизни коллективизированной деревни, со всей остротой требует выполнения указания тов. Сталина — «немедленно перейти на механизацию наиболее тяжелых процессов труда, развертывая это дело во всю»...

Вторжение машины на лесоразработки революционизирует рутинные приемы лесоэксплоатации, по-новому ставит все вопросы лесоразведения. Исключительная роль в деле индустриализации лесного хозяйства принадлежит машинно-лесным станциям. Машинно-лесные станции сконцентрируют средства механизации на решающих участках. Вооруженные тракторами, погрузочно-разгрузочными механизмами, шпалорезными и дровокольными установками, корчевальными машинами, непрерывно кругло-годовой работой лесные машинные станции создадут совершенно новую обстановку в лесу. При этом наряду с действительной очисткой лесосек от гниющего хлама и раскорчевкой пней машинно-лесные станции открывают перспективу осушки лесных почв, следовательно, и по новому ставят проблему лесовозобновления и повышения производительности лесных почв.

Совершенно новые перспективы раскрывает перед лесным хозяйством электрификация лесоразработок. Капиталистические страны в области электрификации лесных работ опыта не имеют. Строющийся электрифицированный комбинат Севнили в 1932 г. впервые проделает опыт применения электрической энергии для механизации лесозаготовительных процессов в СССР. Предварительные работы Севнили доказывают, что электрификация лесного транспорта: жел. дор., лежневого, подвесного имеет все предпосылки к стремительному развитию.

Электрификация лесного транспорта связанная с электрификацией всех процессов лесозаготовок превратит электрифицированные лесные массивы в предприятия индустриального типа, в которых производится не только заготовка и транспортировка сырья, но и частичная переработка его в товарную продукцию — шпалы, балансы, рудостойка, клепка, стройдетали и т. п.

Отбросы лесозаготовок и переработки фаутной древесины и пни направляются для использования в энерголесхимкомбинат, где благодаря газогенераторным установкам представится возможность из этих отбросов получить электроэнергию, древесный уголь, смолу, канифоль и древесный спирт. Шведский опыт газогенераторных установок и опыт Шенкурской газогенераторной электростанции

практически подтверждает эту возможность. При энерголесхимкомбинатах баснословно дешевая электрическая энергия с успехом может быть направлена для широкой электрификации лесозаготовительных процессов и лесотранспорта для выработки: брикетированного древесного угля, смолы, древесного спирта, канифоли и пр.

Таким образом при механизации и электрификации представляется возможность полностью использовать запасы древостоя и термин «отходы», или «отбросы» потеряют свое значение.

«Само собой разумеется, что при электрификации необходима максимальная концентрация работ, что вполне возможно, так как электроэнергия дает возможность механизировать, а тем самым и осуществить (до сих пор экономически непосильные) в широком производственном масштабе лесокультурные работы по лесовозобновлению». (Материалы к генплану электрификации Севкрая).

«Вечные» лесохозяйственные принципы и лесоводственные устои буржуазного помещичьего лесоводства, требующие равнения на «равновесие действующих в лесу сил», для которых догматом является «постоянство пользования», «рубка и возобновление — синонимы», равновесие между участками леса в «возрастном отношении», и т. д. и тому подобное в теории и на практике направлены против концентрированных рубок, против сплошного лесосечного хозяйства.

В работе, посвященной «экономическому расчету лесного транспорта» т. Сыромятников убедительно доказывает, что старое лесоустройство, которое даже в отношении Северных лесов, которые имеют свыше 75% спелых и перестойных насаждений, допускает одновременную заготовку не более 25—30% древостоя,— вызывает увеличение транспортных расходов на 30 — 50%.

Догматы буржуазно-помещичьего лесоводства и опирающиеся на них старые лесоустроительные нормы, таким образом, на каждом шагу вступают в открытое противоречие с задачами социалистической лесопромышленности. «Эти противоречия настолько значительны, констатирует т. Сыромятников, что в лесозаготовительной практике Северного края требования лесоустройства фактически не проводятся и в местах механизации (тракторные базы) рубка производится сплошная без всяких ограничений, но с сохранением семенников и очисткой лесосек, что по мнению многих лесоводов вполне достаточно для обеспечения лесовозобновления. Заболачивание лесосек, которое, якобы, может возникнуть при такой системе рубки, является весьма спорным вопросом». Не без основания т. Сыромятников сомневается в целесообразности широкого лесовозобновления хвойных пород достигающих спелости — через 160 — 180 лет, при современных темпах техники, которые уже открыли возможность создания искусственных досок (мессонит, баркалаит), а также и новых стройматериалов.

Во всяком случае, только в освобожденном от оков капиталистического способа производства СССР может быть серьезно и на научных основаниях поставлено использование природных ресурсов, в том числе и дело лесовозобновления и лесоразведения.

Леса Севера могут дать стране ежегодно 60 — 65 миллионов кубометров древесины. Такая задача возложена на северную парторганизацию постановлением ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1929 года. Постановлением ЦК раскрыта «тайна» лесов севера, зарытая казенно-крепостнической Россией. Ключем к решению проблемы 65 миллионов является реконструкция лесной промышленности Севера.

«Успешное развитие тяжелой индустрии и машиностроения в Союзе обеспечивает возможность быстрейшей реконструкции лесной промышленности. «Конференция считает, что коренная реконструкция лесной промышленности является центральной задачей, определяющей направление социалистического развития Севера во 2-й пятилетке. Основой реконструкции должны стать лесохимия, производство целлюлозы, бумаги, спирта, искусственных тканей и т. п. на базе отходов лесопиления и лесозаготовок; облагораживание продукции лесопиления, налаживание строительного производства, стройдеталей, мебели и т. п.» (Из резолюции III Северной краевой конференции ВКП(б).

Лесная промышленность должна также встать на путь экономии, рационального потребления дерева, приготовления фибры, мессонитовых досок и т. д. Пропитка древесины может съэкономить стране металл. Пропитанные креозотом сосновые шпалы служат 16 — 18 лет против 4 — 6 лет продолжительности службы не пропитанных шпал... Пропитка шахтных креплений, стройматериалов может увеличить вдвое и втрое срок их службы. Наконец, изобретенный Баркалай способ обработки древесины раскрывает перспективы, обещающие перевернуть все наши представления об использовании леса и лесоразведении.

Расцвет социалистической индустрии, индустриализация лесного хозяйства и лесной промышленности являются основой для небывалого роста благосостояния трудящихся, для облегчения тяжелых процессов труда во всех отраслях народного хозяйства, чтобы работа совершалась «с наименьшей затратой сил», при условиях наиболее адэкватных... человеческой природе» (Маркс).

Капиталистическая система, при которой «количество денег» является «единственным существенным качеством человека», «на одной стороне порождает утонченность потребностей и средств, служащих для их удовлетворения, а на другой стороне — оскотинение и совершенно грубое, абстрактное упрощение потребностей... Даже потребность в чистом вольном воздухе перестает быть у рабочего потребностью. Человек поселяется снова в пещерах, которые, однако, отравлены чумным дыханием цивилизации... Рабочий должен оплачивать эти покойницкие... Светлое жилище... перестает существовать для рабочих. Свет, воздух и т. д., простейшая, присущая даже животным чистота перестает быть потребностью для человека. Грязь, этот признак падения и деградации человека, нечистоты (это надо понимать буквально) цивилизации становятся элементом его жизни... Воскресают самые грубые методы и орудия человеческого труда» (Маркс. Подготовительные работы для «святого семейства»).

Современные условия работы на капиталистических лесоразработках буквально отвечают этой характеристике. Заработки лесо-

промышленных рабочих Северной Америки совершенно ничтожны даже в сравнении с «минимальным бюджетом здоровья и приличия», которые вырабатываются для рабочих капиталистами. Тяжелые условия жизни рабочих на лесных промыслах «передовой» Америки могут итти в сравнение с каторжной жизнью лесорубов на лесных разработках старой России. «Лагерная жизнь становится все хуже (Гемберд, Лембер и К-о). Постельное белье почти никогда не сменяется, люди спят в два этажа на нарах. В каждом бараке живет по 62 человека. В каждом бараке по две печки, сплошь увешанные мокрым бельем. Душей нет. Мыться ходим на реку. Антисанитарные отхожие места, рядом с кухней, служат рассадником мух». «Бараки грязны, антисанитарны и перенаселены, люди спят на нарах, расположенных в два этажа. Кампания не дает ни матрацев, ни постельного белья. Вентиляция отсутствует; когда нары заполнены, то кубатура, приходящаяся на одного человека, не достигает четверти санитарного минимума. В лагерях нет помещения для сушки одежды. Единственное место для сушки — у печки в бараке; пар и зловоние от сохнущей одежды отравляют и без того спертый воздух. Как правило — освещение в бараках настолько слабо, что почти невозможно читать. Бани в лагерях нет; равным образом, нет ни помещений, ни возможности для стирки белья.

В лагерях не соблюдаются никакие санитарные правила относительно уборки отбросов. Обычно отбросы прямо выбрасываются перед кухонной дверью. В жаркую погоду эти кучи гниют, заражая воздух и служат рассадником целых полчищ мух. Другая антисанитарная черта лагерей — открытые выгребные отхожие места, расположенные вблизи кухни». Таковы описания жизни лесорабочих, целиком подтвержденные обследованием правительственной «комиссии промышленных взаимоотношений» САСШ. Условия жизни на южных разработках, где царит самая разнузданная эксплоатация рабочих негров, мексиканцев, еще хуже.

Такова «общественная благопристойность», создаваемая американским капитализмом для рабочих на наиболее тяжелых работах. Неудивительно, что эта неприглядная жизнь, тяжелая и опасная работа воспитывает среди рабочих непримиримых и бесстрашных борцов с предпринимателями, со всей системой в которой «уточненность потребностей» ничтожного меньшинства базируется на «грубом абстрактном упрощении потребностей» подавляющего большинства.

В Советском Союзе «единственным, существенным качеством человека» является отношение к труду. Труд стал делом чести, делом славы, доблести и геройства. Передовые рабочие на заводах и в лесах соревнуются на лучшую работу, высшую производительность труда в общих интересах, в интересах коммунизма. Передовыми рабочими дается нещадный отпор рвачам, хулиганам, жуликам и паразитам, которые норовят сделать похуже, сорвать с пролетарского государства побольше и удрать. «Количество денег» перестало быть «единственным, существенным качеством человека». Полное покрытие растущих культурных и материальных потребностей рабочих масс является задачей, которая может быть разрешена только социалистической системой, в которой «сторона» эксплоататоров «вырублена» и вырвана с корнем.

Проф. Орлов в последних своих писаниях («Лесопромышленное дело» № 10 — 11 за 1931 г.) совершенно распоясался и заявляет:

«Для развития нашей лесохозяйственной техники нам нужны не фразеологические упражнения в сочетании общепризнанных слов и под защитой этих слов безапелляционные приговоры, а научно-технические экспертизы — практики, при помощи которых только и можно разобраться в сложных явлениях лесохозяйственной действительности».

Критика буржуазно-помещичьих теорий и принципов в лесоводстве Орловым характеризуются как фразеологические упражнения в сочетании общепризнанных слов. И этот наглый выпад апологета капитализма печатается на страницах нашего хозяйственного журнала в порядке, так называемого, «обсуждения»!

В той же статье профессор пишет, что результатами шестилетней дисскуссии по лесохозяйственным вопросам надлежит считать 1) «Укрепление принципа постоянства». К сожалению приходится констатировать, что у проф. Орлова есть некоторые основания считать свои позиции не разбитыми. Дело в том, что некоторые критики буржуазных лесохозяйственных теорий сами поддались на удочку проф. Орлова. Чтобы замаскировать сущность буржуазного лесоводства, проф. Орлов пытается свести все дело к вопросу «развития нашей лесохозяйственной техники». Критики Орлова попадаются на эту приманку, и сами в своей критике изолируются от экономики, от классовых интересов и классовой борьбы в нашей стране, сужают свою критику до вопросов лесохозяйственной техники вместо того, чтобы вскрыть в лесохозяйственных теориях буржуазное мировозрение апологетов капитализма. Такова, например, критика А. Д. Крюкова. Этот автор борется против Орлова, против «мертвого шаблона», призывает к учету разнообразия условий нашего национализированного лесного фонда при определении начал лесного хозяйства (Лесопромышленное дело № 3,1931 г.).

Абстрактный принцип «постоянства пользования» является для Крюкова панацеей, которая будто-бы гарантирует правильное ведение лесного хозяйства «в общегосударственном масштабе».

Крюков пишет:

«Сосредоточение главной массы лесов в районах слабо населенных и недоступных пока горных пространствах создает разрыв между спросом на древесину и возможностью ее удовлетворения. Слабая обеспеченность районов с избытком годового прироста жел. дор. путями, неблагоприятное для лесного хозяйства направление сплавных рек, текущих в Белое море и Ледовитый океан, и неприспособленность последних для сплава древесины, а также отсутствие механизации транспорта леса, в условиях возможности использовать только 20% годового прироста древесины путем гужевой вывозки на расстояние до 15 клм., — все эти факторы имеют отрицательное значение и этим объясняется наличие мертвой зоны в 268 млн. га. И эти то обстоятельства заставляют не только признать обязательным принцип постоян-

ства пользования, а согласно решениям лесной научно-исследовательской конференции систематически повышать производительность наших лесов в интенсивной зоне, не говоря о безусловности принципа постоянства производительности. Другое дело экстенсивная и резервная зоны, где в современных условиях не осуществляется и принцип постоянства производительности, но это не значит, что так может долго тянуться».

Действительно не может больше тянуться это некритическое отношение к буржуазным принципам, опирающимся на философию мертвой реакции. Довольно склоняться перед лесоводственными устоями, незыблемыми основами и догматами буржуазных теорий! Пора уж нашим работникам лесного фронта перестать быть карасями, доверчиво попадающим в предательские сети «лесохозяйственной техники».

«Направление сплавных рек, текущих в Белое море», оказывается неблагоприятно для лесного хозяйства! Как это понимать? Так-ли, что в Северном крае, реки которого имеют неприятную наклонность впадать в Белое море и в Ледовитый океан, нет благоприятных условий для развития лесного хозяйства? Либо так, что слабое развитие жел. дор. транспорта на Севере обрекает леса севера пребывать в «мертвой зоне»? Ведь это сущий вздор.

Понятно после этого, что проф. Орлов не признает себя побежденным и считает, что такая критика только укрепляет «принцип постоянства».

Нет! Победоносное развертывание социалистического наступления, грандиозные задачи второй пятилетки открывают совершенно иные перспективы перед лесным хозяйством Севера, Дальнего Востока, Урала, Западной и Восточной Сибири,—нежели это кажется Крюкову. Индустриализация этих краев, развитие ж. д. и других видов транспорта, техническая реконструкция всего народного хозяйства СССР будут резко сокращать «мертвую зону». Лесопромышленные комбинаты будут сооружены в глуби лесов. Продукты механической и химической переработки древесины — древесная смола, светильный газ, скипидар, канифоль и скипидарное масло, искусственный сахар, винный спирт и синтетический каучук, целлюлоза, бумага и искусственные ткани, пихтовое масло и камфара, дубильные экстракты, изоляционные стройматериалы, древесный уксус, ацетин и кетоновое масло, сажа, уксусная кислота, древесный лак, формалин и т. д. и т. п. — требующиеся нашей промышленности, нашей стране, в изобилии должны и будут добываться в наших лесах. В нашей стране также найдет свое место промышленное разведение таких иноземных экзотов, как пробковый дуб, акации для корья, лаковое дерево, тунговое дерево, камфарный лавр, гвайюла, виргинский можжевельник, канадский тополь и т. п. породы, которые мы сейчас частично импортируем. Точно также в южную часть Севкрая, где хищническое лесоистребление капитализма серьезно чувствуется населением, могут быть передвинуты такие породы как липа, клен, лещина.

В нашей социалистической стране найдут свое место и лесоплодовые хозяйства. Масло, добываемое из кедровых и буковых орешков,

может полностью покрыть потребность всей нашей страны в растительном масле. Бук, лещина, грецкий орех, каштаны, дикие груши и яблоки, шелковица, кизил и ряд других лесных пород могут и будут разводиться в специальных лесоводных хозяйствах социалистической страны...

Можно ли все это многообразие задач, возможностей втиснуть в тощую, абстрактную формулу «постоянства пользования»? А ведь все эти возможности являются вполне реальными в нашем плановом социалистическом хозяйстве. Дело живых людей, активных строителей социализма превратить возможность в действительность, обогатить потребности и благосостояние многомиллионных масс трудящихся нашей страны!

Поистине принцип «постоянства пользования» — свидетельство «экономии мышления».

Социалистическое хозяйство разрывает те узкие рамки, в которое было заключено лесоводство в капиталистических условиях. Хозяйственный идеал лесовладельца, — обеспечение высокой капиталистической прибыли, определяет собою и лесоводственный идеал — превратить лес в неиссякаемый источник дохода лесовладельца. Лесоводственное мировоззрение буржуазных лесоводов ограничено рамками частной собственности. Последняя же, определяя собою лесоводственные мероприятия, является источником неразрешимых противоречий капиталистического лесного хозяйства. Классическим примером того, к каким последствиям приводит капиталистический «размах» в области лесоводства, является известная «еловая мания» германских лесовладельцев. Проф. Богословский очень ярко и картинно описывает печальные последствия массового увлечения германских лесовладельцев еловыми насаждениями. Он объясняет эти печальные последствия тем, что лесовладельцы, увлекшись елью, забыли о природе леса, и «природа отомстила за чрезмерное увлечение формулами и вообще арифметикой, за которой забыли о биологических основаниях лесоводственной техники» (проф. Богословский, Новые течения в лесоустройстве, стр. 100).

Проф. Ткаченко дает более «углубленный анализ еловой мании»: оказывается «еловая мания» есть результат влияния «метереологических элементов на лесохозяйственные идеи».

Проф. Ткаченко присоединяется к выводам Видемана о том, что «смена «сосномании—елеманией»... испытывает ритмические колебания в соответствии с периодическими колебаниями климата», и предлагает «лесоводам» не впадать в пессимизм при уменьшении прироста насаждений в засушливые годы, памятуя, что после них придут годы влажные, как «в древности в земле фараонов после «семи голодных сухих годов» приходили» семь жирных годов» (см. проф. Ткаченко, Возникновение и распространение лесохозяйственных идей, стр. 6).

Буржуазные экономисты, объясняющие происхождение кризисов капиталистического хозяйства влиянием солнечных пятен, подобным же образом утешают капиталистов надеждами на «семь жирных годов».

Капиталистический мир регулярно переживает кризисы перепроизводства, экономическое банкротство буржуазии повторяется акку-

ратно каждые десять лет. Уж не думает ли проф. Богословский, что и периодически повторяющиеся кризисы есть месть со стороны экономики «за чрезмерное увлечение формулами и вообще арифметикой»? Профессор забыл, что «чрезмерное увлечение формулами и вообще арифметикой» для расчетливых буржуа неизбежно, ибо оно вытекает из ненасытной жажды прибыли, в погоне за которой капиталисты забывают даже о неизбежно вытекающих из этого стихийного и неустранимого стремления к прибыли весьма печальных последствиях для всей капиталистической системы — ее последнем смертном часе.

Капиталистическое лесоводство неизбежно подчиненное принципу обеспечения высокой капиталистической прибыли, неизбежно подчиняется и всем неизбежно вытекающим отсюда последствиями. Даже не останавливаясь перед перспективой лесного голода, капиталисты неизбежно, пока они существуют, вторгаются и будут грубо вторгаться «в жизнь одного из наиболее высоко-развитых и сложных растительных сообщества — леса...» «совершенно игнорируя природу, не желая вдумчиво и внимательно отнестись к ней, прочесть то, что она начертала на своих зеленых страницах» (Богословский). Проф. Богословский, констатируя факты, характерные для капиталистического способа ведения лесного хозяйства, забывает об их неизбежности и рекомендует руководствоваться «биологическими основаниями лесоводственной техники»... Тогда чем руководствоваться капиталистам, чтобы избежать неустранимых периодических кризисов, разрастающихся время от времени в грандиозные катастрофы, по сравнению с которыми последствия «еловой мании»— сущие пустяки?

Как бы ни пеклись о судьбах капиталистического лесного хозяйства ученые буржуазные лесоводы, оно неизлечимо больно общей для всей капиталистической системы хозяйства болезнью. Анархия капиталистического производства, колоссальное расхищение производительных сил, кризисы и т. д. и т. п.— все это, являясь неустранимыми качествами капиталистического хозяйства в целом, являются свойством и каждой его органической части.

Точно так-же, как капиталистический способ производства превратился в тормоз развития производительных сил, вообще, этот способ производства является тормозом развития и лесного хозяйства. Разве возможны в капиталистических условиях те грандиозные мероприятия по развитию лесонасаждений, которые намечены, будут осуществлены и уже осуществляются у нас в СССР? Капиталистические страны с частной собственностью на землю не могут и мечтать о таких гигантских мероприятиях, меняющих лицо земли.

Точно так-же, как социалистический способ производства, вообще, означает «беспрерывно, постоянно ускоряющееся развитие производительных сил, а благодаря этому и практически безграничное увеличение самого производства» (Энгельс),— и в лесном хозяйстве возможности социализма практически безграничны. Перед этими безграничными возможностями стоит сейчас лесоводственная мысль.

Разрешить новые гигантские проблемы социалистического лесного хозяйства может лишь лесоводственная мысль, основанная на принципах той философии, которая является единственно правильной,— на принципах диалектического материализма.

Марксистская разработка проблем социалистического лесного хозяйства даст возможность вырвать с корнем все и всякие буржуазные лесоводственные теории. Только в беспощадной борьбе с этими теориями может вырасти и окрепнуть теоретическая мысль лесоводов-марксистов.

Эта борьба неизбежно сопряжена с активизаций сопротивления буржуазных элементов в области теории и в практике. Успехи социалистического строительства и гибель капиталистических элементов, вызывая озлобление в рядах реакционной части буржуазной интеллигенции, толкали их на путь вредительства.

В лесном хозяйстве было раскрыто и ликвидировано не мало вредительских организаций. Вредительство имело свои гнезда как в низовом лесозаготовительном аппарате, так и в руководящих центрах и научно-исследовательских учреждениях. Мейеровщина в ВНИЛИ, разветвленная сеть вредителей в лесозаготовительном аппарате Всеукраинского управления лесами, вредительская группа в Дальлесе, в Северолесе и т. д.— все эти факты свидетельствуют, что определенная часть лесных специалистов в течение ряда лет продолжала активно бороться против пролетариата. Среди них, конечно, не мало было лиц, получивших идейное оружие для контрреволюционной работы в учении морозовской школы.

Эта часть специалистов в период управления лесами НКЗ тормозила развертывание лесной промышленности, ограничивала отпуск леса для промышленности. Опираясь на те же «вечные» и «естественные» принципы лесного хозяйства они боролись против передачи лесов промышленного значения самой промышленности. Когда все это не помогло им сорвать темпы, тогда «специалисты» перенесли свою подрывную работу в промышленные и планирующие органы.

Проект вредительской пятилетки лесного хозяйства (Мейер и др.) показывает, что его теоретическим обоснованием являлись те же принципы морозовского лесоводства.

Разрыв между ростом лесопромышленности и строительства и лесозаготовками, создание узких мест путем из года в год снижающихся темпов лесозаготовок—такова суть вредительского проекта пятилетки лесного хозяйства. Ограничение объема лесозаготовок исчислениями, опирающимися на морозовскую теорию подвижного равновесия — вот теоретическое обоснование этой вредительской пятилетки.

Эти факты еще раз подтверждают, что в ожесточенной классовой борьбе идеи морозовской школы призваны служить врагам пролетариата и они должны быть вырваны с корнем из науки о лесном хозяйстве. Методологические принципы, положенные морозовской школой в основу учения о лесе ни в коей мере не могут способствовать углублению науки о лесном хозяйстве, ибо принципы эти не верные. Дальнейшее углубление всякой науки, в том числе и о лесе, возможно и происходит лишь в мере перестройки ее на основе правильной методологии познания, а таковой является лишь материалистическая диалектика. Первое условие такой перестройки—полный разрыв науки с ее буржуазным прошлым, решительный переход на сторону пролетариата и к обслуживанию задач социалистического строительства. Решительно становясь на этот путь, наука вступает на путь все более

глубокого познания объективной действительности и открытия материальных закономерностей. Неразрывная связь науки с задачами, выдвигаемыми практикой социалистического строительства, есть основное условие перестройки ее на основе марксистско-ленинской диалектики — революционного познания действительности в целях революционного изменения действительности. Очевидно, что все это не может произойти само-собой, без активной борьбы со стороны материалистов-диалектиков, против буржуазного сопротивления в науке лице буржуазных ученых, пропитанных буржуазной идеологией.

Задачи перестройки науки о лесном хозяйстве стоят в полном объеме. Откладывать разрешение этих огромных задач значит отдавать в плен буржуазной идеологии тысячи молодых пролетарских специалистов, готовящихся в наших лесных ВТУЗ'ах и техникумах. Развернутое наступление марксистско-ленинской методологии в науке о лесном хозяйстве и перестройка ее на основе диалектического марксизма — задача неотложная, и к ней нужно приступить немедленно.

Для успешной борьбы с буржуазными теориями в науке о лесном хозяйстве, наряду с их разоблачением и критикой необходимо, чтобы материалисты-диалектики развернули положительную разработку проблем реконструкции лесного хозяйства и противопоставили нашу линию марксизма-ленинизма в области разработки конкретных проблем реакционным теориям буржуазных лесоводов.

Осуществить эти задачи возможно только о позиций ленинизма, в непримиримой борьбе на два фронта, как против буржуазного механицизма — этой теоретической базы правого уклона и являющегося главной опасностью, так и против меньшевистствующего идеализма и контрабанды контрреволюционных троцкистских идеек. Только в борьбе на два фронта будет преодолена бужуазная методология, все еще продолжающая господствовать в лесоводстве. Только в борьбе на два фронта возможна положительная разработка проблем социалистической реконструкции лесного хозяйства.

Наука о лесном хозяйстве, идя навстречу задачам, поставленным практикой социалистического строительства, сможет выполнить свою роль, когда она вооружится, наконец, по-настоящему большевистской партийностью и большевистскими темпами.

Редактор *Н. Д. Блинов.* Техредактор *М. А. Смирнов.*

Уполном. Севкрайлита № 2732 — март 1932 г. ОГИЗ № 198, III—П—9 г. Зак. № 1379 Стат. форм. бум. А⁵—148×210, 5¾ п. л. 6 а. л., 103168 зн. в б. л. Тираж 5200. Сдано в производство 16 марта 1932 г. Подписано к печати 15 апреля 1932 г.